

реальность фантастики

№ II 2009

Повесть:

Джордж Локхард
«СУДНАЯ НОЧЬ»

Рассказы:

Даниэль Клугер
«АВТОПОРТРЕТ В
ИНТЕРЬЕРЕ»

Майк Гелприн
«КТО СПАСАЕТ –
ДОХОДИТ»

Павел Гросс
«ВЬЕТКОНГ»

Юлиана Линкс
«ПЛЯЖНАЯ ЛЮБОВЬ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 11 (75) 2009

Проза

1. Джордж Локхард	/ СУДНАЯ НОЧЬ	4
2. Даниэль Клугер	/ АВТОПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ	34
3. Антон Тудаков	/ ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ	55
4. Евгений Константинов	/ ЛОДОЧНИЦА	72
5. Майк Гелприн	/ КТО СПАСАЕТ – ДОХОДИТ	84
6. Марина Ясинская	/ УГОВОР С УПОКОЙНИКОМ	96
7. Наталья Землянская	/ ЛИЦЕДЕЙ	108
8. Алекс Мустейкис	/ БЕЛАЯ ПЕШКА	118
9. Эли Бар-Яалом	/ ПОЛТОРА БОДУЭНА В СЕКУНДУ	126
10. Владимир Семенякин	/ ДНИ НОВОЙ СВОБОДЫ	134
11. Елена Фаламеева	/ ЧУДЕСА ЭКВИЛИБРИСТИКИ	139
12. Павел Гросс	/ ВЬЕТКОНГ	144
13. Сергей Погодин	/ КАК ГОЛУБЫЕ ГИГАНТЫ
БЕЛОГО КАРЛИКА ОБИЖАЛИ... ..	148
14. Юлиана Линкс	ПЛЯЖНАЯ ЛЮБОВЬ	151

Детская страничка

15. Ольга Чибис	ПО ЭТУ СТОРОНУ СКАЗКИ,
ИЛИ МОЙ КОТЁНОК ЛЮБИТ ЯБЛОКИ	153
16. Татьяна Сапрыкина	ЛУННЫЕ НОСКИ	167

Критика

17. Генри Лайон Олди,
Андрей Валентинов	ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ. ЗАНЯТИЕ ВТОРОЕ	170

Рецензии

18. Маша Звездецкая	РЖП В ЛИЦАХ: АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ	184
19. Kkk72	ГОРЬКОЕ ПРОРОЧЕСТВО	189

Кинопортал

20. Лев Гурский СПАСАЙТЕ, КТО МОЖЕТ191
21. Павел Бойко HELLO, DOLLY!196

Репортаж

22. Наталья Деева НОВОЕ СОЗВЕЗДИЕ НА НЕБОСКЛОНЕ ФЭНДОМА ...199

Opus Mixtum

23. Михаил Назаренко НОВОСТИ205

ДЖОРДЖ ЛОКХАРД

СУДНАЯ НОЧЬ

*А мне приснилось — миром правит любовь,
А мне приснилось — миром правит мечта,
И над этим прекрасно горит звезда...
Я проснулся и понял: беда.
В. Цой*

— **М**НОГО НОЧЕЙ НАЗАД, В ДАЛЕКОЙ-далекой пещере, встретились двое сильных: красный и синий. Синий был добрым; когда он летал над равниной, все цветы раскрывались ему, будто солнцу. А красный был очень злым: он не летал над равниной, а ходил там и ногами топтал цветы. Поэтому между синим и красным началась битва. Они искуса-

ли друг друга до смерти, но сильные не умирают, и они воскресли и продолжили кусаться, царапаться и бить хвостами. Потом синий сказал: «Я не могу одолеть тебя», а красный ответил: «Я тоже не могу». Тогда синий воскликнул: «Вот прекрасная равнина, полная жизни! Пусть первый, кто встретится нам, изберет победителя!» Красный засмеялся: «Да будет так. Но побежденный сам решит судьбу того, кто отказал ему в победе».

Тайга окунула слушателей зловещим взглядом. Весело стрекотали цики, пламенеющее небо красило степь в мириады оттенков пурпура. Тихое потрескивание костра лишь оттеняло глубокий покой, царивший вокруг.

— И случилось так, что первым, кого встретили сильные, оказался юноша, охранявший гнездо, где его подруга недавно отложила яйца. Страшно стало синему, знавшему, кого юноша назовет победителем. «Спросим другого», — предложил он. Но красный громко засмеялся. «Нет, мой враг, — сказал он. — Мы спросим этого юношу, и он присудит тебе победу, а затем я растерзаю его, и разорю его гнездо, как было условлено».

Тайга сузила глаза.

— Услышав это, синий обернулся к испуганному юноше: «Назови его победителем» — приказал он, указав когтем на красного. Но юноша возразил, покачав хвостом: «Жизнь моя ничего не значит в сравнении со злом, ожидающим Народ. Я присуждаю победу тебе». И тогда красный расхохотался:

«Видишь, — спросил он синего, — сколь бесполезен твой путь? Все, что ты создал, прекрасно обликом, но лишено разума. Назвав меня победителем, он дал бы тебе власть отменить любое зло, которое я мог сотворить; теперь же, о враг мой, наслаждайся победой и смотри, как гибнет твой мир!»

Тайга резко подалась вперед, приоткрыв крылья и встопорчив спинной гребень.

— Красный сказал: «Я создам расу убийц, которые наводнят всю равнину. Они уничтожат Народ, выжгут каждую травинку в этой степи, они возведут повсюду каменные города, а когда в мире не останется ничего живого — станут пожирать друг друга, пока не сгинут все, кроме последнего, которого я растерзаю сам. Так придет конец твоему бесполезному миру!» Синий спросил: «Сколько времени ты дашь Народу?» Красный ответил: «Улетай навсегда, и я дам Народу тысячу дней». Тогда синий расправил крылья и улетел, а красный спустился в самую глубокую пещеру и лег спать, чтобы через тысячу дней пробудиться и уничтожить всех нас...

Тайга перевела дыхание и окинула слушателей многозначительным взглядом.

— В полночь исполнится ровно тысяча дней со дня битвы сильных! — прошипела она. Но то ли погода была слишком мирной, то ли громадный темно-красный диск луны действовал успокаивающе, однако рассказ не произвел должного эффекта.

— Страшилки ты сочинять не умеешь, — веско заявил Скай, вожак отряда.

Оскорбленная девочка даже приподнялась на задние лапы от возмущения.

— Это не страшилка! Это правда!

— Хи, — Скай толкнул крылом соседа. — Она сама себе верит.

— Верю, — обиженно заявила Тайга. — И если кое-кто... — она недвусмысленно ткнула хвостом в сторону Ская — ...даст мне закончить, он тоже поверит. Коли смелости хватит.

— Ну-ну, — вожак скептически сложил левое ухо. — Слушаю.

— Думаете, это обычная страшилка? — вполголоса спросила Тайга. — Страшная сказка, чтобы дети не летали над горами в часы затмений? Как бы не так! Знаете, где я прочла эту историю? — она обвела друзей торжествующим взглядом. — В отцовском терминале. Папа работал с документами, а в соседнем гроте брат играл лазером и обжег перепонку. Он взвыл, отец побежал к нему, а я быстренько сконнектилась и скачала файл.

Скай небрежно повел крылом.

— Подумаешь... Так любой может.

— А я не хвастаю, — огрызнулась Тайга. — Просто говорю, откуда узнала о конце света.

Она с явным удовольствием отметила, что теперь ее слушают гораздо внимательнее.

— Так вот... — Тайга гордо изогнула шею. — Отец работал с каким-то важным файлом, большая часть текста была зашифрована. Прочесть я смогла только легенду и дату — грядущую полночь.

Она выдержала паузу:

— И еще... Кое-что...

— Ну? — не выдержал золотистый Драко.

Тайга загадочно покачала хвостом.

— Этого я не могу сказать. Слишком опасно.

— Да ладно вам, развесили уши! — неожиданно встрял Скай. — Сочиняет она все.

— Как знаешь, — Тайга небрежно загнула хвост. Все смотрели на нее. — Если хочешь, оставайся тут... Птенчик... А мне пора лететь... — Она встала и потянулась, царапая землю когтями. — Кто со мной?

Скай нахмурился.

— Я отвечаю за отряд. Ты никуда не полетишь.

— Ну и отвечай за отряд, — Тайга презрительно фыркнула. — За себя я сама отвечаю.

Расправив крылья, она взмыла в пурпурное небо и нахально пролетела прямо над костром, сквозь искры. Вихрь воздуха разметал мельчайшие частички пепла, Скай невольно зашипел:

— Вернись! — пепел попал ему в глаза.

— Догони, — со смехом отозвалась Тайга и помчалась в сторону. Следом за ней взлетели Драко, сапфировая Аракити и даже маленький Дарк, который обычно при слове «страшилка» сразу прятал голову под крыло. У костра остался лишь протирающий глаза Скай.

Едва лагерь скрылся за деревьями ближайшей рощи, Тайга заложила глубокий вираж и приземлилась.

— Все ко мне, — позвала она тихо. Дети собрались ромашкой и накрылись крыльями.

— Слушайте, — Тайга заговорщицки оглядела друзей. — В отцовском файле было еще кое-что. Примерные координаты той самой пещеры, где спит красный. Это совсем рядом, меньше получаса лета. Думаю, потому наша семья сюда и переехала. Отца всегда интересовали мифы и легенды, у него в логове все стены заклеены археологическими голограммами. Наверно, он мечтает отыскать путь в зловещую крепость зла прежде, чем пробудится красный...

— Теперь точно заливаешь, — неуверенно возразил Драко. Он был самым сильным в группе обучения, но таким добродушным, что ни разу даже не попытался бросить вызов Скаю и стать новым вожаком.

— Говорю вам, это правда! — Тайга легонько боднула его рогами. — Слушайте дальше! Я уже летала на место, где должна быть пещера. Там обычное озеро, никаких следов скал. А значит, отец не ошибся — вход действительно там!

— Почему? — с любопытством спросила Аракити. Она немного завидовала редкому фиолетовому окрасу Тайги, считая, что синий цвет слишком банален, и носила на рогах пару аметистовых колечек, пытаясь это исправить.

— Потому что иначе пещеру давно бы нашли, — терпеливо объяснила Тайга. — Думаете, ее один мой отец ищет? Да все взрослые только и дела-

ют, что готовятся к возвращению красного! Крепости строят, подземные убежища...

— Это не убежища, а энергохранилища, — поправил Дарк. На целый день младше остальных, он попал в отряд Ская, поскольку сдал все экзамены за три ступени вперед. — Наша планета приближается к афелию, ночь будет очень холодной и надо заранее запастись энергией...

— Ты веришь этим сказкам для малышей? — насмешливо спросила Тайга. Смущенный Дарк умолк.

— В общем, я спрятала на берегу светофильтры и конструктор P12, — Тайга улыбнулась. — Кто со мной?

Красноречивое молчание было ответом. Расправив крылья, дети взмыли в пурпурное небо и помчались на север.

На берегу озера было необычно тихо, даже цики почему-то молчали. Пока Тайга с помощью Драко собирала из конструктора подходящего робота, Дарк подошел к воде и осторожно попробовал ее на вкус.

— Пресная, — сообщил он разочарованно. — Нет там никакой пещеры, Тая.

— Гррррр! — девочка держала в пасти деталь манипулятора и только сверкнула глазами на друга.

— Когда на дне есть выходы скальных пород, в воде будет минеральный привкус, — упрямо продолжил Дарк. — Кроме того, отсюда до океана полчаса лета. Если всего тысячу дней назад здесь был горный кряж, то...

— Слушай, сейчас нырнем и посмотрим, да? — оборвала Аракити. Она стояла у берега, разглядывая свое отражение.

— Нырять? — Дарк развел крыльями. — Зачем? Говорю вам, это обычное илистое озеро, на дне нет ничего, кроме грязи!

Тайга наконец освободила пасть и с шипением обернулась:

— Если боишься, оставайся тут.

— И останусь, — неожиданно твердо возразил Дарк. — Я во всем использую научный подход, так меня мама учила.

— Значит, будешь нас страховать, — решила Тайга. — Дракош! Ты закончил?

— Сейчас, сейчас... — из-под панциря робота торчал золотистый хвост. — Вы пока жабры примите.

Кивнув, Тайга вытащила из коробки от конструктора небольшую бутылочку и вытряхнула на ладонь три прозрачные таблетки.

— Кити, сюда!

Сапфировая оглянулась и нехотя покачала хвостом.

— Я останусь. Вода грязная.

— Трусиха... — прошипела Тайга.

— А вот и нет, — возразила Аракити. — Просто должен же кто-то следить за погодой? Вечер уже близок, скоро начнутся ураганы. А Дарк еще маленький... К тому же я не очень люблю темные пещеры.

— Пещеры она не любит! — передразнила Тайга. — Мы тут, быть может, конец света предотвращаем, а ты... Эх... — вздохнув, она перебрала крыльями, подбросила таблетку и поймала ее пастью. Вторую проглотил Драко, как раз выбравшийся из-под робота.

— Все готово, — он склонился над коробкой и выпрямился, держа в зубах пару светофильтров. — Надевай.

— Хоть у кого-то есть когти... — проворчала Тайга. — Эй, железка! Включайся.

Робот дернулся, с жужжанием покрутил винтами и повернул блок камер к детям.

— P12, функция неясна, — сообщил он мягким басом.

— Функция: подводный исследователь, — объявила Тайга.

Робот выпустил щупальца и приподнялся, смешно оглядываясь блоком камер.

— Конструкция нерациональна, — заметил он. — Рекомендую изменить функцию.

— И так сойдет, — пробормотал Драко. — Ну? Ныряем или нет?

Тайга молча нацепила светофильтр и длинным прыжком отправила себя в воздух. Следом взлетел Драко, а робот грузно затопал к берегу. Дарк и Аракити следили, как их товарищи скрылись в прохладной воде.

— Думаешь, они там что-то найдут? — неуверенно спросила сапфировая.

Дарк мрачно кивнул:

— Неприятности.

Вода на глубине была уже не прохладной, а просто холодной. Светофильтры едва заметно мерцали, подстраиваясь под направление взгляда. Тайга донырнула до самого дна и замерла, загребая крыльями, разочарованно оглядываясь.

К ней подплыл Драко и жестом указал вперед, где муть скрывала подробности. Некоторое время дети плыли параллельно дну, сопровождаемые роботом, который под водой мигом стал ловким и стремительным. Никаких следов затопленной пещеры видно не было.

Спустя несколько минут, основательно продрогнув, Драко дернул спутницу за хвост и жестом указал вверх. Но Тайга, замотав головой, подплыла к роботу и выстукала когтем приказ: «Поиск искусственных объектов». Если бы не водное дыхание, Драко непременно бы фыркнул.

Однако вскоре его скептицизм испарился: покрутившись на месте, робот уверенно и быстро двинулся вправо. Тайга бросила на друга торжествующий взгляд и поплыла следом за машиной, грациозно изгибаясь всем телом. Вздохнув, Драко пожал крыльями и последовал за спутницей.

Чем глубже они погружались, тем холоднее становилась вода. Изображение в светофильтрах мутнело, не хватало света. Драко запоздало подумал, что к роботу стоило бы прикрутить прожектор, но тут машина остановилась, и он с разгона врезался в Тайгу. Девочка даже под водой умудрилась зашипеть.

Драко виновато развел крыльями, извиняясь за неуклюжесть. Тем временем робот опустился на самое дно и взревел двигателями, разбрасывая ил. Дети поспешили отплыть подальше, не желая дышать загрязненной водой.

Несколько минут слышен был только гул мотора и мягкое чавканье ила. Тайга возбужденно дергала хвостом, Драко старался вести себя с холодным достоинством. Наконец, жужжание смолкло, и из тучи ила выплыл робот, сжимавший манипулятором небольшой металлический диск. Дети невольно переглянулись.

Разом, не сговариваясь, Драко и Тайга ударили крыльями и рванулись на поверхность. Там, отплевавшись от воды, Драко подплыл к роботу и забрал у него находку. Тайга уже была рядом, загребая хвостом, как умела только она.

— Что это? Ну? Что?

Драко тяжело вздохнул.

— Клапан, — отозвался он разочарованно. — Клапан от корабельного кингстона.

— Корабль? — переспросила Тайга. — В озере?

Драко задумался.

— И то верно... А может, это и не клапан. Деталь звездолета?

Тайга скептически усмехнулась.

— Хорош звездолет, от которого детали отваливаются!

— Грррр, ну откуда мне знать, как сюда попала эта железка?

— А давай робота спросим, — Тайга обернулась к молчаливой машине. — Эй! Что это такое?

— Клапан, — невозмутимо отозвался робот.

— Как он сюда попал?

— Нет информации.

Драко раздраженно прижал уши.

— Ты что, с машинами говорить разучилась? — оттолкнув Тайгу, он спросил сам: — От какого аппарата деталь?

— Точной информации нет. Вероятнее всего, батискаф, — ответил робот.

Пораженные дети уставились на металлический диск. Первой опомнилась Тайга.

— Вот это да... — прошептала она. — Я же говорила! Говорила, что с озером нечисто!

— Постой, — Драко сглотнул. — Если это деталь батискафа, то батискаф потерпел аварию. В этом озере, возможно, кто-то погиб, Тая. Надо сообщить взрослым!

Девочка уже не выглядела столь уверенной, как раньше.

— Да, наверно... — она оглянулась на далекий берег, где их ждали друзья.

— Дракош, минутку.

Подплыв к роботу, Тайга требовательно спросила:

— Сколько времени деталь находилась в воде?

— Определить невозможно, слишком качественный металл, — ответила машина.

- А когда ее изготовили?
- Три миллиарда шестьсот тридцать шесть миллионов шестьсот двадцать тысяч шестьсот двадцать минут назад.
- Драко широко раскрыл глаза.
- Когда?!
- Робот невозмутимо повторил:
- Приблизительно 999 дней, 410 сегматов и 8 часов назад.
- Повисла полная тишина, только волны плескались о чешуйки изумленных детей. Наконец Тайга с трудом сглотнула комок в горле и мотнула головой в сторону берега.
- П-п-поплыли, — хрипло согласился Драко.

Они сидели неподалеку от озера, у костра, все пятеро, и молча смотрели на кусочек блестящего металла. Молчал даже Скай, находка его потрясла. Что до Тайги, то девочка уже сама не была рада своей затее. Одно дело — играть в смелых искателей легенд, и совсем другое — НАЙТИ то, что искал.

Первым молчание нарушил Дарк. Он легче остальных перенес шокирующую новость, видимо просто не до конца поверил.

- А может, совпадение? — спросил он робко. — Мало ли...
- Тысячу дней назад батискафов еще не было, — мрачно ответил Драко.
- Даже нержавеющей выплавлять не умели.
- Но если робот все перепутал? — Дарк встрепенулся. — Конечно! Он спутал датировки, вот и все!

— Нанометрия не допускает ошибок, — сухо отозвался робот, стоявший поодаль на берегу.

Дарк обернулся:

- Ты бы уж молчал! Выкопал неизвестно что...
- Известно, — возразила машина. — Объект является клапаном, рассчитанным на давление порядка сорока тысяч атмосфер.
- Ого, — Дарк уважительно посмотрел на стальной диск. — А по виду и не скажешь...

Тайга зажмурилась, яростно помотав головой.

- Я сплю. Я сплю, и мне все это снится.
- Если бы, — угрюмо отозвался Драко. — Скай, а ты чего молчишь? Есть идеи?

Вожатый кивнул.

— Есть. Давайте вызовем из города аварийку, осушим озеро и все выясним.

Зло рассмеявшись, Тайга схватила злополучный клапан и сунула его под нос товарищу.

- Осушим озеро? Да? А если у него дна нет?!
- Ну, все, с меня хватит! — рассвирепевший Скай вскочил. — Ты это затеяла, а сейчас отнекиваешься? Любишь летать — люби и крыльями махать! Да я сейчас тебе все чешуйки пересчита...

Его прервал удивленный голос Аракити:

— Ребята, а что с озером происходит?

Все вздрогнули. Подскачив от неожиданности, Тайга резко обернулась:

— Где?!

— Смотри, вот мои следы, — Аракити указала на хорошо заметные во влажном песке отпечатки когтистых лап. — Помнишь, я стояла тут и смотрела в воду?

Тайга недоуменно кивнула.

— Помню...

— Вот и я помню, — Аракити тревожно дергала хвостом. — Но с тех пор берег отодвинулся почти на метр!

Драко сдавленно вскрикнул, Дарк рефлекторно сунул голову под крыло. Тайга медленно встала, надеясь, что ее хвост не дергается столь откровенно, как у Аракити.

— Хочешь сказать, из озера исчезла часть воды?

Аракити кивнула.

— Сама не видишь? Вода куда-то улетучивается! Словно... — тут она ахнула и зажала пасть крылом. Фразу докончил Драко:

— Словно пробку вытащили.

Повинуясь некому импульсу, все обернулись и посмотрели на скромно блестящий клапан. Даже Дарк высунул голову из-под крыла.

— Это невозможно, — заявил он чуть дрожащим голосом. — Мы бы не заметили утечку так скоро...

Тайга сглотнула.

— По домам? — спросила она нервно.

— Ну, уж нет, — Скай резко щелкнул хвостом. — Вначале исправим то, что натворили.

Схватив клапан, он подошел к роботу.

— Верни деталь на то самое место, откуда ты ее взял, с точностью до микрона!

— Приказ ясен, — робот обвил щупальцем стальной диск и бесшумно скользнул в воду. Тайга, Драко, Дарк и Аракити столпились тесной кучкой за спиной Ская.

Диск луны медленно наполнил на звезду, но робот не возвращался. Тайга нервно помахивала хвостом, Скай лежал на песке, мрачно скрестив передние лапы. Остальные жались друг к другу.

— Надо сообщить в город... — в очередной раз попытался Дарк. — Вдруг там трещина образовалась...

— Что еще за трещина?! — вспыхнула Тайга. — Вода уходит в подземную пещеру, где спит красный!

— Нет никакого красного, — упрямо возразил Дарк. — Просто наше появление совпало с маленьким землетрясением, и дно озера раскололось.

— Ага, и мы этого не заметили?

— А мы в воздухе были, — нашелся Дарк.

Тайга отмахнулась крылом:

— Не болтай чепухи.

— Знаешь... — неуверенно протянул Драко. — Если б я спал в пещере, и туда бы вылили целое озеро, я бы точно проснулся.

Аракити содрогнулась.

— Летим домой! — взмолилась она.

Неожиданно просьбу поддержал Скай:

— Верно. Тая, Драко, Дарк, летите с ней в город. Расскажите все, что видели.

— А ты? — подозрительно спросила Тайга.

— Я останусь и буду ждать робота.

— Я тоже останусь, — твердо заявил Дарк. — Настоящий ученый никогда не улетит, поджав хвост. Так мама говорила.

Аракити фыркнула.

— Ох и влетит тебе от мамы! — Она встала. — Драко, ты со мной?

Прежде, чем золотой успел ответить, к нему подбежала Тайга:

— Лети, — шепнула она. — За меня не беспокойся. Кити нельзя отпускать одну, она такое насочиняет, что сюда спасателей отправят...

— Я все слышала! — обиделась Аракити.

— И хорошо, — Тайга сурово прижала гребень. — Пока ведь ничего не случилось, верно? Мы просто нашли кусок железа. Незачем сеять панику!

Аракити воинственно вздернула хвост:

— Это кто здесь сеет панику?! Это я, что ли?! — От возмущения у нее даже гребень встопорщился. — Вот, значит, как?! Ты стащила секретный файл, натворила красный знает что, а я, получается, панику сею?!

Аракити решительно расправила крылья.

— Я хотела сказать в городе, что мы купались и случайно нашли клапан. А теперь — хвосты! Все расскажу, как было! — Взвихрив тучу песка, она рванулась в багровое небо и мгновенно скрылась из виду. Тайга презрительно высунула вслед язык.

Больше говорить было не о чем, поэтому дети молча расселись на песке в ожидании робота. Нырнуть следом — теперь, когда о тайне озера стало известно, — никто не решался.

Несколько минут прошли в напряженной тишине. Внезапно Драко широко развернул уши и вскочил:

— Кто-то летит!

— Где? — Скай и Тайга подпрыгнули от неожиданности, Дарк вновь сунул голову под крыло. Тем временем впереди над озером послышались торопливые взмахи, и на песок с разгона опустилась запыхавшаяся Аракити.

— Вы?! — увидев друзей, она попятилась и села на хвост.

Тайга нахмурилась.

— Что-то забыла?

— Я... — Аракити зажмурилась и помотала головой. — Чушь какая-то. Я летела в город, прямо на юг. Увидела огонек на берегу озера, а тут вы!

Она в полном недоумении принялась к воздуху.

— Но ведь ветра нет... Как я могла дать круг и не заметить?!

Все переглянулись. Молча, стараясь держать хвост спокойно, Скай подошел к своему рюкзаку и вытащил унбор. Остальные следили, как вожак пытается найти сигнал со спутников.

— Ничего нет, — голос Скай сорвался, но он взял себя в лапы чудовищным усилием воли. — Нас что-то экранирует.

Тайга бессильно опустила на песок.

— А может... Все спутники уже... — она не рискнула окончить фразу и замерла, в глубоком ужасе глядя на Драко.

— Не может! — зло оборвал Скай. — Нас что-то экранирует. Точка.

— Иск-к-кажение п... п... поля... — дрожащим голосом предположил Дарк.

— П-п-повляло на чувс... чувс... чувс... ч-чувство направления Ар... Ар... Арак-к-кити...

Аракити переводила взгляд с одного на другого.

— Вы чего? — слотнув, она попятилась. — Вы с ума сошли, да?

— Тихо! — рявкнул Скай. Он был смертельно испуган и старался сам себя приободрить. — Драко, Тая! Возьмите Дарка за крылья. Кити! Иди сюда.

Он оглядел друзей свирепым взглядом.

— Слушайте. Сейчас мы вместе, одной группой, взлетаем и берем курс на запад. Летим так, чтобы крылья друг за друга задевали! Драко, ты впереди, я замыкающий, Тая и Кити в середине, Дарк между нами. Лететь быстро, смотреть внимательно!

Скай развернул гибкий экран унбора и показал всем точку на карте.

— Мы здесь. К западу от нас, в двадцати семи километрах, проходит грузовой монорельс. Мы должны его найти любой ценой. Готовы?

Тайга с трудом кивнула, Дарк и Аракити растерянно моргали. Вопрос задал только Драко:

— А если не найдем?

— Тогда и будем думать! — резко ответил Скай. — Отряд, на взлет!

Его послушались.

Лунное затмение, похоже, замкнулось само на себя, как пространство вокруг озера. В какую бы сторону ни летели дети, спустя пару минут они вновь оказывались над ненавистным берегом. Все попытки найти место «стыка», где направление полета менялось на обратное, оказались безуспешны. Даже идея Дарка пересечь незримую границу растянутой цепочкой, где каждый мог видеть летящего впереди, окончилась впустую.

Когда от усталости никто уже не мог шевельнуть крылом, Скай наконец сдался. Опустившись на песок, он угрюмо накрыл голову и замер, тяжело дыша от изнеможения. Остальные расселись рядом, слишком уставшие и перепуганные, чтобы разговаривать. Почти час царил тишина.

— А почему мы видим луну? — спросил, наконец, Дарк. Тайга тяжело подняла голову.

— Ты о чем?

— Луна ведь далеко, — безразлично ответил Дарк. — И она сама не светится, только отражает солнечный свет. Как этот свет проходит барьер? Сигнал со спутников гораздо сильнее отраженного солнечного света, но луну мы видим, а спутники нет.

Аракити устало фыркнула.

— Спроси что полегче.

— Хорошо, — Дарк кивнул. — Вопрос полегче. Если лететь вперед, возвращаешься с противоположной стороны. А если лететь вверх?

Драко удивленно моргнул, даже Скай вытащил голову из-под крыла.

— Вверх?

— Ага, — Дарк немного приободрился, и его перепончатые ушки уже не были обреченно прижаты к голове. — Вверх, или... — он обернулся к озеру.

Аракити яростно замотала головой:

— Я туда нырять не стану!

— Но ведь робот не вернулся, — напомнил Дарк.

— Вот именно!

Драко покачал хвостом.

— Нет. В озеро мы нырнем, только если других путей не останется совсем.

— По-моему, их уже не осталось, — заметила Тайга.

— Можно попробовать перелететь барьер на большой высоте...

— Это не просто барьер, — тихо сказала Тайга. — Разве вы не видите?

Свет и ветер его проходят, он не пускает только нас. И не дает вызвать помощь. Мы должны что-то сделать... — Она оглядела друзей и едва слышно добавила: — ...Закончить начатое.

Скай яростно ударил хвостом о песок.

— Хватит! Сейчас не время для страшилок!

— Говорю вам, мы разбудили красного, — повторила Тайга. — И должны его отыскать. Он там, — она кивнула на озеро. — Ждет нас.

Дарк замотал головой:

— Нет никакого красного!!! — крикнул он с отчаянием.

Тайга, глубоко вздохнув, поднялась на ноги.

— Вот сейчас и проверим.

И прежде, чем друзья успели ее остановить, девочка с силой прыгнула, расправляя лиловые крылья. Черная вода, где отражался багровый диск луны, поглотила ее с тихим всплеском.

Первым опомнился Драко. Молча, даже не зарывав, он с разбега вбежал в озеро и нырнул следом за Тайгой. Скай хотел последовать примеру друзей, но Аракити мертвой хваткой вцепилась в его хвост.

— Не смей! — выдохнула она. — Не смей бросать нас тут одних!

— А как же они?! — рывкнул Скай.

— Они сделали свой выбор! — Аракити оскалила клыки.

Скай зарычал. Припав к земле, они с Аракити изготовились к битве, Дарк беспомощно смотрел на это со стороны. И тут из озера послышался громкий всплеск.

Метрах в двадцати от берега на поверхности показался Драко, он тащил в лапах Тайгу. Оба молотили крыльями по воде, как бешеные. Прежде, чем оцепеневший Скай успел броситься на помощь друзьям, Драко и Тайга доплыли до берега и выскочили из озера, дико дергая хвостами. В глазах детей застыл ужас.

— Там... — Тайга судорожно поднимала и опускала гребень. — Там...

— Что?! — к ней подскочила Аракити. — Что там?!

Драко бессильно лег на песок.

— Там город, — ответил он тихо. — Затонувший город.

Подготовкой к погружению занялись Скай и Драко. Из коробки с конструктором были извлечены баллончики с тефлананитом. Драко аккуратно напылил скафандры на чешую товарищей. Пока он этим занимался, Скай крепил виброфоны к рогам Аракити и Дарка. Молчали все, даже Тайга. Девочка еще не совсем опомнилась от пережитого страха.

Закончив напылять скафандры друзьям, Драко подождал, пока Скай обрабатывает его самого, и протянул спутникам флакончик с жабрами.

— Глотайте.

— Не стоит нырять всем сразу... — Дарк беспомощно озирался. — Может, мы с Кити...

— Нет, — резко ответил Скай. — Разделиться не станем. Ключи ко всем тайнам — в этом городе, и либо мы их отыщем, либо...

— ...не вернемся, — угрюмо закончила Аракити.

Тайга судорожно вздохнула.

— У нас есть что-нибудь... Ну, для защиты? — тихо спросила она у Драко. Тот покачал хвостом.

— Все, что было, установили в работа.

— Даже пугалки для акул не осталось?

— В конструкторе P12 ее никогда и не было, Тая, — Драко тяжело вздохнул. — Глотай жабры.

Притихшая девочка молча приняла таблетку. Ее примеру последовали остальные. В последний раз оглядев берег, Скай решительно включил прожекторы на рогах и зашагал к озеру. Тефлоновый комбинезон немного сковывал движения.

Под водой скафандры начали мягко светиться зеленым. Первой, показывая дорогу, плыла Тайга, Драко держался рядом. За ними — крылом к крылу, боязливо прижимаясь друг к другу, плыли Аракити и Дарк. Группу замыкал Скай, укрепивший у себя на рогах по три комплекта светодиодов, и потому сверкавший как маленькая звезда. У всех на глазах были светофильтры, превращавшие подводную тьму в яркий солнечный день.

Город нашелся быстро. Каким образом он оказался на дне озера, и почему его не было раньше, когда робот искал клапан, дети не знали. Они погружались все глубже, изумленно озираясь, чувствуя, как от страха по чешуе

пробегают мурашки. Скоро отряд уже плыл среди высотных зданий, напоминавших чудовищно вытянутые стальные клетки.

— Проверка связи, — глухо произнес Скай. Ультразвук виброфона отдавался в чешуйках неприятным зудом, но иного способа разговаривать при водном дыхании еще не придумали.

— Невероятно... — пробормотал Драко. — Должно быть, Тая права: это сон, иначе и быть не может.

— Как определить, кто из нас спит? — мрачно спросил Дарк. — Любой скажет, что это именно его сон, а остальные просто ему снятся.

Аракити нервно озиралась.

— Смотрите! — она указала когтем вниз, на основание гигантского здания. — Там статуя.

Все, не сговариваясь, поменяли направление. Чем глубже погружался отряд, тем более мутной и холодной становилась вода. И хотя скафандры надежно грели детей, водное дыхание охлаждало им кровь. Длинные, прыгающие тени от прожекторов Ская метались по мертвому городу.

Доплыв до цели, отряд молча окружил статую. Водоросли и наносы покрывали ее толстым слоем. Некоторое время дети разглядывали находку, опасаясь даже строить гипотезы. И первой, как всегда, молчание нарушила Тайга:

— Я ничего не понимаю, — призналась она вполголоса.

Аракити язвительно изогнула хвост:

— Вот уж новость...

— Да-а? — Тайга воинственно обернулась. — А сама-то что думаешь?

— Я думаю, — Аракити склонила голову набок. — Я думаю... Перед нами... О! Холотеатр! Тут был холотеатр, а это афиша какого-то фильма.

— Афиша в виде статуи размером с вагон? — переспросил Драко.

Аракити дернула хвостом:

— Вы спросили, я ответила!

— Это картина, — тихо сказал Дарк. — Картина в металле.

Скай задумчиво обвел скульптуру лучом прожектора.

— Неизвестный зверь верхом на другом звере пронзает копьём ребенка? — он гневно встопорщил гребень. — Если это картина, ее автору лучше не попадаться мне на глаза.

— Скай прав, — негромко сказала Тайга. — Я не могу вообразить, чтобы в городе, на видном месте, поставили такую статую. Разве только... — она обернулась к друзьям — ...разве только в городе жили звери.

Девочка кивнула на скульптурное изображение всадника.

— Вот такие.

Все недоверчиво притихли.

— Что ты имеешь в виду? — спустя минуту, спросил Драко.

Тайга подплыла к статуе.

— А если это вовсе не наш город? — спросила она тихо. — Что, если он тысячу дней был спрятан здесь, на дне озера, в ожидании ночи, когда пробу-

дится красный и наполнит его своими жуткими тварями? Помните, в легенде говорилось, что убийцы возведут каменные города...

— Это не каменный, а металлический город, — возразил Дарк. Остальные были слишком поражены словами Тайги, чтобы задавать вопросы.

— Каменный... Металлический... Какая разница! — девочка развела крыльями. — Легенду писали наши дикие предки, может, они вообще не знали о металлах.

Она огляделась.

— Нужно искать дальше. Рисунки, голограммы... Надписи на неизвестном языке...

— Тая, — мягко прервал Драко. — Мы сюда нырнули, чтобы узнать, почему не можем вернуться домой. Изучение города лучше отложить.

— Грррр! — Тайга оскалила клыки. — И что вы собираетесь искать? Кнопку, открывающую барьер?

Скай натянуто усмехнулся.

— Было бы неплохо...

— Нужно искать свет, — внезапно сказал Дарк. — Где свет, там энергия, где энергия — там жизнь. Не может быть, чтобы этот город ни с того, ни с сего появился на дне озера. Он мог только подняться из скрытых люков. Поэтому и уровень воды снизился: когда шлюзовые камеры открывались, часть озера налилась внутрь.

Он выдержал недоверчивые взгляды друзей.

— Во всем нужен научный подход, — твердо произнес Дарк. — Если что-то нельзя объяснить, это значит лишь, что нам известны не все части головоломки. Я могу прямо тут, сейчас, придумать сотню гипотез, и каждая будет в сто раз достоверней сказки о «красном».

Он подплыл к Скаю.

— Выключи прожекторы. Давайте все вместе поднимемся чуть выше самого высокого здания, и посмотрим, горит ли где-нибудь свет.

— Замечательный план, — язвительно прокомментировала Аракити. Однако, несмотря на скепсис, она вместе с другими последовала предложению Дарка. Погасив излучатели, отряд начал всплытие.

И почти сразу обнаружил искомое:

— Смотрите! — Драко первым заметил движение. — Там что-то есть!

Действительно, вдали, среди остовов зданий, мелькал слабый огонек. Дети сгрудились в тесную группу, загребая воду крыльями, и некоторое время молча следили за ним. Далекий огонек медленно двигался вдоль улицы мертвого города.

— А вдруг это наш робот? — шепнула Аракити.

Тайга покачала хвостом:

— У робота не было прожектора, Драко забыл привинтить.

Драко возмущенно встопорщил гребень, но ответить не успел. Его прервал Дарк:

— Скай, начинай подавать сигналы. Три короткие вспышки, потом три длинные.

— Почему три? — машинально спросил Скай.

— Нужна последовательность, которой не бывает в природе. Так они поймут, что мы разумные существа.

Аракити резко обернулась:

— А с чего ты взял, что там вообще кто-то есть?! Может, это рыба свещающаяся!

— Сейчас посигналим и узнаем, — ответил Скай, стараясь казаться спокойным. Отплыв чуть в сторону от друзей, он склонил голову, нацелившись прожекторами на неизвестный огонек, и включил свет на полную мощность. Отряд наблюдал, как вожак раз за разом повторяет серию сигналов.

И результат не заставил себя ждать. Огонек вдали мигнул, потом резко усилил яркость — видимо, излучатель повернули в их сторону. Несколько секунд огонь просто сиял, а затем, в ответ на очередную серию сигналов Ская, повторил последовательность из трех всплешек. Дарк радостно приоткрыл пасть.

— Сработало... — прошептал он, сам себе не веря. — Плыдем навстречу?

— Нет! — одновременно отозвались Скай и Драко. Аракити согласно кивнула:

— Нет уж, пусть они плывут к нам сами.

— Поднимемся на поверхность? — предложила Тайга. — Кто бы там ни был, виброфоны не позволят нормально общаться.

Скай отрывисто кивнул.

— Так и сделаем. Все — всплывайте и возвращайтесь на берег, я прослежу, чтобы они нас не потеряли. И хоть раз... — он крылом прикрыл Тайге пасть — ...хоть раз, Тая, не спорь.

— Гррррр! — возмущенная девочка распахнула крылья во всю ширь, водные вихри едва не перевернули Дарка и Аракити. Тем не менее, очевидно, спорить надоело даже Тайге, так что рычанием все и ограничилось. Смерив Ская гневным взглядом, Тая грациозно изогнулась и скользнула к поверхности. Следом немедленно поплыл Драко, за ним, постоянно оглядываясь, отправились и Дарк с Аракити. Вскоре под водой остался лишь Скай — да неизвестные гости, чей огонек быстро приближался.

Тайга и Драко стояли по хвост в воде, ожидая Ская. За ними, на берегу, Аракити разжигала новый костер взамен погасшего, а Дарк расставлял стойки со светодиодами, на случай, если багрового лунного света не хватит. Дети пока не смывали с себя скафандры.

Спустя десять минут на поверхности показался и Скай, он выглядел изумленным. Драко и Тайга выбрались на берег следом за товарищем, все собрались у костра.

— Ну? — нетерпеливо спросила фиолетовая девочка.

Скай покачал хвостом.

— Я не уверен... Не стал ждать, пока они подплывут ближе. — Он виновато прижал уши. — Их пятеро, и они совершенно точно нам не сородичи.

— Не сородичи? — взволнованно переспросил Дарк. — То есть, инопланетяне?!

— Откуда мне знать! — вспыхнул Скай. — У них нет ни хвостов, ни крыльев, на спинах огромные вытянутые горбы, а ноги оканчиваются перепонками, как у морских черепах. Тот, кто плыл спереди, держал фонарь в лапе, значит, есть пальцы. Это все.

Тайга сглотнула.

— И они плывут сюда?

— Надеюсь, — с чувством ответил Скай. — Не хотелось бы снова нырять. Аракити выпустила когти и зловеще расстелила крылья по песку:

— Уверена, это они все устроили.

— Что? — не понял Драко.

— Ловушку для нас!

Дарк фыркнул.

— Кен Шаогава давно доказал, что враждебность при контакте развитых культур невозможна. Если планета сумела отправить в космос...

— Так, а вот и они, — оборвал Драко.

Метрах в семи от берега из воды поднялись странные круглые головы пришельцев. На мгновение детям показалось, что глаза у гостей занимают большую часть лица, но вскоре они поняли: это защитные маски. По мере того, как первый инопланетянин брел к берегу, взгляду открывалось все больше подробностей. В багровом свете луны стало заметно, что горбы на спинах в действительности представляют собой некие ранцевые устройства, вроде рюкзаков.

В целом, пришельцы не слишком отличались от изумленно глядевших на них детей — общее строение тела, если не считать отсутствующих крыльев и хвоста, было примерно таким же, органы чувств располагались на головах. Пропорции, конечно, отличались, но куда меньше, чем можно было ожидать от совершенно чуждых существ. Дарк первым обратил внимание на важную деталь: инопланетяне, если, конечно, это были взрослые особи, почти впятеро уступали размерами жителям планеты, куда нанесли визит.

— Маленькие зеленые пришельцы, — недоверчиво пробормотала Тайга.

Дотошный Дарк покачал хвостом:

— Они не зеленые, это на них скафандры такие.

— А помните статую? — вполголоса спросил Драко. — Сравните-ка их со всадником...

Скай кивнул, не отводя глаз от гостей.

— Верно. Думаю, это сородичи строителей города.

— Едва ли они дружили с нашими предками, — мрачно заметила Аракити. — Вот увидите: мы еще пожалеем, что их встретили.

Пришельцы тем временем добрались до берега и сгрудились там, очевидно столь же потрясенные встречей. Они непрерывно обменивались отрывистыми, отчетливыми словами на абсолютно непонятном языке.

Скай, глубоко вздохнув, шагнул вперед и сделал вежливый жест крылом.

— Скай, — произнес он громко, указав на себя. — Я — Скай! Это Тайга, — он ткнул когтем в сторону девочки, — Драко, Аракити и Дарк. Мы знаем, вы нас не понимаете, но все равно, добро пожаловать.

При первых словах Ская, инопланетяне мгновенно умолкли и выслушали его в гробовой тишине. Вид у них при этом был такой, словно Скай, заговорив, совершил нечто принципиально невозможное. Аракити моментально это заметила:

— Они нас раньше не видели, — прошептала она друзьям. — Но почему-то удивились. Думаю, они гораздо примитивнее нас.

— С чего ты взяла? — в полном недоумении спросила Тайга.

— Только дикари видят зверя в каждом незнакомце.

— Да-а? — Тайга прищурила глаза.

— Еще бы, — Аракити твердо кивнула. — Мы тут стоим в скафандрах, рядом с прожекторными стойками, горит костер, но они все равно думали, что мы животные, пока Скай не заговорил.

Драко тревожно кивнул.

— Она права, Тая. Это очень плохой признак.

— А может, у них на планете есть звери, похожие на нас? — предположил Дарк. — Давай проверим.

Он шагнул вперед, оскалил зубы и негромко рыкнул. Все пятеро пришельцев разом отпрянули, вожак угрожающе поднял палку, которую держал в руке. Драко поспешно оттащил друга назад.

— Спятил? — гневно спросил он. — Не видишь, они испуганы! И кстати, у них есть оружие, — он кивнул на палку. — Оттуда торчит острие.

Скай оглянулся:

— Не мешайте контакту! — прошипел он.

Дети притихли. Скай, между тем, чертил хвостом на песке теорему Келианоса о треугольниках. Закончив, он отступил назад и направил прожектор на рисунок. Один из пришельцев несмело наклонился.

— Пифагор! — воскликнул он.

Скай удовлетворенно кивнул:

— Им явно знакома геометрия.

— Если, конечно, слово «Пифагор» не означает «грязный хвост», — звизгательно заметила Аракити. Смутившись, Скай поспешно отряхнул кончик хвоста от налипшего песка.

— Ну вот, мы вступили в контакт, — заметил он. — Что дальше?

— Покажи им унибор, — подсказал Драко.

Скай встрепенулся.

— Точно! — он подбежал к своему рюкзаку, но застыл, раскрыв от изумления пасть. Над озером, где тихо плескалась темная вода, парила неясная призрачная фигура пришельца, окутанная бледно-голубым сиянием. Рядом с ней в воздухе стоял незнакомый мужчина.

Его чешуя полыхала багровым огнем.

На сей раз тишина продолжалась долго. И дети, и пришельцы, были равно потрясены; но если шок от встречи друг с другом быстро прошел, то к зрелищу двух призраков посреди озера привыкнуть было куда труднее. К

счастью, привидения не спешили к берегу, очевидно, давая возможность освоиться с их присутствием.

Первой, как обычно, пришла в себя Тайга. Сглотнув, она несколько раз моргнула и, когда призраки не исчезли, бессильно опустила на песок.

— Вот и все, — тихо сказала девочка. — Доигрались.

Рядом с ней присел Драко, его трясло.

— Не бойся, — выдавил он. — Может, ничего и не случится. Мало ли какие глупости напридумывали за тысячу дней.

С другой стороны на песок опустился Дарк, возле него молча сели Скай и Аракити. Прижавшись друг к другу, дети молча смотрели на невозможных гостей. Пятеро пришельцев тоже сгрудились в тесную кучку, один даже уронил в воду свою маску. И тогда, очевидно дождавшись, пока жертвы немного опомнятся, призраки двинулись вперед.

Красный мужчина расправил крылья и легонько взмахнул ими, бросив себя в воздух. Ощущение от его полета было одновременно прекрасным и нереальным, нагоняющим ужас — и необоримо притягивающим. Все замерли в восхищении, лишь Аракити покрепче прижалась к Скаю — она никак не могла справиться с дрожью.

Синий призрак поступил проще; он направился к берегу, ступая по воде, словно по дороге. Как ни странно, это произвело на пятерку пришельцев куда большее впечатление, чем полет алого призрака на отряд Ская. Двое инопланетян сразу рухнули на колени, оставшиеся колебались, но, в конце концов, еще двое присоединились к товарищам. Последний пришелец остался стоять, гордо вскинув голову и сжав кулаки.

Поскольку крылья — транспорт куда более быстрый, чем ноги, первым достиг берега красный призрак. Не обратив никакого внимания на инопланетян, он сразу подошел к детям и придирчиво осмотрел их, словно прикидывал, годятся ли они для его планов. Вблизи призрак ничем не отличался от обычного мужчины, разве только светился и был прозрачным.

Скай громадным усилием воли взял себя в лапы.

— Кто ты? — прохрипел он, подняв голову.

— Я? — призрак улыбнулся. — Ох, малыш, я много кто...

Оглядев потрясенных детей еще разок, он тяжело вздохнул и уточнил:

— В последнее время я археолог. Веду тут изыскания, ищу следы космического корабля. Тысячу дней назад где-то здесь приземлились гости из другой галактики.

— Тысячу дней?.. — растерянно переспросил Скай.

— Точно, — весело отозвалось привидение. — Красная уйма времени! Говорят, в этом корабле хранится секрет вечного металла — такого, что сам upholstery, сопротивляясь износу... Но что я все про себя, да про себя? — спохватился призрак. — А вы-то как сюда попали, малыши? Только честно! — В последних словах промелькнула неясная интонация. Так далекий, на грани слышимости гром, предупреждает о скором тайфуне.

Скай, запинаясь от волнения, начал рассказ. Пока он говорил, остальные немного пришли в себя и с опаской принялись разглядывать призра-

ка. А тот очень внимательно слушал Ская, не улыбнувшись даже при упоминании легенды.

— Вот оно как... — протянул красный, когда запыхавшийся мальчик умолк. — Замкнутое само на себя пространство... — Он помолчал, о чем-то размышляя. — Говорите, это началось, когда вы отправили робота обратно под воду?

— Мы не знаем, — Скай покачал хвостом. — Мы несколько часов ждали на берегу, прежде чем обнаружили... барьер.

Внезапно призрак щелкнул когтями и быстро спросил:

— Когда был изготовлен клапан? Только точно!

— 999 дней, 410 сегматов и 8 часов назад, — робко ответил Дарк.

— Четыреста десять? Ты уверен?

Дарк загнулся, но пересилил себя и кивнул.

— Так сказал робот.

Призрак поднял голову и пристально осмотрел небосвод, будто желал пересчитать все звезды.

— Да, похоже на правду... — пробормотал он под нос. — Отлично!

— Что отлично? — с опаской спросила Тайга.

Красный усмехнулся.

— У нас есть почти десять часов на подготовку.

Драко приподнялся от волнения:

— Подготовку к чему?!

— К битве, — просто ответил призрак.

Смысл слов не сразу дошел до детей. Первой догадалась Тайга: ахнув, она вскочила на ноги.

— Битва?! — девочка обернулась к пятерке пришельцев, с которыми уже несколько минут беседовало синее привидение. — С ними, да?!

Красный кивнул.

— Верно.

— Так ты тот самый? Из легенды?

Призрак горько улыбнулся.

— Ну, в некотором смысле я тот самый.

Дарк широко раскрыл глаза.

— Но это невозможно... — прошептал он.

— Почему? — удивилось привидение.

— Мы возникли путем эволюции! — Дарк вскочил, неожиданно даже для самого себя выпустив когти. — Нас никто не создавал!

— Конечно, никто вас не создавал, — улыбнулся призрак. — Я лишь помог беженцам построить здесь новый дом.

Он умолк и с неземной тоской посмотрел куда-то вдаль.

— Если б вы знали, малыши... — горечь в голосе заставила Тайгу вздрогнуть. — Если б вы знали, сколько раз уже повторялся этот цикл...

Скай наконец опомнился и вскочил:

— Какой цикл? Что здесь происходит?! О какой битве идет речь?!

— От кого мы бежали тысячу дней назад? — тихо спросила Тайга.

Красный помолчал.

— Ребята, мне очень жаль, но вы больше никогда не вернетесь домой, — сказал он после длительной паузы. — Вы попали в ловушку, которая открывается вечером каждого тысячного дня.

Дети молча стояли в лучах багрового света. Призрак опустил голову.

— Миллионы дней назад, — начал он, — в далекой-далекой звездной системе, встретились двое могущественных волшебников. Я и мой враг, — он кивнул в сторону синего призрака. — Мы не сумели одолеть друг друга и заключили нерушимый договор. Тысяча дней отведена каждому, чтобы найти народ, находящийся на грани вымирания, выводить его, придать новых сил — и дать сразиться с народом врага. Тот, чьи воины побеждают, становится правителем на следующую тысячу дней.

Потрясенная Тайга раскрыла пасть.

— Правителем чего?!

— Всего, — коротко ответил красный. — Мы наиболее могущественные существа в Галактике.

— Но... но... — Дарк от волнения дергал хвостом. — Это же глупо. Это бессмысленно, преступно, невозможно! Даже дети... — Он смутился, но продолжил: — Так даже дети не поступают!

Призрак усмехнулся.

— Природа не терпит сложных путей, — заметил он. — Могущество определяется не количеством энергии, подвластной существу, а уровнем развития его разума. Чем выше ты развит, тем лучше сумеешь передать свои знания ученикам. А что может быть труднее, опаснее и, как ни странно, почетнее роли учителя целой планеты?

Дарк запнулся. Его перебила Тайга:

— Но, по легенде, наш защитник — он! — она ткнула когтем в сторону синего призрака. — А ты должен был создать расу убийц, чтобы истребить его творения!

Красный молчал так долго, что девочка не выдержала:

— Ну? Легенда правдива или нет?

— Правдива, — сухо ответил красный.

— Так почему же с нами говоришь ты, а не он?

— Потому что вы и есть раса убийц, которых я создал, — спокойно ответил призрак. — И сегодня вы видели город тех, кого уничтожили тысячу дней назад. Вы сами, не я.

Повисла мертвая тишина. Недоверчиво приоткрыв пасть, Тайга смотрела на красного.

— Это невозможно... — прошептала она наконец. — Мы бы помнили...

— Нет, вы никогда этого не вспомните, — сухо ответил призрак. — Я позаботился.

— Но... но... — Тайга беспомощно оглянулась. — Драко... Объясни ему... Мы не такие...

— Конечно, не такие, — красный ободряюще улыбнулся. — Я потратил на вас целую тысячу дней, малышка. Сегодня вы — прекрасные, добрые, великодушные создания. Настоящий шедевр. Вы — лучшее свидетельство моего мастерства, и я люблю вас, как художник любит свое лучшее полотно.

Он обратил взгляд ко второй группе, с которой беседовало синее привидение.

— Вероятно, вам будет любопытно знать, что мой противник избрал себе в воспитанники именно тот народ, который вы едва не истребили. Так что сегодня разразится второй раунд очень, очень древней игры... — красный усмехнулся.

Шокированная Тайга молча опустила на песок, Драко накрыл ее крылом. Но, пока Скай и Дарк неприветливо смотрели на призрака, в разговор внезапно вступила Аракити:

— Не сходитесь тут что-то, — заметила она с подозрением. — Мы ведь дети. Самому старшему из нас едва исполнилось восемь дней. Какой смысл отбирать пятерых детей для битвы, если она такая важная, что сам красный, великий правитель Галактики до нее снизошел?

— Ваши противники тоже дети в своем племени, — невозмутимо ответил призрак. — Тут все просто: мы не отбираем бойцов. Смысл имеет лишь схватка, где участвуют выхваченные наугад существа, иначе любой мог бы подготовить команду непобедимых воинов и вовсе не тратить время на остальных. Не забывай, здесь оценивается достижение народа в целом, а не кучки тренированных солдат. Когда вы угодили в ловушку у озера, мы подобрали вам пятерых противников того же возраста и пола.

— И вы собрались судить об уровне развития народа, проверив, кто лучше кусается?! — воскликнул Дарк.

Призрак улыбнулся.

— Воля к жизни — великая сила.

— Мы не будем в этом участвовать! — рявкнул Скай.

— Будете, — спокойно ответил красный.

— Ты не заставишь нас!

— Я и не собираюсь, — призрак покачал хвостом. — Просто задумайся: отказавшись от битвы, ты проиграешь. И тогда весь ваш народ — всех, не только вас пятерых! — уничтожат создания моего врага.

Скай задохнулся.

— А если... Если мы победим?..

— Не волнуйся, — красный фыркнул. — Я не заставлю вас вторично истреблять население целой планеты. Это испортит все, чего я добился, — он перебрал крыльями. — Проигравших я уничтожу сам. Никто здесь даже не узнает о битве.

Тайга подняла голову.

— Ты чудовище! — сказала она сквозь слезы.

— Нет, — призрак погрозил девочке когтем. — Я всего лишь строгий учитель. В масштабах Галактики и ваш, и их народ, не более чем песчинки. Но победа для меня — дело чести.

Потянувшись, красный расправил призрачные крылья и пару раз взмахнул ими, точно как живой, проверяя перепонку.

— Я сознаю, это непростой выбор, — сказал он спокойно. — К тому же вы совсем малыши. Я дам вам время все обдумать; полагаю, часа хватит. Бывайте! — он ударил крыльями и моментально исчез в высоте. Его примеру последовал и синий призрак; очевидно, он также завершил инструктаж. Две группы детей остались в одиночестве на берегу ночного озера, под багровой луной.

Только теперь она казалась кровавой.

Тишину долго никто не решался прервать. Тайга боялась даже смотреть в сторону пришельцев, те, очевидно, испытывали сходные чувства. Наконец, сглотнув, Скай поднял голову.

— Нам придется это сделать, — сказал он тихо.

— Нет, — Тайга содрогнулась. — Никогда.

— Ради всех остальных, Тая. Эти... — Скай скрипнул зубами — ...космические мерзавцы не остановятся ни перед чем.

Тайга резко обернула голову к другу.

— Скай, очень внимательно выслушай то, что я сейчас скажу. — Она оглядела друзей и добавила: — Вы тоже слушайте. Я не верю ни единому слову красного. Может, они с синим так и договорились — поменяться местами и наврать нам кучу глупостей.

— А зачем? — скептически спросила Аракити.

— Кто их знает, зачем! — огрызнулась Тайга. — Я знаю лишь одно. Если мы сделаем то, что хочет красный, мы потеряем право называться разумными. Потеряем право жить. И не только мы, пятеро, но и весь наш род.

— Говори за себя! — резко бросила Аракити.

Тайга покачала хвостом.

— Вспомните слова красного. Мы — пятеро взятых наугад детей. Нас не выбирали заранее, не готовили, не искали.

Она подалась вперед и тихо сказала:

— Если мы совершим преступление по приказу, значит, любой его совершит. Мы с вами сейчас отвечаем за всех.

— Она права, — мрачно произнес Драко. — Она права, Скай. Если мы сделаем это, то — красный не лгал — мы действительно раса убийц.

Аракити недоверчиво приоткрыла пасть.

— Крылатые, вы с ума посходили? — она моргнула. — Опомнитесь! От нас зависит, будет ли жить наш народ! И всего-то надо прикончить нескольких пришельцев, которые истребят нас всех, если мы этого не сделаем!

Тайга с ужасом посмотрела на подругу.

— Ты понимаешь, что сейчас сказала?!

— Еще как понимаю, — Аракити решительно встала. — И хватит распускать сопли! Да, работа предстоит грязная, но лучше я по хвост в грязь залезу, чем позволю этим... — она презрительно ткнула хвостом в сторону пришельцев — ...мохнатым тварям причинить вред моему роду!

Драко поднялся с земли.

— Кити, — произнес он серьезно. — Мы давно знаем друг друга. И тебе известно, что я редко даю обещания, но уж если даю, то никогда не нарушаю. Так вот, Кити... — Драко с такой свирепостью оскалил клыки, что вздрогнула даже Тайга. — Еще раз услышу что-то подобное, тебя отправят в больницу. Обещаю.

Аракити запнулась, но ей на выручку неожиданно пришел Скай:

— Не рычи, — вожак встал рядом с Аракити. — Она права. Мы в безвыходном положении.

— Скай! — Тайга обняла крылом Драко и вскинула голову. — Ты готов на гнусное убийство?

Вожак резко дернул хвостом.

— Я бы не стал совершать преступления, будь речь о моей жизни, или даже о жизни всех нас пятерых. Но тут затронута судьба целой планеты, Тая. Кто мы, чтобы решать такие вопросы?

— Вот именно! — гневно отозвался Драко. — Но ты, похоже, этим и занят!

— Я сделаю все, чтобы защитить свой род, — холодно произнес Скай. Аракити торжествующе вздернула хвост.

— Поняли? — она с любовью потерлась головой о плечо вожака. — Хватит играть. Мы уже взрослые, пора это доказать!

Тайга покачнулась.

— Чем доказать?! — спросила она с ужасом. — Убийством пятерых детей, подобно нам, попавших в ловушку?!

— Нет, Тая, — сурово ответил Скай. — Не убийством, а спасением. Думай не о тех жизнях, что мы отнимем; вспомни тысячи, миллионы, которых мы спасем!

Повисла тишина. Двое против двоих, они стояли по разные стороны костра, с каждым мигом все глубже понимая, что решения — нет, и трещина, разорвавшая дружбу, глубока и неодолима. Драко посмотрел на Тайгу; в ее глазах отражались те же чувства, что у него самого. Скай и Аракити молча ждали.

И тишину, наконец, разорвал голос:

— Вы более чужды нам, чем эти существа, — тихо сказала Тая. — Мне стыдно, что я считала вас друзьями.

— А мне стыдно, что я с тобой одной крови! — гневно ответила Аракити.

Драко с силой ударил хвостом в песок:

— Должен быть другой выход. Если мы убедим их тоже отказаться от битвы, красный с синим не смогу ничего сделать.

— И как, не зная языка, ты намерен убеждать пришельцев, которым наговорили то же, что и нам? — осведомился Скай.

— Но не убивать же их?!!

— Или мы — или нас!

— Это логика зверя!

— Чтобы выжить, можно и зверем стать!

— И кому нужен выживший зверь, если ради собственной шкуры он первым делом сожрет все разумное, что в тебе есть?!

— Лучше я стану зверем и спасу разумных, чем останусь разумным посреди кладбища!!!

— Так, ну хватит! — голос Дарка прервал спор, готовый перейти в схватку. Судорожно дыша, Драко и Скай с трудом отвернулись друг от друга и перевели взгляды на своего юного товарища. Тот стоял рядом со странным агрегатом из нескольких светодиодов и кучи деталей от конструктора.

— Дракош, помоги, — Дарк кивнул на свое устройство. — Пока вы тут рычали, я кое-что смастерил, но, похоже, напутал в схеме. Проверь, будь другом.

Помогав головой, Драко страшным усилием воли заставил себя втянуть когти.

— Что это? — он подошел к Дарку.

— Пустяк... — протянул тот. — Ничего интересного. Вот схема, гляди, — он дал другу унибор. — Где я ошибся?

Драко в полном недоумении взглянул на экран.

— Никогда не видел подобного. Что это, Дарк?

— Просто скажи, где ошибка?

Сзади подошла Тайга, справа приблизились Аракити и все еще напряженный Скай. Драко склонился над устройством.

— Так... — он провел когтем по экрану, изучая схему. — Высокочастотный модуль включен правильно... Оба контура на месте... А тут что, так и должно быть?

— Ага, — Дарк азартно кивнул. — Светодиод должен искрить.

Драко прищурил глаза.

— Ты что собираешься делать? — спросил он сурово. — Не оружие, надеюсь?

— Что ты! — Дарк замотал головой. — Наоборот. Если я прав, — он посмотрел на пришельцев, негромко беседовавших поодаль, — а я прав, мой прибор обезоружит наших врагов.

— Они не враги! — горячо возразила Тайга. — Они в такой же ловушке, как мы!

Дарк покачал хвостом.

— Я говорю не об этих бедолагах, Тая, — он нехорошо усмехнулся. — Я о настоящих врагах...

— Ха! — Драко выпрямился. — А вот и ошибка. Ты вставил наноблок в шестнадцатый разъем, а напряжение подвел к семнадцатому.

— Ну-ка, ну-ка... — Дарк схватил унибор. — Верно! Дракош, ты гений.

Светодиоды в конструкции на миг вспыхнули лиловым огнем и тут же погасли. Дарк с глубоким удовлетворением отключил аппарат.

— Готово, — он уселся на землю рядом со своим устройством. — Тая, возьми унибор и зарой его в песок, во-он под тем камнем.

- Зарыть в песок?! — переспросила Тайга.
— Ага.
— А потом что?
Дарк пожал крыльями:
— Будем ждать.
Дети переглянулись.
— Ждать чего? — с опаской спросила Аракити.
Дарк усмехнулся.
— Скоро поймете.

Красный и синий вернулись одновременно. За время их отсутствия в группе пришельцев также произошли серьезные изменения; тот, кто не упал на колени при виде синего, отнял гарпун у жоака и стоял один, против всех остальных, явно готовый к битве, лишь бы не допустить преступления. Тайге очень хотелось встать с ним рядом, но она понимала, что это может быть воспринято как нападение.

Когда лучи багрового света озарили берег, и на песок опустился могучий призрак, дети уже не были тесной группой, как раньше. Скай и Аракити стояли отдельно, угрюмо глядя на гостя, Драко и Тайга сидели на песке рядом с Дарком. Красный с пониманием оглядел своих жертв.

— Перессорились? — спросил он весело. — Я это предвидел. Но разногласия останутся позади, стоит пролиться первой крови. Как только...

Дарк молча нажал кнопку своего аппарата, и оба призрака моментально исчезли. Ошарашенные дети — из обеих групп — обернулись в его сторону.

— Дарк?! — Тайга широко раскрыла глаза. — Что ты сделал?!

— Ничего особенного, Тая, — спокойно ответил мальчик. — Всего лишь электромагнитную пушку. Видишь ли... — он улыбнулся. — Высокотемпературная сверхпроводящая керамика теряет свои свойства в мощном магнитном поле.

Драко раскрыл пасть.

— Но как ты догадался?!

— О том, что наши творцы — не более чем голограммы? — Дарк подмигнул товарищу. — Я просто задумался над их словами. Дракош, всегда нужен научный подход.

Он покачал головой.

— Рассказ красного бред. Он абсолютно лишен логики, а значит, невозможен. Ребята, вы зря недооцениваете социологию; с увеличением масштаба ее законы становятся не менее точными, чем в физике.

— Причем тут социология?! — спросила ошарашенная Аракити.

Дарк пожал крыльями.

— Логика, Кити. Красный и синий пытались казаться существами, более развитыми, чем мы. Однако их слова соответствовали даже не примитивному, а пещерному мышлению. Я просто взвесил вероятность выживания культуры с такими ценностями, и получилось, что народ красного должен

был уничтожить сам себя гораздо раньше, чем достиг бы нашего уровня. Отсюда я сделал вывод, что либо красный и синий сознательно нас обманывают, а значит, грядущей битвы не будет, либо их вовсе не существует, а все, что с нами происходит, имеет другое объяснение.

Дарк глубоко вздохнул.

— И мне кажется, я уже знаю какое.

Он обернул голову к пришельцам.

— Кто-то решил проверить, сумеем ли мы избежать войн. Не станем ли врагами. Вероятно, частичка истины в словах красного все же есть, и наши народы встречаются не впервые. Иначе мне трудно понять, какова причина столь жестокого эксперимента.

Скай яростно помотал головой.

— Я ничего не понимаю! Нас кто-то использовал? Хотел сравнить с ними?!

Дарк вздохнул.

— Верю, не понимаешь. Скай, взгляни на общую картину. Пять детей младшей группы отправляются в поход на равнину Серенг, чтобы ощутить гармонию с природой, как сказала мне мама. Одна из нас при этом уверена, что знает страшную тайну. Внезапно появляется подводный город, за ним — инопланетяне, потом и вовсе мифические существа. И результатом всего этого должна была стать ВОЙНА? — Дарк покачал хвостом. — Простите, не верю.

Тайга недоверчиво моргнула.

— Хочешь сказать, отец специально подсунул мне тот файл?

— Я думаю, — серьезно ответил Дарк, — что если бы ты его не стащила, аналогичную тайну узнал бы Драко, или Скай, или Кити.

— Или ты? — спросила Аракити. Но Дарк покачал хвостом.

— Нет, я бы не поверил.

Он широко улыбнулся, оскалив клыки.

— Я бы им весь эксперимент сорвал.

Некоторое время дети молчали, раздумывая над словами Дарка. Но тут Тайга встрепенулась и удивленно приоткрыла пасть.

— Стоп. Если все было подстроено, каким образом нас держали у озера? Заворачивать пространство в кольцо никто не умеет!

Дарк задумался.

— Это странно, согласен... Возможно, тут применили инопланетную технику? — Он кивнул на пришельцев. — Ихнюю?

— То есть в сговоре участвовали и мы, и они? — недоверчиво переспросила Аракити. — Но если взрослые так легко договорились об эксперименте, зачем он вообще нужен? Ведь тогда очевидно, что наши народы способны сотрудничать, а значит, незачем над детьми опыты проводить!

Дарк напряженно размышлял. Внезапно он ахнул и поднял голову.

— Нет. Не может быть. Не верю. — Дарк яростно ударил хвостом. — Если это правда, то ты самый... самый... самый большой гад, что я видел!!!

В воздухе появилось улыбающееся лицо красного, он подмигнул мальчику.

— Ну-ну, ты еще очень немного видел, малыш.

Потрясенный Дарк опустил на песок.

— Так ты все время следил за нами, знал, что я делаю ЭМИ, и решил по-дыграть? — спросил он с горечью.

Красный виновато прижал уши.

— Прости, не удержался. Ты все так логично разложил по полочкам...

— Но кто же ты? — спросила Тайга. — Неужто вы, и правда, собрали нас здесь, чтобы стравить?

Прекратив улыбаться, красный в мгновение ока полностью проявился и сел на песок, обернув хвост вокруг ног.

— Нет, — сказал он серьезно. — Конечно, нет.

Скай царапал землю от гнева.

— Может, объяснишь хоть что-нибудь?

— Вы сами уже все объяснили, — отозвался красный. — Дарк не ошибся, это действительно был эксперимент. Только совсем другой.

Он кивнул на группу пришельцев.

— Их принесли сюда лишь как раздражающий фактор. Враждебность к этому виду у вас в крови, поэтому мы решили воспользоваться ею, чтобы усилить главный эффект.

— Враждебность? — растерянно переспросила Тайга. — Но я не...

— Конечно, нет! — перебил красный. — Вы разумные существа, а не звери. Однако ваши гены еще помнят время, когда эти существа беспощадно истребляли ваш род. Настолько беспощадно, что не вмешайся мы с другом, — он кивнул в сторону синего призрака, — вы бы не выжили.

Скай и Аракити разом обернулись к инопланетянам.

— Истребляли наш род? — с угрозой спросил вожак.

Красный нахмурился.

— Утихни. Это было тысячу дней назад.

Скай с трудом взял себя в лапы.

— Итак, вы притащили их сюда, чтобы разбудить в нас звериные инстинкты, — он взглянул красному в глаза. — Значит, целью вашего эксперимента были мы?

— Да, — коротко ответил призрак.

— Почему?

— Мы надолго улетаем в другие районы Космоса. Нам требовалось подготавливать себе замену.

Дарк отпрянул.

— Замену?! — он раскрыл пасть. — То есть, нас?!

— Ага, — беспечно отозвался красный.

— Не верю.

— Почему?

— Не верю, и точка. — Дарк топнул ногой. — Чем мы такие особенные?!

Красный улыбнулся.

— Вы самые особенные, малыш. Вы — клоны правителей другой галактики.

Повисла мертвая тишина. Дети недоверчиво смотрели на призрака. Первым опомнился Драко:

— Клоны? — переспросил он тихо.

— Рано или поздно вам все равно рассказали бы правду.

Красный вздохнул.

— То, что я сейчас скажу — уже не сказка, и не подготовленный текст для эксперимента. Правда жестока, но вы должны ее знать.

Он посмотрел на Скаю.

— В другой галактике, примерно на расстоянии семи миллионов парсек отсюда, обитает множество разумных рас. Мы наведались туда относительно недавно, и были поражены — нигде не шли войны. Сотни, тысячи рас мирно уживались под одним небом, и ни одной — ни одной! — не грозила опасность исчезнуть. Мы с другом разменяли уже много миллионов дней, но такого еще не встречали.

Красный покачал хвостом.

— Понимаете, мы ведь на самом деле не боги. И даже не творцы. Мы мечаемся по космосу, пытаюсь спасти как можно больше гибнущих цивилизаций, но их слишком много, а нас всего двое.

— Почему?! — с ужасом спросила Тайга. — Ваш народ... погиб?

— Да, — просто ответил красный. — Погиб на наших глазах. И с тех пор мы поклялись посвятить жизнь спасению других народов.

Он тепло улыбнулся.

— Но скоро мы уже не будем так одиноки. В той галактике мы познакомились с группой существ, как две капли воды похожих на вас, но обладавших силами, сравнимыми с нашими. Они звали себя драконами, и сумели погасить пламя вражды под всеми звездами своего дома. Мы долго изучали их опыт и пришли к выводу, что причина успеха — их личные качества.

Красный подмигнул Дарку.

— Поскольку рисковать нам не хотелось, мы попросили пятерых правителей драконов дать разрешение на создание клонов. Они согласились. Взяв у них образцы крови и плоти, мы вернулись сюда — в мир, где обитает почти точная копия их расы. Мы рассказали старейшинам о плане. И план был принят, ведь память о том, как мы спасли ваш народ, еще не угасла.

Тайга покачнулась.

— Так значит, наши родители... Семьи...

— Настоящие! — поспешно прервал красный. — Что ты, малышка, вы не были рождены в пробирке.

— Но ты сказал, мы клоны! — резко возразил Драко.

Красный кивнул.

— Верно. Вы не были зачаты, как другие дети. Однако вылупились вы из яиц, отложенных вашими мамами, и с самого рождения отцы любили вас, как родных. Иначе и быть не могло... — он тепло улыбнулся. — Ведь вы самые очаровательные малыши, каких я видел за много стодневок.

Некоторое время все молчали. Дети переваривали шокирующую новость, призрак ждал. Наконец, когда шок слегка отпустил, Дарк поднял голову и посмотрел в багровые светящиеся глаза привидения.

— Если все это правда, — он сжал когти, — с какой целью вы начали этот жестокий эксперимент? Проверить, не слишком ли много звериного в нас осталось?

— Наоборот, — серьезно ответил призрак, — мы должны были знать, являетесь ли вы точными копиями своих старших братьев и сестер из другой галактики.

— И каковы результаты? — стараясь держать себя в лапах, спросила Аракити.

Красный развел крыльями.

— Мне даже страшно стало, — признался он тихо. — Вы — это они, только маленькие.

Призрак положил светящееся крыло на плечо Ская. Вторым крылом пригнул Аракити.

— Малыши... — красный глубоко вздохнул. — Вам сейчас кажется, будто все вокруг ложь. Друзья смотрят на вас с ненавистью: полагают, вы предали все чистое и светлое, что есть в драконах. Но поймите, нас творит не только разум. И не только чувства. Не только логика, — он взглянул на Дарка, — и не только любовь, — светлые глаза обратились к Тайге.

— Каждый из вас идеален по-своему, — тихо сказал красный. — Скай жесток, мстителен, но беззаветно предан роду — он идеальный воин. Аракити умна, рациональна и беспринципна, она станет великой правительницей. Дарк — олицетворение разума, он прирожденный ученый. Но чего стоит разум, если рядом нет богини любви — Тайги? На кого равняться юным, если нет Драко?

Призрак ласково улыбнулся.

— Друг без друга — вы обычные дети, со своими достоинствами и недостатками. А вместе — вы совершенство. Вот почему мы избрали именно вас. Вот почему вы росли рядом и дружили от самой скорлупы.

Драко и Тайга переглянулись.

— Что же теперь будет? — спросила девочка. — С нами... И с ними? — она кивнула на инопланетян.

Красный пожал крыльями.

— Вы отныне поступите в новую школу, где вас станут готовить к великой судьбе. А их вернут домой, разумеется. Поверьте, они даже не станут рассказывать, что видели живых драконов, — испугаются прослыть безумцами.

— И все? — презрительно спросил Дарк. — Вы ими воспользовались, как погремушкой, а когда нужда исчезла, отбросили в сторону?

Призрак прищурил глаза.

— У тебя есть другая идея?

— Представь себе, есть, — мрачно отозвался мальчик. — Не то чтобы я тебе верил — уж прости, ты не тянешь на высшее существо, но с гостями так

поступать нельзя. Это... недостойно. Мы должны пригласить их в город, показать свое гостеприимство. У нас, драконов, — он подчеркнул это слово, — с гостями так не обращаются.

— Вас, драконов, — серьезно ответил красный, — едва не вырезали подчистую их предки.

— Меня это очень мало волнует, — с расстановкой произнес Дарк. Он посмотрел на друзей. — А вас?

Тайга возмущенно вскинула голову.

— Как не стыдно! Предположить такое!

— Я не желаю даже знать, ссорились ли мы в прошлом, — твердо сказал Драко. — Скай?

Вожатый на миг заколебался.

— Кто старое помянет... — решил он после паузы.

— ...тому и глаз вон, — заметила Аракити. — А еще хвост, крылья и рога, — добавила она, подмигнув Тайге.

Драко обернулся к призраку.

— Переведи им: нам очень стыдно, что первая встреча случилась при таких обстоятельствах. Скажи, мы приглашаем их в город, и постараемся загладить свою вину.

— Это не наша вина! — возмутился Дарк.

Тайга весело улыбнулась.

— Потом объясним, — она подмигнула Аракити.

ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР

АВТОПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

В

ЛАВКЕ СТАРЬЕВЩИКА МОТЛА ГЛЕЗЕРА ПАХЛО сыростью, залежавшимися вещами и еще чем-то, столь же отталкивающим. Виктор глубоко вздохнул и тут же закашлялся, на глаза навернулись слезы. Он осторожно промокнул платком ресницы.

– Сейчас, сейчас... – забормотал Мотл. Кашель посетителя он воспринял как понукание и вдвое быстрее принялся рыться в куче вещей, сваленных бесформенной грудой у стены.

Его старания на этот раз, как будто увенчались успехом. Издав радостный возглас, он вытащил на свет Божий плоский прямоугольник размером примерно пол-аршина на четверть.

– Вот! – сказал он, возвращаясь к прилавку. – Я же помню – было у меня зеркало, было... – Глезер повернул зеркало к себе тыльной стороной и прочитал: – Полтора рубля. Всего-то полтора рубля, ясновельможный пан, полтора карбованца! То ж и не гроши вовсе, так?

Виктору смешно было слушать смешанную польско-украинско-русскую скороговорку старьевщика, явно не признавшего в мрачноватом и чуть нервном господине соплеменника. Внешне Виктор – точнее сказать, Велвл Байер – вполне походил на средней руки буржуа из города, никакого отношения не имевшего к черте оседлости. Светло-бежевое пальто с пелериной, такого же цвета фетровый котелок, замшевые ботинки, трость в руке. Что же до перепачканных красками рук, то их скрывали светлые лайковые перчатки.

В узких, азиатского разреза глазах Мотла читалось живейшее любопытство: что забыл этот господин в местечке Яворицы, где кроме евреев, составлявших абсолютное большинство населения, можно было встретить лишь крестьян из окрестных деревень, ушедших сюда некогда на ремесленный промысел, да так и осевших в районе Явориц, именуемом Слободой?

После ухода почтенного покупателя Мотл Глезер долго ломал себе голову сразу над тремя вопросами: зачем этому странному господину зеркало, откуда у него в лавке взялся этот старинный предмет и почему он стоил так дешево?

В конце концов, он запер наружную дверь и отправился на вторую половину одноэтажного дома, служившую жильем ему и его жене.

– Сара, – сказал он. – У меня что-то с памятью. Скажи, пожалуйста, откуда у нас в лавке большое зеркало?

– Какое зеркало?

– Ну, такое... – старьевщик показал руками размер. – В красивой раме, старинная вещь, хорошей работы... А?

Сара задумчиво подняла глаза к потолку и через пару секунд сообщила:

– Это покойного Ицика вещь. Ицика Рабиновича. Вдова принесла.

– А-а... – протянул старьевщик. – Правда. Теперь и я вспоминаю. А что же она такую малую цену взяла? Не похоже на Рабиновичей. Покойный Ицик был, не в обиду будь сказано, большим скрягой. Да и Броха его никогда щедростью не отличалась. И почему я так написал – полтора карбованца? Вещь-то дорогая... – Глезер замолчал, сиюсь вспомнить еще что-то. – Знаешь, Сареле, что-то она мне тогда сказала. По-моему. Или я ей что-то сказал. Или кто-то другой мне что-то сказал, а я сказал ей. Или... – он нахмурился, огорченно покачал головой. – Не помню. Память будто сито стала. Ну что ты будешь делать... – Глезер вздохнул. – Ладно, накрывай на стол, что-то я проголодался.

После обеда старьевщик вернулся в лавку. А поскольку никаких покупателей в тот день более не наблюдалось, то он продремал до самого вечера, сидя за прилавком и мерно покачивая головой.

То ли обед оказался слишком сытен, то ли по какой другой причине, но послеполуденная дрема оказалась тяжелой и неприятной. Привиделся ему покойный Рабинович, причем очень нехорошо – будто стоял Ицик в лавке, лицо желтое, глаза будто стеклянные, а улыбка, раздвинувшая наполовину вылезшую бороду, до того отталкивающая, что казалась и нечеловеческой вовсе. И держал покойник в руках проданное зеркало и все норовил повернуть его таким образом, чтобы Глезер увидел свое отражение. Мотл всячески от этого уворачивался, потому что во сне твердо понимал: не должен он там отражаться, а то случится с ним большое несчастье. Когда Рабинович, тяжело ступая, приблизился к нему на расстояние чуть ли не полушага и прямо под нос сунул проклятое стекло, старьевщик шарахнулся от него, да так, что стукнулся головой об шкаф и, разумеется, тотчас проснулся. Сердце его билось, как после быстрой ходьбы, а на лбу выступили капли пота, вызывавшие неприятный зуд. Мотл обтер лицо большим клетчатым платком, покачал головой.

– Сказано: не ешь много на ночь... – пробормотал он. – Или не спи днем, после обеда... – Он тяжело поднялся. Тяжелый послеобеденный сон все не шел из головы. – Что же там было с этим проклятым зеркалом? Ничего не помню, но что-то такое было...

Станный звук донесся из-под кучи еще неразобранных вещей, сваленных в дальнем темном углу лавки. Словно кто-то скребся – негромко, но отчетливо.

«Вот только мышей нам тут не хватало», – подумал Глезер. Пройдя в угол, он озабоченно наклонился и принялся было разбирать старье, но странный звук повторился, на этот раз громче. Шел он не из-под тряпок, а словно из-за стены в этом месте. Глезер выпрямился, подошел к маленькому окошку, закрытому большим неровным куском фанеры. Прислушался, а потом осторожно сдвинул фанеру в сторону. При этом чувствовал он почему-то смутную тревогу.

Улица снаружи была пуста, во всяком случае, та ее часть, которую старьевщик мог обозревать через окошко. Солнце скрылось за горизонтом. Небо

еще не потемнело, напротив, оно обрело ту особую светлую прозрачность, которая существует недолгое время на восходе и закате. Так вот, хотя небо еще не потемнело, но побежавшие от домов длинные тени казались клочьями ночной темноты, густой, темно-синей.

И в этой темноте усмотрел старьевщик Глезер испугавшее его движение – будто кто-то, прячущийся в густеющих сумрачных клиньях, исчеркавших пыльную улицу, осторожно подкрадывается к его дому, по мере приближения к нему теней. Испуг Глезера оказался настолько силен, что у старьевщика заныли виски, и острая боль, словно иглой, на мгновение пронзила сердце. Глезер охнул, поспешно задвинул окошко фанерой и сказал громко, ни к кому не обращаясь, поскольку в лавке никого не было, просто чтобы услышать звук собственного голоса:

– Хватит, что-то я сегодня переработал. Пора бы и на отдых, – хотя время еще было не очень позднее, да и отдыхать ему вовсе не хотелось. Вместо этого, повинувшись неясному, окрашенному страхом желанию, он запер лавку на наружный замок (то и дело оглядываясь, словно и не хозяином был вовсе, а злоумышленником) и спешным шагом направился в дальний район Явориц, граничивший с Долиновкой.

Ни страхи старьевщика, ни внезапная перемена погоды к вечеру ни в какой степени не передались его покупателю. Виктор-Велвл Байер был рад покупке. В первую очередь, она призвана была помочь осуществлению его планов. А, кроме того, наметанный глаз знатока сразу же определил, что истинная ценность старого зеркала много превышала плату, которую потребовал старьевщик. Так, настроение Виктора-Велвла по уходу из лавки было превосходным – во всяком случае, лучше, чем совсем еще недавно. Сразу после приезда сюда, в местечко Яворицы.

Чтобы понять, с чего вдруг столичный житель Виктор-Велвл Байер оказался в лавке яворицкого старьевщика Глезера, нужно заглянуть в относительно недалекое прошлое.

Всего лишь полугодом ранее талантливый и набиравший известность пейзажист Байер и не помышлял об отъезде из Москвы. Весь погруженный в работу, он как раз обдумывал новое полотно, которое собирался представить на осеннюю выставку в галерее господина Трауберга. По совету двух самых близких людей – Ивана Нестерова и Елизаветы Кутеповой – Байер решил отойти от пейзажа и попробовать себя в жанровой живописи. Виктор делал эскизы, пытаясь перенести на бумагу смутные мысли относительно будущей картины.

В таком вот состоянии и застало его строжайшее предписание губернатора всем лицам иудейского вероисповедания, не относящимся к категориям, коим разрешено проживание в столицах, в трехдневный срок покинуть Москву. Такое случилось и ранее, но Велвл Байер как-то не ассоциировал себя с жертвами подобных деяний властей. Тем острее он ощутил собственное бессилие, когда явившийся вечером околоточный лично вручил ему бумагу. Присутствовавшая при том Кутепова попыталась было просить околоточного не оставлять предписание, обещая завтра же

добиться приема у губернатора. Представитель властей от протянутой ассигнации категорически отказался, а по поводу губернатора сообщил не без тайного злорадства, что его высокопревосходительство отбыли в Санкт-Петербург и ранее чем через две недели в первопрестольной не появятся.

В три дня, которые были отпущены Велвлу на сборы, хлопоты Лизы не дали никаких результатов. В конце концов, Велвл Байер уехал из Москвы в малороссийское местечко Яворицы, откуда сбежал много лет назад, подростком, одержимым мечтой стать великим художником. С собою он взял этюдник, складной мольберт, набор кистей и красок. «Ничего, – утешала Лиза, – поработаешь пока на пленэре, подготовишь картину. Там видно будет».

«Хочешь, я к тебе приеду?» – спросила она на перроне. Он отказался. В первую очередь, потому что не представлял себе столичную жительницу, дворянку Елизавету Кутепову в заштатном городишке, населенном по преимуществу плохо говорящими по-русски евреями. Сонная, замшелая жизнь, из которой он так старался вырваться когда-то.

Была, впрочем, и еще одна причина. Его уже несколько утомляли странные отношения между ним и Лизой: то ли супруги, то ли любовники. По временам он казался самому себе никчемным фатом, живущим на содержании богатой скучающей вдовы. Разумеется, это ощущение ничего общего не имело с действительностью, скорее, какие-то литературные ассоциации, застрявшие в памяти. На самом деле, он не был фатом, напротив: нелюдимым и крайне неприхотливым работягой, с вечно вымазанными краской руками. Да и Лиза менее всего походила на скучающую богатую вдову. Богатой она не была, скуки не признавала; что же до вдовства, то овдовела г-жа Кутепова в девятнадцать лет – муж, двадцатью годами ее старше, скончался от скоротечной чахотки через год после свадьбы.

Так или иначе, прощание вышло тягостным – не оттого, что не хотелось расставаться, а оттого, что погода была неприятная: накрапывал холодный дождь, налетал порывистый колючий ветер. А спустя несколько дней он уже неторопливо шел по центральной улице Явориц, узнавая и не узнавая родные места. Левое плечо оттягивала тяжелая холщовая сумка, в которой находились этюдник, мольберт, набор красок и прочие принадлежности его ремесла; в правой же он держал подаренный Лизой кожаный саквояж с латунными застежками.

Велвл Байер остановился в корчме Мойше-Сверчка, выполнявшей в Яворицах роль постоялого двора. Корчмарь ни о чем приезжего не расспрашивал, показал просторную угловую комнату с двумя большими окнами во втором этаже и назвал цену, показавшуюся Байеру смехотворно низкой. За полтинник в день Байер договорился и о жилье, и о столе – в первую очередь, потому что за обедами надеялся что-нибудь разузнать о судьбе некоторых ровесников, которых помнил с юности. Собственно, и одноглазого корчмаря он вспомнил – правда, в давние уже времена, когда Виктор-Велвл учился в хедере, у маленького Мойше были целы оба глаза.

Первые дни художник просто бродил по окрестностям, узнавая и не узнавая родные места. Раскланивался с местными жителями, большинство из которых смотрели на него с некоторым подозрением, а порою и опаской.

Однажды он пришел на кладбище. Случилось это на третий день пребывания в Яворицах. У надгробия с именами родителей он стоял долго. Сарра-Шейндл и Аарон-Авром Байеры похоронены были рядом, под общей гранитной плитой, за общей низкой оградой чугунного литья.

Виктор стоял, склонив голову и прислушивался к собственным ощущениям. Лица родителей скрывались глубоко в памяти, настолько глубоко, что видел он лишь неясные тени, зыбкие, текущие силуэты – как если бы он стоял на берегу реку и сквозь толщу воды, замутненной илом, пытался рассмотреть лежащие на дне камни.

Нет, не шевельнулось ничего в его душе – ни от надгробья с родными именами, ни от старого родительского дома на Бондарной. Дом этот он разыскал без особого труда и как будто не изменился за прошедшие годы – только стал ниже. В доме жили другие люди, не родственники и даже не знакомые. Велвл был единственным ребенком в семье. Когда Сарра-Шейндл умерла от тифа, а спустя всего лишь месяц последовал за ней убитый горем муж, дом перешел общине, которая, в свою очередь, продала его большому и шумному семейству Лейзера Бершацкого, перебравшегося в эти края примерно тогда же.

К концу первой недели пребывания в Яворицах московский художник окончательно убедился в том, что семнадцатилетний Велвл, бежавший из родительского дома, чтобы стать великим художником, исчез окончательно и бесповоротно и что Виктор Байер ничего общего не имел с тем еврейским мальчиком, поздним ребенком, донельзя избалованным родителями.

И от того ему стало вдруг легче. Отправляясь сюда из Москвы, Байер более всего боялся почувствовать себя *вернувшимся*. Что означало это понятие для него, он и сам толком не знал. Может быть, возгласы старых знакомых – «Ба, реб Велвл! Сколько лет, сколько зим... Жаль, родители не дождались, но как бы они порадовались! Каким важным и богатым господином стали вы, реб Велвл. А меня вы не узнаете? Мы вместе учились в хедере».

Может быть, причудливая смесь запахов детства, от которой на глаза наворачиваются слезы.

Может быть, рябь, которая нарушает покой памяти.

В любом случае, это понятие включало в себя чувство вины.

И вот сейчас, после посещения некоторых уголков связанных с его прошлым, он понял, что никакого возвращения не было. Он понял, что приехал сюда всего лишь на этюды, а вовсе не по какой-то непостижимой прихоти судьбы. А коли так – следовало обдумать будущие работы и заняться делом. Праздность, к которой Виктор никогда не был склонен, уже начала изрядно его раздражать. Словом, отныне он рано утром, прихватив с собой этюдник, отправлялся бродить по окрестностям Явориц в поисках подходящей природы. Вскоре просторная комната стала напоминать его квартиру в Москве – обилием набросков, этюдов, акварелей и тому подобного.

Пару раз он посещал и кладбище – уже в качестве просто художника, писавшего этот живописный уголок, стену бейт-тохора, впритык к которой располагались несколько могил – самых старых, относящихся, насколько удалось определить Байеру, к семнадцатому столетию.

Здесь с ним произошел однажды странный случай. Присев на деревянную скамью, рядом с поросшей мохом стеной, он рассеянным взглядом окинул окружающий его пятачок. Пятачок напоминал крохотную площадь, в центре которой был установлен длинный каменный стол.

Неожиданно художнику показалось, будто полуденное солнце, висевшее большим ярким шаром прямо перед ним, беззвучно взорвалось, заполнив слепящим золотом весь небосклон – и вновь сжалось до прежних размеров. Мгновенная пульсация ударила по глазам так, что Виктор крепко зажмурился, но тут же вновь открыл глаза. Слезы, задрожавшие на его ресницах, помешали ему сразу увидеть человека, неторопливо направлявшегося к его скамье. Человек облачен был в старые, с бахромой, брюки, длинный, столь же потрепанный сюртук. Ноги он передвигал, почти не отрывая их от земли, и потому за облезшими его башмаками вились клубы белесой пыли, словно волны за лодками.

Остановившись перед г-ном Байером, человек смутно улыбнулся, приложив два пальца к потрескавшемуся козырьку картуза, и сказал:

– Ба, реб Велвл! Сколько лет, сколько зим... Жаль, родители не дождались, но как бы они порадовались. Каким важным и богатым господином стали вы, реб Велвл. А меня вы не узнаете? Мы вместе учились в хедере.

Вздвогнув от неожиданности – человек произнес именно те слова, которые с первого дня ожидал услышать Байер, – художник пристально всмотрелся в странное, словно потертое лицо. Человек же, с той же смутной улыбкой, медленно присел на скамью рядом с ним.

– Здесь хорошо, реб Велвл. Спокойно.

– Кто вы? – спросил Байер. Незнакомец ему виделся словно в дымке – из-за нагретого солнцем подрагивающего воздуха.

– Кто я? Хотите знать, как меня зовут? Меня зовут... А, какая разница, как меня зовут, если ты, Велвеле, меня не узнаешь? – странный человек неожиданно перешел на «ты», и глаза его блеснули в глубокой тени, которую отбрасывал козырек картуза. – А ведь мы с тобой в детстве даже, можно сказать, дружили. Только ты уехал в один прекрасный день, а я остался. Но теперь ты вернулся, и значит, снова будешь здесь... – голос говорившего становился все тише, так что последнюю фразу он произнес еле слышным шепотом: – И наконец-то займешь мое место...

Он вдруг поднялся, быстро, бесшумно и пропылил прочь, скрывшись за углом бейт-тохора. Виктор проводил его растерянным взглядом.

И тут над ухом его раздался совсем другой голос – чуть надтреснутый, но теплый и заботливый:

– Господин Байер, что это вам вздумалось уснуть в таком месте?

Уснуть? Виктор поднял голову и обнаружил склонившегося над ним раби Леви-Исроэла, яворицкого раввина. Байер растерянно огляделся. Види-

мо, его действительно сморила дрема. Солнце стояло еще довольно высоко, но гораздо ниже, чем в момент появления странного человека... Или это появление было частью сна?

– А кто это был? – спросил художник.

– О ком вы, господин Байер? – рабби Леви-Исроэл нахмурился. – Не было здесь никого, а вы прямо тут на самом солнцепеке устроились, как бы голову не напекло.

Привиделось...

– Вы бы зашли как-нибудь в синагогу, господин Байер, – сказал раввин. – Вы ведь сын Аарона-Аврума, разве нет? Я вас узнал еще в первый день, в корчме. Просто не хотел говорить. Приходите. В эту субботу.

Виктор представил себя в синагоге, и ему стало смешно. Тем не менее, для самого себя неожиданно, пришел он в синагогу – не в субботу, в один из будних дней. Никого здесь не было, кроме шамеса, погруженного в чтение молитвенника. Шамес покосился на гостя, но ничего не сказал. Виктор с любопытством осмотрелся, сравнивая нынешние свои впечатления с детскими. Синагога показалась ему куда меньше, чем он представлял раньше.

На следующий день пришло письмо из Москвы, от Лизы Кутеповой. Она спрашивала о его планах и о том, что многие интересуются, какую именно работу он собирается представить на выставку. Прочитав, Виктор усмехнулся. Как раз накануне получения письма, после короткого посещения синагоги, появилась у него идея картины – совершенно неожиданная. Конечно, он не будет описывать ее Лизе – не из суеверия даже, а потому лишь, что изложенная в словах идея могла потерять свою притягательность для художника (такое с ним уже случалось).

И тут же, на обратной стороне письма, на плотном гладком листе он принялся карандашом набрасывать композицию. И назовет он ее «Чтение недельной главы». Но главное, то, что он придумал, заключалось не в написании к выставке картины на еврейскую тему. Ему показалось забавным изобразить себя, стоящим на биме – возвышении в здешней синагоге.

Именно себя, московского художника Виктора Байера, набиравшего силу певца русской природы, он собирался облачить в талес и поставить в центр композиции. Именно он будет разворачивать свиток, пристально вглядываться в написанный неизвестным соффером текст и вдохновенно произносить слова на древнем языке.

Байер рассмеялся, представив себе растерянные лица Лизы и Нестерова, недоуменные взгляды коллег-соперников. И в то же время он почувствовал, что на самом деле реакция московской публики интересует его уже гораздо меньше, нежели детали самой работы. Он уже видел тщательно выписанные книги в угловом шкафу, тусклое золото их заголовков, которое он изобразит так, чтобы зритель поначалу не заметил ничего кроме темной массы, и лишь потом, вернувшись взглядом в левый угол картины, обнаружил, как из темноты проступают непонятные древние буквы, словно светящиеся изнутри. Таким образом, у картины будет как бы два центра композиции: человек на биме, читающий Тору, – и шкаф с древними книгами.

Вопрос касался, в первую очередь, разумеется, натурщиков. Сначала он хотел изобразить массу евреев, заполнявших синагогу, со всеми индивидуальными чертами, виденными им в последнее время: мальчиков, едва отметивших бар-мицву, юношей, изучающих Тору и Талмуд, взрослых мужчин. Но от этой идеи пришлось отказаться: никто из яворицких жителей категорически не желал позировать для эскизов. Он тайком сделал несколько набросков с ешиботников ребе Леви-Исроэла, но этого было недостаточно. Рисуя же по памяти, он обнаружил странную особенность: ни разу не удалось ему выполнить сколько-нибудь стоящий портрет. Словно черты мгновенно стирались из памяти, стоило ему отвернуться от человека.

Гуляя очередным вечером по заросшему высокой сочной травой берегу Долинки, он придумал прием, который поначалу выглядел всего лишь выходом из сложившейся ситуации – отсутствия натурщиков: превратить толпу стоявших в синагоге людей в свои коши. Виктор представил себе такую композицию: себя сегодняшнего, только с бородой и в молитвенном покрывале, на биме, читающего Тору, и себя же, многократно повторенного, в разных ракурсах, а главное – разновозрастного, слушающего собственное чтение. Перед мысленным его взором предстали юный Велвл, восторженно слушающий Слово Божье; семнадцатилетний Велвл-скептик, насмешливо шурящийся и уже с трудом выносящий затхлую атмосферу тесной синагоги; и двадцатилетний беглец из дома в Москву, отказавшийся и от прежней жизни, и от имени, и, конечно, нынешний Велвл-Виктор, полный двойник того, кто стоял на биме, погруженный в чтение.

– Это будет *моя* синагога, – сказал он вслух. – Моя – и только моя. Синагога как жизнь, и недельная глава Торы – как попытка рассказать о ней...

Чем дальше, тем привлекательнее казалась ему новая идея. Он пришел в корчму заполночь с четким представлением о будущей картине. Утром, едва позавтракав, он принялся делать наброски. Нужно было написать десятки автопортретов – ведь именно из собственного своего лица Виктор собирался лепить многочисленные образы. И тут-то выяснилось, что у Мойше-Сверчка не было подходящего и совершенно необходимого для работы зеркала. И потому Виктору-Велвлу пришлось обежать в поисках зеркала несколько лавок, одной из которых оказалась лавка старьевщика Мотла Глезера, где, к собственному удовольствию, г-н Байер обнаружил искомое.

Теперь мы можем вернуться к тому месту, на котором прервали наш рассказ.

В то время, как терзаемый забывчивостью старьевщик пытался вспомнить историю появления в его лавке необычного предмета, художник в приподнятом настроении возвращался в корчму, бережно держа обеими руками драгоценное зеркало.

Здесь Виктор-Велвл оказался невольным свидетелем ссоры. Ссорились Мойше-Сверчок и раввин Леви-Исроэл – не только раввин, но и глава яворицкого бес-мидраша «Ор-Довид».

Рабби Леви-Исроэл держал за шиворот одного из своих учеников – ешиве-бохера по имени Сендер. Парень был маленького росточка и, судя по рас-

красневшемуся лицу и поблескивающим глазам, успел приложиться к рюмке. Видимо, по этому поводу раввин и сделал Мойше-Сверчку выговор.

Сейчас сердито кричал корчмарь, подбоченясь и набычив круглую голову на короткой шее:

– Ой и ай! Ай и ой, что такого страшного случилось? Если ешиве-бохер, слава Богу, взрослый и крепкий, как казак, решил опрокинуть стопочку, так почему бы и нет?

При этих словах щедушный Сендер приосанился было и расправил узкие плечи, но рабби сердито тряхнул его, так что тот снова сник. Сверчок, пылая праведным гневом, продолжал визгливо кричать:

– Он же ее опрокинет – не здесь, так в другом месте! Но в другом месте ему таки да, нальют какой-нибудь гадости, да потом еще и ограбят. А здесь ему нальют стопочку настоящей еврейской водки, крепкой, но не злой, а потом накормят, а потом, если, не дай Бог, он чересчур захмелеет, и уложат. И при этом, рабби, его гривенник уйдет не какому-нибудь гою, а мне, а я таки опущу его в синагогальную кружку. А оттуда, вы это знаете сами, он, этот гривенник, перейдет опять к этому же ешиве-бохеру, или другому ешиве-бохеру. Так что же плохого я сделал, что вы меня обзываете последними словами? И если вы думаете, что я хочу иметь на бедном парне, днями и ночами изучающем Тору, свой заработок, так я вам скажу: моим врагам такой заработок. И еще много чего моим врагам. И несправедливые упреки от вас – им же, рабби...

Раввин хотел было ответить Мойше-Сверчку, но не смог – по двум причинам. Во-первых, необходимо было то и дело встряхивать провинившегося ешиботника, во-вторых – не хотелось привлекать внимание окружающих к ссоре. И тут появление Виктора-Велвла оказалось как нельзя кстати. Оставив Сендера в покое, рабби Леви-Исроэль повернулся к художнику и заметил, хмуря брови:

– Реб Велвл, что это вы затеяли рисовать моих учеников? Негоже это, я прошу вас впредь не сбивать их с толку... – Тут он обратил внимание на большой прямоугольный предмет, который художник держал подмышкой. В глубоко посаженных его глазах немедленно вспыхнул огонек любопытства: – А это у вас что? Картина?

– Нет-нет, – ответил Велвл, радуясь, что не пришлось отвечать на претензии раввина. – Всего лишь зеркало. Купил только что. И очень дешево, представьте, даром, что старинной работы... – он развернул упаковку. – Вот, взгляните!

Едва зеркало появилось на свет, как в корчме воцарилась мертвая тишина. Казалось, все присутствующие обратились в соляные столбы. Первым прервал молчание рабби Леви-Исроэль.

– И где же вы это зеркало купили? – спросил он, предварительно негромко кашлянув. – Уж не у Мотла ли Глезера? Старьевщика?

– У него, – художник кивнул. – Рама просто чудесная!

– Да-а... – протянул раввин. – Воистину чудесная вещь. И, наверное, дорогоая.

– Я же говорю – совсем недорогоая, – ответил Виктор. – А для такой вещи, можно сказать, даром взял. Старьевщик запросил всего полтора рубля.

– Даром? – недоверчиво переспросил рабби Леви-Исроэл. – У Глезера? Ну и ну, что же это за времена настали – Мотл стал мотом. Будем его теперь так и называть: Мот Глезер. Да. Поздравляю, реб Велвл. Только вот зачем вам такое зеркало? Что вы с ним делать будете?

– Вы же сами сказали, чтобы я не рисовал ваших учеников, – объяснил Виктор, посмеиваясь. – Но мне необходимо сделать несколько набросков с натуры. Вот я и решил – буду писать самого себя. Автопортрет. А для этого нужно зеркало. Понимаете? Большое зеркало! – Не дожидаясь реакции раввина, он быстро поднялся по скрипучей лестнице к себе.

Здесь он долго искал подходящее место, пока не обнаружил прямо в стене вбитый большой гвоздь – аккурат между двумя окнами, так что днем человек, стоящий перед зеркалом, не испытывал бы недостатка освещенности. Подивившись тому, что не замечал раньше гвоздя, выступавшего из стены прямо на уровне глаз, Байер повесил зеркало на стену.

Бесконечные хождения по городку дали себя знать. Сонливость мягкой тяжестью наполнила его веки. Он присел на кровать, стянул с уставших ног башмаки – и, не успев раздеться, тут же провалился в сон.

Среди ночи Велвл проснулся. Ему показалось, что кто-то, склонившись над ним, внимательно его разглядывает. Открыв глаза, он немедленно обнаружил свою ошибку: комната была пуста. Он взял со столика часы, щелкнул крышкой и попытался в сером полумраке, который создавала ущербная лунна, определить, сколько времени.

Часы показывали половину третьего. Велвл вздохнул, сгоняя остатки сна, с некоторым удивлением оглядел себя. Вспомнил, что уснул, не раздеваясь, и с досадой подумал, что теперь придется с утра ходить в мятой одежде.

Поднялся, собираясь раздеться и все-таки поспать хотя бы до семи.

Сделав шаг к платяному шкафу, он услышал странный звук – словно кто-то поспешно на цыпочках отбежал от его постели. Виктор, расстегивавший на ходу воротничок, замер и осторожно оглянулся.

В комнате, как и следовало ожидать, никого не было. Он покачал головой, посмеиваясь над неожиданно разыгравшимся воображением. Взгляд его упал на зеркало.

Лунный свет проникал в комнату сквозь оба окна, между которыми он с вечера повесил свою покупку, и оттого зеркало казалось темным, почти черным прямоугольником.

Неприятный озноб прошел по телу г-на Байера: померещилось ему в глубине этой черноты какое-то движение. Он осторожно приблизился к зеркалу.

От черной поверхности явственно тянуло холодом. И еще ноздри его уловили слабый, но вполне отчетливый запах тления. Словно не к зеркалу он приблизился, а к черному ходу куда-то в подвал со старыми, забытыми вещами.

Виктор поспешно отступил на шаг. И вновь наклонился к зеркальной поверхности.

То ли положение луны немного изменилось, то ли глаза его привыкли к темноте, но теперь зеркало уже не казалось абсолютно черным. Он видел неясное отражение своей комнаты, и себя самого, почти прилипшего к прохладному стеклу. Да и запах, насколько он теперь мог понять, шел не от зеркала, а от сырой стены. Виктор вспомнил, что в первый же день заметил на стене пятно, образовавшееся от дождевой воды, стекавшей из прохудившейся водосточной трубы именно в этом месте.

Облегченно вздохнув, г-н Байер повесил в шкаф одежду, надеясь, что брюки за ночь отвисятся, после чего лег в постель и благополучно проспал до самого утра.

Последующие три дня он старательно набрасывал план композиции. Затем, к вящему удовольствию раввина, начал регулярно посещать синагогу. Разумеется, вовсе не для того, чтобы слушать чтение Торы и молиться. Внимательно рассматривая внутренний интерьер, он мысленно расставлял персонажей будущей картины. Но, одновременно, вслушивался в то, что равнин говорил по поводу очередной главы Торы, и даже порой хотел вступить в дискуссию. Рабби Леви-Исроэл это почувствовал и с какого-то момента принялся в своих толкованиях обращаться к нему – хотя ни разу не назвал по имени. В придачу к тому г-н Байер начал отпускать бороду, что тоже вызвало к нему внимание раввина и других яворицких евреев. Он, разумеется, благоразумно умалчивал в разговорах с р. Леви-Исроэлом, что все, совершаемое им, подчинено одной-единственной цели – написанию картины для московской выставки, и что по окончании работы он немедленно вернется к прежнему образу жизни и при первой же возможности уедет в Москву.

«Или за границу», – эта мысль в последнее время посещала его довольно часто. Даже чаще, чем мысли о возвращении в Москву и о встрече с Лизой Кутеповой.

Спустя две недели он решил, что внешность его, с одной стороны, претерпела достаточно изменений, с другой – в нем вполне усматривался прежний Виктор Байер. Художник приступил к серии задуманных автопортретов.

Расположившись в старом удобном кресле напротив зеркала с альбомом и карандашом в руках, он принялся набрасывать собственные черты, то и дело поглядывая на отражение. С относительно давних времен ученичества Байер не писал ни портретов, ни автопортретов. Почему – он и сам не мог бы объяснить. Он любил городские пейзажи, а еще больше – натюрморты, но ни портреты, ни жанровые композиции особой его любовью не пользовались. Когда его спрашивали о причинах, художник либо отшучивался, утверждая, что человек ему как художнику неинтересен – в отличие от творения человеческих рук, – либо серьезно признавался, что портреты ему не удаются.

И то, и другое если и было правдой, то лишь частично: хранились у него в папках и вполне успешные рисунки натурщиков, и наброски портретов, точно и умело отражавшие характер. Однажды он сказал Лизе Кутеповой, что не может преодолеть внутренний запрет на изображение людей и животных, существующий в иудаизме – запрет, который он хорошо запомнил с детства.

Поначалу он испытал некое чувство, сродни робости. В первых набросках еще сказывалась некоторая неуверенность художника, производившая впечатление ученической старательности. Он раздражался, рвал эскизы и вновь брался за карандаш. В конце концов, портреты становились все ближе к тому, что он замыслил.

Спустя примерно месяц Байер решил перенести свой облик уже на холст. Прежде, чем провести углем по свежезагрунтованому холсту первую линию, он долго рассматривал карандашные эскизы. Странными показались ему вдруг многочисленные изображения его лица: знакомые, и в то же время, немного чужие. Но это было именно то ощущение, которого он добивался.

Разложив рисунки так, чтобы охватить их можно было одним взглядом, он внимательно рассматривал варианты собственного лица. Сравнивал их с отражением в зеркале. Наконец, отошел чуть в сторону, встал перед мольбертом.

И едва не упал. Ноги вдруг стали словно ватными, резко и коротко закружилась голова. Он выронил кисть, ухватился за подрамник. Подумал: «Долго вглядывался в зеркало, устали глаза».

Слабость прошла так же внезапно, как и возникла. Байер промокнул платком покрытый испариной лоб, поднял кисть. И положил на холст первый мазок.

Он работал до самого вечера, пока солнце не ушло за горизонт. Хотел было засветить свечи и продолжить, но ему помешали. Помешал корчмарь, Мойше-Сверчок, как раз в это время постучавший в дверь.

– Господин Байер, тут вот какое дело, – начал было он, но запнулся. Взгляд его случайно упал на неоконченный автопортрет, стоявший на мольберте. Лицо корчмаря выразило высшую степень удивления.

– Кто это? – спросил он, почему-то понизив голос. – Кого это вы тут намалевали, господин Байер? Вроде бы, и вы, и в то же время – не вы, кто-то другой.

Виктор оживился. Реакция корчмаря оказалась именно той, к которой он стремился. Он уже хотел шутливо поблагодарить Сверчка за проникновение в авторский замысел, как вдруг одноглазый сказал:

– Вот чтоб мне провалиться на этом самом месте... Вы здесь куда больше ходите на... Ай-я-яй, реб Велвл, да вы тут – вылитый покойник Рабинович, Ицик Рабинович, вам на долгие годы. Он умер год назад, не про вас будь сказано...

Виктор с удивлением услышал в голосе корчмаря старательно скрываемый страх. Он хотел было спросить у Мойше, кто он такой, этот Рабинович (почему-то услышанное имя вызывало какое-то воспоминание, но смутное). Но корчмарь, некоторое время оцепенело смотревший на холст, вдруг бросил короткий взгляд на зеркало, после чего изменился в лице и опрометью кинулся из комнаты.

Виктор какое-то время размышлял над странным поведением корчмаря, затем выбросил из головы этот случай. И не вспомнил бы о нем, если бы

через пару дней не нанес ему визит раввин. При этом состоялся у них любопытный разговор.

Было это под вечер, когда художник готовился к ужину. Собственно говоря, он размышлял – спуститься ли вниз, в корчму, или заказать ужин в комнату. Как раз посреди этих размышлений в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Виктор. Дверь отворилась, и он увидел рабби Леви-Исроэля. Г-н Байер сделал приглашающий жест, раввин вошел в комнату и остановился у двери.

– Не помешаю, реб Велвл? – спросил он вежливо.

– Нисколько! – весело ответил Байер. – На сегодня я закончил работу. Проходите, рабби, присаживайтесь. Вот сюда, в кресло.

Раввин покосился на укрытый покрывалом портрет, затем на зеркало, покачал головой, словно удивляясь чему-то. И лишь после этого устроился в кресле.

– Знаете, – сказал он после некоторого молчания, – не дает мне покоя ваше приобретение. Я имею в виду зеркало. Видите ли, принадлежало оно Ицику Рабиновичу, а Ицик был человек нехороший. Негоже так говорить о покойнике, но это правда.

У Виктора странным образом заныло сердце, когда он услышал это имя. Тотчас на ум пришли слова корчмаря при виде автопортрета. Он покосился на свою работу, по-прежнему стоявшую на мольберте, но на всякий случай укрытую от посторонних взглядов. Раввин проследил за его взглядом. Видимо, ему хотелось взглянуть на картину, но он воздержался от просьбы и только негромко кашлянул. Виктор криво усмехнулся и воскликнул со смехом несколько искусственным:

– Уж не хотите ли вы сказать, уважаемый рабби, что все предметы, которые принадлежали покойному, следует хоронить вместе с ним? Я читал, что именно так поступали язычники в глубокой древности. У скифов, а еще раньше у египтян существовал обычай класть в гробницу все то, чем покойный пользовался при жизни. Конечно, такой обычай – благословение для археологов, но сейчас ратовать за это кажется мне не только архаизмом, но и кощунством!

Раввин недовольно фыркнул:

– Глупости какие вы говорите, реб Велвл! При чем тут древние язычники? Неужели вы считаете, что я ратую за возвращение языческих обрядов? Избави Бог! Я говорю лишь, что с предметами, принадлежащими покойным, следует обращаться осторожно. И желательно, все-таки, знать, как и почему они попали в ваши руки. Ничего не бывает случайно в нашем мире, реб Велвл.

– И что же вас так смущает в этом зеркале? – спросил г-н Байер с любопытством. – Кроме того, что оно некогда принадлежало покойному Ицику Рабиновичу?

Раввин пожал плечами.

– А вот хотел бы я знать, – ответил он уклончиво, – хотел бы я знать: почему вдова Ицика так задешево продала это зеркало старьевщику? И поче-

му старьевщик вам продал его тоже задешево? Я, конечно, не большой знаток, но вы же сами говорили: одна рама здесь стоит рублей десять-пятнадцать. Значит, в десять раз дороже, чем все зеркало! А? Вас это не смущает? Знаете, реб Велвл, на вашем месте я постарался бы узнать, почему Мотл взял с вас такую низкую плату.

Художник рассмеялся, на этот раз – искренне:

– Рабби, – сказал он, – вы хотите, чтобы я пошел к Глезеру и сказал ему: «Раб Глезер, вы с меня мало взяли, а почему?» Думаю, он ответит: «Раб Велвл, вы совершенно правы, и раз уж вы заговорили об этом сами – ладно, доплатите мне еще сто рублей!»

Раввин пожал плечами. Лицо его оставалось серьезным.

– Знаете, – сказал он после долгого молчания, во время которого веселость господина Байера успела пройти, – знаете ли, господин Байер, я осторожно отношусь к тем, кто за добротную дорогую вещь просит маленькие деньги. Ни Мотл, ни Фейга Рабинович никогда и нигде своего не упустят. И ежели Фейга отдала за гроши, а Мотл почти ничего не набросил, значит, есть в этом зеркале какой-то изъян. Вы так не думаете, реб Велвл? Краденое продают дешево. Контрабанду продают дешево. Это зеркало, наверное, ни то, ни другое. Но... Краденое продают задешево, чтобы поскорее от него избавиться. Вот и от зеркала этого хотела она поскорее избавиться. А почему?

– А почему? – эхом отозвался художник.

Раввин покачал головой.

– А вы у нее спросите. Мне она не ответила. Но смутилась, когда я спросил ее об этом, очень смутилась.

– А вы спрашивали? – удивился Байер.

– Спрашивал, – раввин кивком попрощался с Виктором и неслышно вышел из комнаты.

Оставшись один, художник раздумчиво прошелся по комнатке, слушая, как скрипят под ногами половицы. И Сверчок, и раввин внесли в его мысли некоторое смятение. Более всего смутил его тот факт, что в его собственном незавершенном автопортрете корчмарь усмотрел черты Ицика Рабиновича – того самого, кому, по словам раввина, принадлежало зеркало.

– Чертовщина... – пробормотал Байер. – Экое невежество дремучее, прости Господи... Язычество, поистине, что бы вы там ни говорили, господин раввин. Самое что ни на есть язычество.

Ему было вполне понятно, что, на самом деле, корчмарь от раввина уже знал, что зеркало принадлежало Ицику. Или же, наоборот, раввин узнал о том от Мойше. Ну, а дальше впечатлительному и суеверному корчмарю немедленно померещился в автопортрете постояльца зловредный покойник.

Сделав такой вывод, художник выбросил из головы некоторые смущающие его мысли и принялся набрасывать на плотном листе бумаги композицию будущей картины. Те несколько этюдов, которые он сделал в синагоге благодаря неохотному разрешению рабби Леви-Исроэль, его не устраивали. Слишком декоративно выглядела на них синагога, слишком напоминала

сцену бима – возвышение в центре. Слишком ярким казалось золото переплетов.

– Да-да, – сказал он негромко, с нарастающим раздражением, – все получается слишком. Слишком много «слишком», черт возьми.

Он спрятал этюды в папку – нимало не заботясь о том, что краска на одном из них еще не просохла и немедленно смазалась. Спрятал папку в чемодан, закрыл альбом.

Вечер меж тем перешел в ночь. Глубокие черные тени погрузили комнату в темноту. Байер не стал спускаться вниз – отчего-то ему расхотелось ужинать. Он сидел в кресле, размышляя о будущей картине.

Вернее, пытался размышлять. Никак не удавалось ему выбросить из головы сказанное раввином.

– Ицик Рабинович... – пробормотал он раздраженно. – Вот ведь черт знает что... Знакомое имя... Ицик... – он замолчал.

Комнату освещал лунный свет, вполне яркий сегодня – настолько даже, что можно было бы читать. Снизу доносились громкие голоса завсегдатаев корчмы.

Байер взял из папиросницы папиросу, задумчиво постучал гильзой о ноготь большого пальца. Продул папиросу, крепко сжал зубами и зажег спичку.

Он вздрогнул, когда в зеркале вспыхнул яркий огонек – отражение зажатой спички. Прикурил, поднялся из кресла, неторопливо пошел к окну. Но по дороге вдруг свернул под действием странного импульса и приблизился к зеркалу.

Тотчас в комнате потемнело. Оглянувшись, Байер увидел, что на луну напозла большая косматая туча, полностью скрывающая небесное светило.

Словно испугавшись внезапной темноты, разом смолкли голоса внизу.

В полной темноте и тишине стоял Байер перед зеркалом – смутно угадывавшемся прямоугольнике на стене. Огонек папиросы бросал слабые красные отсветы на лицо.

Вскоре размышления его стали менее четкими; он погрузился в состояние, близкое к состоянию полудремы, когда границы между реальностью и видениями размываются – но не окончательно.

Сигарета погасла.

В этом состоянии Виктор-Велвл провел неопределенно долгое время; неясные воспоминания о прошедших днях сменялись мутными картинками более далекого прошлого, вдруг всплывавшими в памяти.

И вдруг одна картина, четкая и яркая, словно вспышка, озарила его дремоту.

Он вдруг вспомнил человека, которого встретил на кладбище, у могилы родителей. Человека, который заговорил с ним – и говорил странными намеками, недомолвками. Виктор видел его так же четко, как тогда. Плотный, хмурый, с низким, поросшим жесткими черными волосами лбом, мясистым носом и маленькими глазами. Но именно сейчас, погружаясь в сон, Виктор отчетливо вспомнил, почему человек тот показался ему знакомым – и почему он обращался к художнику с такой фамильярностью.

Ибо в чертах этого взрослого человека проступили вдруг черты маленького мальчика, жившего некогда по соседству. Мальчика, с которым Велвл Байер часто играл в детстве.

И которого звали...

– Ицик Рабинович! – толстые губы шевельнулись и растянулись в улыбке недоброй и одновременно льстивой и заискивающей. – Ну да, это я. Что ж ты меня не узнал сразу, Велвеле? Или не захотел узнавать? – он покачал головой и шутливо погрозил коротким пальцем. – Велвеле, Велвеле, что ж ты вернулся? Кому ты здесь нужен? Как я счастлив был, когда ты уехал. Как я тебя ненавидел, ты же был любимчиком всеобщим, не то, что я. Ты был талантливым, умным, добрым. А я – тупым, ленивым, жадным. Я ведь еще в детстве потихоньку занимался тем, чем потом стал заниматься всерьез – давал деньги в рост. Помнишь, да? И вдруг ты уехал! – Ицик захохотал и радостно потер руками. – И тебя стали называть «мешумэд»¹! Да, я знаю, ты не крестился, но все считали именно так! Родителей твоих жалели. Но главное: Фейга! Фейгеле, моя красавица, вышла за меня, жадного ростовщика, а не за тебя, щедрого умника... – тут выражение лица Ицика, с каждым мгновением казавшегося Велвлу все боле знакомым, изменилось. Он помрачнел, глаза его засверкали злобой. – И вдруг ты приехал. Зачем? Ты захотел вернуться? – Ицик злорадно усмехнулся. – Но ты совершил ошибку. И сам не знаешь какую. Ты еще пожалеешь об этом. Ха! Ха!

Тут тьма, залившая комнату, или пространство сна художника, стусилась настолько, что и фигура злорадно фыркающего Ицика Рабиновича тоже исчезла.

Но при этом Велвл чувствовал, что кто-то невидимый, темный все еще находится рядом с ним. Байер не мог шевельнуться – словно невидимая прочная паутина опутала его по рукам и ногам.

Вдруг он почувствовал странное покалывание в руках – словно от долгого и чрезмерного напряжения. Одновременно папироса вдруг погасла. Он почувствовал, как сердце его охватывает страх. В темноте привиделось ему движение – от зеркала к нему. Он отступил на шаг, еще на шаг... и уперся затылком в спинку кресла.

Тотчас комнату залил лунный свет, сквозь тишину прорвались снизу веселые голоса.

– Фу ты, в самом деле, – пробормотал он, – приснится же такое...

Но это был не совсем сон, понимал Байер. Он ведь в самом деле вспомнил Ицика Рабиновича, соседа своего и друга-соперника по мальчишеским проказам. И Фейгу вспомнил он, девушку, жившую неподалеку, на Малофонтанной.

И вспомнил он, что Ицик был единственным, с кем поделился он планами побега из Явориц в Москву, планами учебы на художника. Ах, как азартно поддерживал в нем друг его Ицик это желание. Как подталкивал к скорейшему отъезду!

¹ Мешумэд (евр.) – выкрест.

Неужели из-за соперничества?

– Почему бы и нет? – пробормотал Байер. – Почему бы, в конце концов, и нет?

Тут он снова подумал о Фейге. И понял, что непременно посетит ее завтра.

– Хотя бы затем, – сказал он вслух, – хотя бы затем, чтобы узнать, почему она так дешево продала такое дорогое зеркало?

Он засветил лампу – только для того, чтобы перестелить постель и улечься спать. Но почему-то очень долго он противился необходимости закрутить фитиль – желтый язычок пламени успокаивал.

Наутро ночные страхи казались Виктору смешными и нелепыми. Полдня он возился с этюдами, потом решил немного прогуляться. Ноги почему-то сами принесли его на окраину Явориц, к старому кладбищу.

Он и сам толком не знал, с какой целью вздумалось ему вдруг побродить меж рядами могил и вчитываться в имена на надгробьях – до тех пор, пока не прочел: «Ицхак Рабинович, благословенна будь его память», – и ниже стилизованное изображение пальмовой ветви. Теперь он понял, что искал здесь именно подтверждение смерти Ицика.

И нашел.

В то же мгновение он почувствовал, будто кто-то появился за его спиной. Байер обернулся.

Никого.

Он поспешно отошел от могилы, свернул на небольшую аллею и сел на лавочку, стоявшую под невысокой липой. Спустя короткое время к могиле подошла скромно одетая женщина. Она не сразу заметила его, видимо, была погружена в свои мысли. Постояв несколько минут у надгробья, она со вздохом повернулась, чтобы идти.

Тут взгляд ее упал на неподвижно сидевшего художника. Женщина тихо ахнула, схватилась за ограду. Байер узнал изрядно постаревшую и подурневшую Фейгу. Он поднялся и быстро подошел к ней, заранее успокаивающе улыбаясь.

Но Фейгу не успокоила улыбка Байера. Она смотрела настороженно, с нескрываемой неприязнью.

– Здравствуй... То есть, здравствуйте, – поправился Байер. – Здравствуй-те, Фейга, – он продолжал улыбаться, хотя улыбка уже давалась ему с трудом. – Я и не знал, что Ицик умер. Жаль, мы ведь с ним дружили в детстве...

При этих словах Фейга глянула на надгробье мужа. Лицо ее чуть дрогнуло. Но она ничего не сказала.

– Вы ведь собрались уходить? – поспешно спросил Байер. – Я провожу вас, если вы, конечно, не против.

Фейга нахмурилась еще сильнее. Видно было, что она хотела отказаться. Но вдруг молча кивнула и еле заметно пожала плечами – мол, идите, если вам угодно.

– Я тут навестил могилу родителей, – сообщил Байер, когда они покинули кладбище. – И вдруг увидел могилу вашего... Ицика. Да. Стало так странно. Знаете, я его совсем забыл. А прошлой ночью он мне приснился.

Фейга искоса глянула на него с очень странным выражением. Байер испугался, что женщина сейчас уйдет. Чтобы не допустить этого, он поспешно заговорил о детских годах, о давних временах. Фейга постепенно оттаяла, даже пару раз вставила какие-то малозначащие слова.

Байер и сам не заметил, как разговор коснулся пресловутого зеркала.

Услыхав о том, что именно художник приобрел у старьевщика Мотла Глезера зеркало, Фейга побледнела.

– Не надо было вам это делать, – сказала она странным, подрагивающим голосом.

– Почему? – немедленно раздражаясь, спросил Байер.

– Я его забыла завесить, – ответила Фейга еле слышно.

– Что-что? – переспросил художник.

– Когда хоронили Ицика, – прошептала Фейга. – Вы же знаете. Когда в доме покойник, надо завесить зеркало. А я забыла. Так оно и простояло открытым.

– Не завесили зеркало? – Велвл не верил собственным ушам. – И это все?! Боже мой, какое... какая наивность! Что ж тут такого страшного?

– Неужели вы не знаете? – теперь удивилась Фейга. – Неужели вы не знаете, почему принято завешивать тканью зеркала в доме покойника?

– Ну, обычай, мало ли. Да какая разница? – Велвл коротко рассмеялся.

– Так я вам скажу, Велвл. Для того чтобы душа покойника не могла заглянуть в него. Зеркало – не просто вещь, зеркало – капкан, способный уловить душу, пленить ее и оставить здесь, на земле, не дав доступа ни в ад, ни в рай. Марья, демон из прислужников Азазеля, ведает зеркалами, управляет ими. И душами недавно умерших, кому по неосторожности родных довелось заглянуть в зеркало и быть им уловленным, тоже ведает Марья. И если забыли завесить зеркало в день похорон, лучше бы избавиться от него как можно скорее. Иначе душа покойного, заглянувшая в зеркало и уловленная им, так и будет обитать в доме, а грешная душа в доме – нехорошо, Мотеле, ох, нехорошо...

Столкнувшись с таким примитивным проявлением суеверия, Велвл Байер почувствовал себя неуютно. Они дошли уже до дома на Малофонтанной, в котором, как и прежде, жила вдова Ицика Рабиновича. Теперь ему хотелось как можно быстрее уйти, вернуться к привычным своим занятиям. Но Фейга вдруг словно оттаяла и разговорилась.

Она тоже начала вспоминать прежние времена, детские проказы. А еще – соперничество Ицика и Велвла. И то, как Ицик радовался, когда Байер сбегал. Байер слушал, вежливо поддакивая. Наконец, поток воспоминаний иссяк. Фейга увяла. Лицо ее вновь приняло выражение тревожной замкнутости. Байер вежливо попрощался, прикоснувшись к шляпе и испытывая облегчение.

Сделав несколько шагов, он услышал за спиной робкое: «Велвеле!..»

Байер оглянулся. Фейга, глядя в упор своими поблекшими, некогда красивыми глазами, вдруг сказала – словно выдохнула:

– Я не забыла...

– Что? – не понял Байер.

– Я не забыла завесить зеркало, – пояснила она чуть громче.

– Вот как? – Байер не знал, что ей сказать на это. – Э-э... Ну, что же... – он пожал плечами и вежливо улыбнулся.

– Да. Я не забыла. Это он велел. Он сказал – перед самой смертью: «Не завешивай зеркало...» – Фейга круто повернулась и через мгновение скрылась за дверью дома.

Удивленный ее словами, Байер некоторое время стоял, глядя в захлопнувшуюся дверь. Он со вздохом подумал об idiotских суевериях, покачал головой.

И отправился назад.

Он хмуро ответил на приветствие корчмаря. От ужина отказался, поднялся к себе.

Пододвинув кресло к зеркалу, Байер задумчиво уставился в собственное отражение. Оно ему не нравилось. Неожиданное сходство с Рабиновичем, которое господин Байер обрел, отпустив бороду, раздражало его. Менее всего Велвлу хотелось, чтобы его принимали за родственника покойного ростовщика. И уж во всяком случае, не хотел он вовсе превращать свою картину в памятник Ицику Рабиновичу, ничем такой чести не заслужившему. Виктор перевел взгляд на стоявший рядом автопортрет. И вновь посмотрел на отражение.

– Зачем ты захотел вернуться? – услышал он словно наяву слова, произнесенные с ненавистью. Он вздрогнул, поднялся, прошелся по комнате.

– Черт знает что... – пробормотал вслух. Рассеянно пригладил бороду.

Снова взглянул в зеркало.

Нет, отпустив бороду и вообще, попытавшись «вернуться» – стать таким же, какими были жители Явориц, он совершил ошибку. Это не его мир. И не его жизнь.

– Я совершил ошибку, – повторил вслух Байер. И тотчас услышал – будто эхо: «Ты совершил ошибку. И сам не знаешь какую. Ты еще пожалеешь об этом. Ха! Ха!»

На этот раз голос Ицика, приснившегося ему накануне, прозвучал столь явственно, что это стало последней каплей. Он быстро спустился вниз, спросил немного горячей воды – и тут же вернулся. Приготовил бритвенные приборы.

Ему самому стало немного смешно от примитивного символизма этого действия. Решив сбрить бороду, он как бы возвращался к тому Виктору Байеру, который относительно недавно приехал из Москвы в это местечко.

– Ну и пусть, – пробормотал он. – Вся жизнь состоит из символов и ритуалов, почему бы и нет?

Взбив помазком мыло в маленькой фаянсовой мисочке с неровными краями, Велвл привычно поправил на старом брючном ремне бритву, проверил на тыльной стороне ладони ее остроту, и приступил к процедуре утреннего бритья. Белоснежная пена, лежавшая на щеках и подбородке, подчеркивала нездоровую желтизну его лица. Он осторожно провел бритвой по правой щеке, снизу вверх, потом задрал голову и начал брить шею.

В какой-то момент ему показалось, что рука его, державшая бритву, застыла в воздухе. Попытавшись прикоснуться лезвием к коже, он с легким испугом обнаружил, что рука не слушается. В мышцах появилось легкое покалывание, которое бывает от сильного перенапряжения.

Он опустил руку и озадаченно посмотрел на нее.

– Надо бы отдохнуть сегодня, – сказал он вполголоса. – Перенапряг руку вчера, четыре часа с этюдом возился.

Напряжение отпустило руку, пальцы мгновенно ослабели, разжались, бритва упала на пол.

Велвл поднял бритву, тщательно промыл ее в горячей воде, и вновь приступил к бритью. В ту же минуту он обнаружил, что рука слушается не его, а какую-то совершенно другую силу. Он бросил взгляд на собственное отражение.

Отражение улыбнулось ему какой-то неживой, чуждой ему улыбкой – уголки разъехавшихся губ чуть приподняты, а в глазах горит странный огонь. Велвл почувствовал в мускулах лица странное жжение и неравномерное пульсирование, словно кто-то невидимый пытался заставить его повторить улыбку отражения.

Он попытался осязать лицо свободной левой рукой, но отражение в зеркале вместо того, чтобы повторить этот вполне невинный жест, подняло *свою* левую руку с зажатой в пальцах бритвой.

С ужасом Велвл почувствовал, что его рука с бритвой – правая рука – *против воли* медленно плывет вверх.

Отражение резко вздернуло голову в сторону и вверх, и голова Велвла, повинаясь этому движению, а вовсе не желанию самого Велвла, тоже дернулась вверх и в сторону.

Бритва двинулась к тому месту на шее, где под кожей туго пульсировала артерия. В тот момент, когда остро отточенное лезвие легко и почти безболезненно врезало шею и артерию, в ту самую секунду, когда горячая и липкая жидкость залила грудь, Виктор-Велвл Байер сделал открытие, которое ни ему, ни кому другому уже не могло бы помочь.

Отражение в зеркале ничего общего не имело ни с ним нынешним, ни с ним прежним. То был плотный человек с низким, поросшим жесткими черными волосами лбом, мясистым носом и глазами, в которых сверкала какая-то безумная злая радость.

Впрочем, прежде, чем Виктор сообразил, кого именно видит он в зеркале, жизнь оставила его тело. А с падением бездыханного художника на пол, и отражение в зеркале исчезло. Причем исчез не только злоеший убийца, но и все, что его окружало – кривостенная комната, пустой мольберт, узкая кровать. Теперь на стене напротив окна висел прямоугольный квадрат тусклого серого стекла, ничего не отражавший, но почему-то оправленный в изящную серебряную раму.

...Елизавета Петровна Кутепова получила известие о внезапной смерти Виктора Байера с месячным опозданием. Приехав в Яворицы, она попыталась разузнать о том, что же произошло, но никто ничего толком рассказать

не смог. Корчмарь Мойше-Сверчок с поспешностью, несколько ее удивившей, отдал ей все вещи, оставшиеся после Байера – в том числе рисунки и эскизы покойного, а среди прочего – серебряную раму средних размеров. Кутепова вставила в нее наиболее понравившийся ей автопортрет Виктора-Велвла, сделанный углем на загрунтованном картоне. Портрет она повесила в салоне, среди ранних работ трагически погибшего художника.

АНТОН ТУДАКОВ

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Е ИНИЕ ВСПЫШКИ ПРОБЛЕСКОВОГО МАЯЧКА заставляют плясать по стенам уродливые вытянутые тени. Истерично мечущиеся по пестрящим обрывкам бумаги кирпичам, они кажутся отражением ночных кошмаров, но на самом деле принадлежат людям. В это трудно поверить, пока не подойдешь к желтой флуоресцентной полосе с предупреждением, спроецированной в холодный воздух. Отсюда видно, что тени отбрасывают двое патрульных со станнерами наперевес и сутулая фигура криминалиста в лимонно-желтом плаще. Из полицейских машин доносятся переговоры с диспетчерами. По какому-то идиотскому обычаю они не передаются на импланты патрульным. Психологи говорят — так им комфортнее.

По крыше машины лупит проливной дождь.

Для Харпера Рутерфорда смерть всегда выглядит одинаково. Она застигает людей на улице, в доме, в заблеванном клубном сортире. В ее руках может быть нож, обрезок трубы, кастет или вообще ничего. Ее жертвы тоже никогда не бывают одинаковыми, но Рутерфорда всегда встречают маячки патрульных машин, переговоры по полицейским каналам и искаженные синим светом лица зевак. Смерть — один из призраков, мелькающих в синих отблесках на стене.

В открытое окно машины всовывает хобот аэроскан. Незримый короткий обмен сигналами с плавающими в крови Рутерфорда наноботами, и сканер убирает отливающее белым пластиком рыло, с которого в салон капает вода. Впрочем, это уже неважно — стоит Рутерфорду выйти, как хляби небесные начинают изливаться ему за ворот.

Один из болтающихся поблизости аэросканов, дождавшись, пока Рутерфорд минует ограждение, подплывает к нему и выбрасывает из своего нутра прозрачную рамку. В ней тотчас возникает помаргивающее зеленоватое изображение лица Эла Гормана, диспетчера участка.

— Как я посмотрю, ты не торопился, — ухмыляется голова Гормана.

— Ты когда-нибудь слышал про пробки? — Рутерфорд поднимает воротник, хотя от этого воды за шиворотом становится только еще больше.

— В пять утра? — аэроскан, рубя лопастями винта дождевые капли в мелкодисперсные брызги, парит в воздухе как летающая черепаха-призрак.

— Сегодня суббота, — пожимает плечами Рутерфорд. — Все возвращаются из клубов. Кое-кто делает это слишком быстро.

Он на самом деле стоял на одной из эстакад, дожидаясь, пока пожарные вертолеты растачат с нее искореженные груды металла, еще недавно бывшие дорогими авто. Галлюциногены, скорость и мокрая дорога всегда плохо

сочетались, но некоторые не догадывались об этом, пока не отправились в Великое Ничто.

По крайней мере, Рутерфорд успел немного поспать до того момента, когда пожарные открыли эстакаду.

– Управление уже собиралось вызвать Вебера, – сообщает голова под аэросканом.

– Горман, я этому обрадоваться должен? – ледяная вода прогоняет остатки сна, и Рутерфорда начинает разбирать злость. – Я могу прямо сейчас вернуться и уехать домой. Ты в курсе, что у нормальных людей сегодня уже выходной?

– Все-все, не кипятись!

Рутерфорд готов поспорить, что в диспетчерской Горман неосознанно разводит руками, как он делает всегда, когда на него наезжают. Но в видео-рамку аэроскана руки не влезают.

– Ты меня не просветишь, что тут у нас? – Рутерфорд обращается к Горману, одновременно кивая криминалисту.

Странно, но криминалист ему не знаком. Новенький?

«Айзек Кроули, 39 лет, криминалист-эксперт участка №3 Ньюингтон-Нью Кент» – услужливо всплывает у него перед глазами информация от наноботов эксперта.

– Извини, наноботы уже съехали, – Горман вздыхает. – Свидетелей нет. Женщина, белая, ориентировочно ограбление – ни сумки, ни документов, ни драгоценностей. Тело пока не трогали. Есть следы борьбы. Харпер, она из этих...

Рутерфорд раздраженно сплевывает, глядя на фигуру куклы с вывернутой шеей в черных латексных шмотках. Такие же черные волосы разметались по издырявленному дождем лужам. Через слипшиеся пряди в потолок из туч усталился стеклянный глаз.

– Что на ней?

Аэросканы криминалиста разворачиваются на его голос, но, опознав полицейские наноботы, возвращаются к своим делам.

– Сто процентов криптопленка, – криминалист отрывается от надиктовки протокола. – Возможно, на волосах запахоуловитель. Ногти я еще не осматривал, но отрастила она их точно по Либерману. Куртка порвана, думаю, пару раз дать по роже нападавшему она успела. Так что, если повезет, завтра будете колоть какого-нибудь панка из аутскиртов. Я переворачиваю?

Рутерфорд кивает.

Окруженный аэросканами, что твой боженька херувимами, криминалист поддевает куклу и переворачивает ее на спину. Лицо уже превратилось в сплошной кровоподтек, но даже сейчас видно, что женщине своротили нос набок.

Лет двадцать назад это был приличный район.

Кроули расстегивает куртку покойной и начинает шарить по обнаженной шее. Вспышки белого света у него под ладонью похожи на разряды электричества из фильма про чудовище Франкенштейна. Обычно криптопленка настолько сливается с кожей или одеждой, что без сканера Либермана ее не найти.

– Есть! – лицо криминалиста расплывается в ухмылке.

В руках он держит прозрачный диск размером с пенс.

– Использованная, пятнадцатисекундная, похоже, с захватом инфракрасного спектра, – Кроули подсвечивает крипто пленку фонариком. – Повреждений, вроде, нет...

– Вы-то откуда знаете? – внезапно на Рутерфорд накатывает антипатия к лыбящемуся эксперту. – Тоже увлекаетесь?

– Чем черт не шутит? – пожимает плечами Кроули. – У меня свой комплект есть. А получить по черепу, как эта шлюха, и я могу.

Он аккуратно убирает крипто пленку в прозрачный контейнер, записывая процесс под протокол одним из аэросканов.

– В участке запросите дескриптор. Анализ ее ДНК и тканей из-под ногтей получите утром. Так что если вы этого уroda найдете, десяток лет в Вормвуд Скрабс ему обеспечен.

Эксперт передает контейнер Рутерфорду.

– Осматривать тут больше нечего, если что и было, то все смыл дождь, – Кроули подает сигнал, и к нему подъезжает каталка труповозки. – Ваша сигнатура уже внесена в протокол, так что формально вы свободны.

С помощью патрульных криминалист грузит тело на каталку. Она тянется вслед уходящему Кроули, как верная собачонка.

Рутерфорд, забравшись в машину, слушает гудение климат-контроля, лихорадочно подсушивающего его мокрую куртку и кресло.

Ограждение гаснет, патрульные забирают проекторы и свои аэросканы.

Все разъезжаются.

– Стой, скотина!

Робот-курьер по кличке Р2Д2, перепрограммированный за ненадобностью в разносчика кофе, проскочил стол Рутерфорда, увозя вождельный поддон, окутанный облаком пара. На крики железка не отреагировала, так что отобрать груз у нее пришлось силой.

Лишившись поддона, курьер замер, обиженно заморгал диодами. Налившаяся рубиновым светом камера завертелась в поисках отобранного.

– Прошу вас вернуть корреспонденцию, она срочно требуется вышестоящему руководству! Прошу вас вернуть корреспонденцию, она срочно требуется вышестоящему руководству! Прошу...

Перепрограммировать Р2Д2 полностью не удалось, и набор звуковых форм у него остался старый. Теперь будет скрипеть на весь зал, пока не получит бадю обратно.

– Пошел в жопу, – огрызнулся Рутерфорд. – Дигли совсем охренел, думает, он один на весь отдел... Да какого черта, кто ж опять спер все одноразовые стаканы?!

Выдвинув ящик стола, он выудил оттуда керамический контейнер для химических образцов и вылил кофе в него. Использовать для чего-нибудь другого его, слава богу, еще не приходилось.

Получив поддон обратно, Р2Д2 отвязался от Рутерфорда и покатил к кабинету начальника отдела.

Кофе был, как обычно, мерзкий, соевый, но он хотя бы как-то спасал от сонливости, наваливающейся при виде скребущих по крышам свинцовых туч. В прорехи, проделанные лесом городских антенн, периодически изливались воды Нового Потопа.

В воздухе над столом Рутерфорда болтались сразу три экрана с новостями и полотно рабочего стола. Стоило в них залететь паре завитков сигаретного дыма, как изображение начинало колебаться. Звук на всех трех экранах был отключен, зато из самого нижнего ящика стола хрюкала полицейская рация. Отчеты об аутопсии и идентификации ДНК еще не пришли, и Рутерфорд ту-по переделывал план расследования одного из сотен аналогичных инцидентов. Дитя эры информационного загрязнения, он не мог сосредоточиться, если рядом не болтался хотя бы один экран, а в голове, благодаря облепившим тройничный нерв наноботам, не звучало радио. И он был не одинок – до самого потолка, покрытого прозрачным самоочищающимся пластиком, громоздились десятки мельтешащих тележизню экранов. На самом большом, в дальнем углу, где торчали патрульные на подхвате, транслировали футбол.

Работа не клеилась – очередная неустановленная жертва из числа либерманцев. По сути дела, от предыдущего документа план отличался только описанием места преступления и снимками жертвы. Как и в прошлый раз, наноботы сдохли еще до прибытия полиции. Рутерфорда всегда поражало то, что человеческий гений научился загонять в кровь тысячи микрокомпьютеров размером в пару-тройку молекул, но так и не смог заставить их работать на чем-то, кроме внутренней энергии тела – наноботы распались через двадцать минут после смерти носителя. Конечно, все было бы гораздо проще, если бы в 2021 году в Европарламенте не провалили закон об обязательной прочиповке граждан... Но, увы, принудительное подкожное внедрение капсул с личными данными запретили как нарушающее права человека. Так же, как ранее обязательную дактилоскопию. Теперь в Англии едва ли каждый десятый имел такой чип, остальные полагаются на наноботов. Наноботы полагаются на энергию митохондрий... Результат этого процесса находился на экране перед Рутерфордом – неопознанное тело.

По трезвому размышлению, убиенной должно быть все равно, установит полиция ее личность или нет. По крайней мере, самому Рутерфорду казалось, что уж коли душа отлетела, то ей мало будет дела до того, что случится с бренными останками. В призраков он не верил. Мисс Нос Набок, похоже, тоже мало верила в то, что ей удастся вернуться в этот мир. Зато она верила в идею посмертного возмездия. Прозрачный контейнер, водруженный Рутерфордом на видное место, содержал кружок криптопленки – пятнадцать секунд записи того, что случилось сразу после смерти владельца пленки. Процессы, инициирующие ее срабатывание, Либерман держал в тайне, однако в большинстве случаев это случалось сразу после физической смерти носителя.

Рутерфорд набрал номер Центра Либермана.

Новостные экраны раздвинулись, пропустив перед собой изображение девушки с огненно-рыжими дредами, украшенными позванивающими колокольчиками. По лицу девушки солнце рассыпало горсть веснушек, а

из уголков глаз полосы люм-тату тянулись за уши. Казалось, звонок Рутерфорда ушел в другой мир, находящийся за тысячи миль от полузаотопленного Лондона.

– Центр Либермана, Дея. Слушаю вас.

– Старший детектив Рутерфорд, участок Ньюингтон-Нью Кент. Мне нужна расшифровка криптоленки, убийство совершено сегодня ночью.

Солнечная активность на экране резко упала. Господи, подумал Рутерфорд, неужели она думала, что К НИМ кто-то позвонит поздравить с праздником?

– Извините, детектив, – девушка опустила взгляд. – Но у нас всех отпустили из-за Сочельника, остались только доктор Либерман и я...

– Мисс Дея, вы полагаете, что это хороший повод сделать рождественский подарок тому, кто совершил убийство? Я полагал, что ваша задача заключается в обратном.

– Но я просто не умею работать с оборудованием, – совсем ступевалась рыжая. – Побудьте на линии, пожалуйста, я постараюсь связаться с нашими сотрудниками...

На экран выплыла рекламная заставка Центра Либермана: «Будь готов к смерти. Умри достойно. Стань последней жертвой». Белый экран пересекли резкие росчерки иероглифов и закадровый голос принялся вещать:

– Когда для выбора остается два пути, существует лишь быстрый и единственный выход – смерть. Это не особенно трудно. Будь тверд в своей решимости и иди вперед. Эти слова, принадлежащие Ямамото Цунэтомо, сказаны им в восемнадцатом веке и являются квинтэссенцией многовекового опыта японских междоусобных войн. Существование самураев было подчинено законам того времени, времени сражения, в котором смерть имела не меньшую цену, чем жизнь. Теперь во времена войны живем мы. Пусть официально это не признано, но улицы Лондона заливают волна преступности и ни вы, ни правительство, не способны справиться с ней. Вам уже нельзя надеяться на то, что полиция спасет вас, но у вас остается право на кару для убийцы. Если вы не в состоянии защитить себя – умрите достойно: так, чтобы ваша смерть не осталась безнаказанной...

В то мгновение, когда Рутерфорд уже был готов смахнуть экран со стола, реклама заткнулась. Перед ним появился человек, лицо которого обычно смотрело с тысяч рекламных экранов и обложек кристаллозаписей, призывавших умирать правильно. В прокуренном воздухе явился сам гуру Жаждающих Стать Последней Жертвой. Человек, которого ненавидела половина полиции Британии, – в ближайшем будущем, объект массовой ненависти полицейских Евросоюза.

– Детектив Рутерфорд, я полагаю? – осведомился доктор Либерман.

Скрип, который выдали в ответ голосовые связки Рутерфорда, только с большой натяжкой можно было истолковать как утвердительный ответ.

Либермана это не смутило.

– Мисс Дея передала мне, что у вас находится криптоленка. Вы хотите ее расшифровать?

– Может быть, вы подскажите, что еще можно с ней сделать? – Рутерфорд обрел дар речи.

– Вам известно имя жертвы?

– Нет.

– А анализ ДНК...

– Не готов, – отрезал Рутерфорд.

– Тогда, возможно, мы поможем вам установить личность пострадавшей. Последний год все пленки нумеруются, а их продажи фиксируются нашим главным компьютером. Это существенно ускоряет процедуру расследования...

– Все это, конечно, очень здорово, – перебил его Рутерфорд. – Но сейчас меня интересует только то, как скоро можно сделать расшифровку.

– Подъезжайте сейчас, – пожал плечами Либерман. – Я сам все сделаю.

– Буду через полчаса, – буркнул Рутерфорд и стер изображение собеседника.

Он смахнул контейнер с криптопленкой в нагрудный карман куртки, выключил радио и послал команду бегунку на экран личного состава участка. Пиктограмма в строке с его именем переместилась в столбец «На выезде».

Уходя, Рутерфорд обернулся. Один из висящих над его столом экранов демонстрировал изображение книги Либермана: «Умри достойно – стань последней жертвой!»

Грохот захлопнутой двери утонул в какофонии звуков, наполнявших отдел.

Аэроскан на заднем сиденье похож на спящую собаку. Лишь над массивной линзой объектива моргает зеленый огонек – машина впала в летаргию и пребудет в ней, пока ее не выпустят из салона.

Датчик на въезде в центр Либермана считывает штрих-код полицейского «ровера» и без заминки поднимает ворота подземного гаража. Светящиеся стрелки ведут машину к свободному месту на стоянке, где замирают, нетерпеливо переливаясь всеми цветами радуги.

Первым из машины выплывает оживший аэроскан. Зачем нужен напарник, когда с собой всегда можно прихватить летающую черепаху? Аэроскан готов связаться с кем угодно, начиная от начальника отдела и заканчивая Скотланд-Ярдом, вызвать спецгруппу, скорую или заказать пиццу. Кроме того, он всегда ведет запись, которую потом можно предъявить в службу внутренних расследований. Хотя последнее иногда лишнее.

Стоит Рутерфорду поставить ногу на бетонный пол гаража, как светящаяся стрелка устремляется вперед. В конце пути ее ждет лифт.

– Назовите, пожалуйста, цель визита, – в лифте всем заправляет приятный женский голос с механическими нотками.

– К доктору Либерману, по договоренности, – Рутерфорд прислоняется к стенке кабины.

Аэроскан с негромким жужжанием пристраивается над левым плечом и затихает. Двери закрываются, лифт вздрагивает.

– Шестой этаж, кабинет шестьдесят четыре, – сообщает призрак лифта. – Пожалуйста, следуйте за оранжевым указателем.

Родная сестра бегущей стрелки из гаража приводит Рутерфорда к деревянной двери с позолоченной табличкой «Приемная». За дверью обнаруживается солнечная мисс Дея. Вид у нее при появлении Рутерфорда и аэроскана становится испуганный.

Неужели он и вправду был настолько груб, думает Рутерфорд.

– Доктор Либерман ждет вас, – мисс Дея подсказывает как отпущенная пружинка и распахивает перед Рутерфордом дверь в кабинет.

Таблички на ней нет – Либерман не страдает тщеславием.

– Доброе утро, детектив Рутерфорд, – мистер Умри Достоинно встает из-за стола и протягивает руку Рутерфорду. – Чай, кофе или что покрепче?

Первым в списке приоритетов Рутерфорда стоит «что покрепче», но он соглашается на кофе, и мисс Дея скрывается за дверью. Рутерфорд готов поспорить, что в глазах у нее написано облегчение от того, что ей не надо больше с ним общаться.

Наверное, так он потерял и свою жену.

– Прощу вас, устраивайтесь, – Либерман садится за стол, приглашая Рутерфорда занять место напротив.

Аэроскан висит рядом с Рутерфордом, наведя объектив на его собеседника.

– Стандартная процедура, – кивает Рутерфорд на спутника.

Либерман пожимает плечами.

– Детектив, вы не возражаете, если мы немного поговорим, прежде чем займемся вашей пленкой?

– Вообще-то я не уверен, что у меня есть на это время...

– У меня сложилось впечатление, что полиция не очень довольна работой моего центра, – Либерман пропускает возражение мимо ушей. – Не могли бы вы разъяснить, в чем причина? Видите ли, вы, как мне кажется, не первый, и почему-то мне всегда кажется, что ваш брат полицейский недолюбливает мою работу. Хотя, по логике вещей, она должна облегчать вашу.

Рутерфорд достает контейнер с криптопленкой. Он хочет поговорить? Пожалуйста.

– Вот, – Рутерфорд кладет контейнер перед собой. – Может быть, вы считаете, что это забавно – проверять на людях свои криминалистические исследования? Вы не наигрались в Скотланд-Ярде?

– Именно работа в Скотланд-Ярде и подтолкнула меня к мысли о движении, э-э... Как вы нас называете? Либерманцы?

Рутерфорд кивает.

– Довольно лестно. Я всегда считал, что моя работа может помочь полиции...

– Попутно убеждая людей, что они ходячие трупы? Конечно, трупам смерти бояться нечего. Они мертвы изначально.

– Простите, детектив, но вы читали мою книгу? Вообще-то я не призываю людей кончать жизнь самоубийством.

– Конечно, нет, – Рутерфорд ухмыляется. – А как же охота на Алабаму Билла? Сотни молодых идиотов вышли на улицы в поисках серийного маньяка? Это у них игра такая была – в наживку?

– Человеческая глупость безгранична. Но вы же не будете отрицать, что Алабаму поймали только благодаря двум из этих «молодых идиотов», как вы выразились?

– Да. И оба они мертвы.

– Неужели вы думаете, что он не нашел бы себе других жертв? Эти двое, по крайней мере, умерли не напрасно.

– Умри достойно – стань последней жертвой?

– Но Алабама ведь оказался на электрическом стуле? Детектив, вы, похоже, знакомы с этим делом не понаслышке – скажите честно, сколько бы вы еще его ловили, если бы эти мальчишки перед смертью не сняли его на криптопленку? Не говоря уж о том, что его тогда впервые идентифицировали. У полиции, как вы помните, в тот момент не было даже самой паршивой зацепки.

Либерман перегибается через стол и берет в руки контейнер с криптопленкой. Его действия сопровождаются недовольным жужжанием аэроскана.

– Что вы знаете об этой жертве? Подозреваю, что ничего, кроме того, что она либерманка. По сводкам, это очередное убийство, совершенное в темном углу, свидетелей нет, следов нет...

Рутерфорд и раньше не сомневался в том, что информация из полицейской сети утекает в центр Либермана. Впрочем, сейчас при таких обстоятельствах совершается половина убийств.

– Ногти, – выдавил Рутерфорд.

– Что? А, вот, пожалуйста! Пару лет назад подобное убийство ушло бы в архив участка нераскрытым. Но если сейчас окажется, что на криптопленке есть запись, под ногтями образцы ДНК... Что-то еще было? Липучка, родимые маркеры?

– Запахоуловитель.

Либерман кивает.

– Черт возьми, детектив! Кто-нибудь объяснит мне, наконец, почему вы всегда этим не довольны? Я же не убиваю людей и не заставляю делать это мисс Дею! Это наше государство приложило все усилия к тому, что зачастую теперь единственный свидетель убийства – это сама Смерть! Еще два десятка лет назад все улицы Лондона были под наблюдением видеокамер. Теперь их нет – они нарушали права человека. А вы знаете, что уличная преступность в те годы упала до рекордно низкого уровня? Но в итоге восторжествовали демократические принципы – как же, вездесущие камеры могли отрицательно повлиять на психику, сформировать комплекс тоталитарного мышления! И все было здорово, пока не выяснилось, что старушка Европа медленно идет ко дну! Ее заполонили эмигранты, население обнищало, мы перебиваемся от кризиса до кризиса... А правительство ЕС озабочено проблемами нарушений прав человека в Южной Америке. Или, на самом деле, оно лихорадочно пытается решить очередную энергетический кризис за счет тамошних урановых залежей? Как бы то ни было, справиться с ростом уличной преступности оно не в состоянии.

Либерман переводит дух и продолжает:

– Детектив, вы же понимаете, что полиция против нынешнего вала преступности, продиктованного обнищанием общества, все равно что пресловутый мальчик, затыкающий дыру в плотине пальцем? Двадцать лет назад у вас на улице могли просто вырвать из руки сумку и убежать. Теперь вас пырнут ножом или приложат трубой по голове – и потом заберут сумку. Это гораздо проще, чем бегать. Я понимаю, что вы работаете на износ – и вы полагаете, что я вам мешаю? Если бы не центр Либермана, сколько преступлений осталось бы нераскрытыми?

– Послушайте, Либерман, – взрывается Рутерфорд. – Нельзя же внушать людям, что они должны готовиться к смерти, а не пытаться ей сопротивляться! Мне нужно разъяснить вам смысл понятия «виктимное поведение»?

– Извините, но у меня здесь не курсы самообороны. Вы видели основной контингент центра? Приходите на открытое занятие после Рождества – может быть, тогда убедитесь, что этим людям нечем защититься. Но у них есть совесть – и они понимают, что их смерть может спасти еще чью-то жизнь.

А может быть, они просто хотят банальной мести, добавляет про себя Рутерфорд.

Либерман протягивает руку к своему столу и берет с него книгу – обычную книгу, без видеоглифов и звукооряда, наверное, одно из своих первых изданий. Книгу он протягивает Рутерфорду.

– Автограф не даю, боюсь, вы сочтете это оскорблением. Будьте так добры, прочитайте ее и приходите ко мне после Рождества. Я чертовски устал всем что-то доказывать и просто собираюсь делать дальше то, чем сейчас занимаюсь. Надеюсь, вы все-таки немного задумаетесь над тем, что здесь написано.

Рутерфорд принимает книгу и кладет ее в нагрудный карман.

– Пойдемте к дескриптору, – Либерман встает и берет контейнер с криптопленкой. – Попробуем установить личность жертвы.

– Скажите, зачем вы начали все это, доктор? – Рутерфорд задает вопрос спине идущего впереди Либермана. – Погиб кто-то из ваших родственников?

Либерман оборачивается. На его лице написано искреннее недоумение.

– Детектив, зачем делать из моей работы мелодраму? Вы же, надеюсь, не пошли в полицию потому, что ваших родителей застрелил маньяк? Просто я считаю, что наступило время, когда человек должен сам делать свой выбор. И если ты не в состоянии защитить себя, сделай так, чтобы твоего убийцу наказали.

– Вы много зарабатываете на работе центра?

– Дешевле человеческой жизни в наше время только высокоточная электроника, которую мы производим, – Либерман ухмыляется. – Я получаю достаточно, чтобы не жаловаться на жизнь. Но это не коммерция. Это призыв к совести общества. И оно откликается.

Они спускаются на лифте, и Либерман вводит Рутерфорда в комнату с терминалами дескриптора. Криптопленку извлекают из контейнера и помещают в приемник терминала. Перед ними возникает лицо погибшей – Рутерфорд узнает ее, но понимает, что девушку страшно изуродовали, пока она

сопротивлялась. Под изображением девушки всплывает текст: «Мэри-Луиза Бакстер, двадцать четыре года, танцовщица в стрип-клубе «Дахо», криптопленка TYR-345-567-AX-05, приобретена 17.04.20...»

– Она? – спрашивает Либерман.

Рутерфорд кивает.

– Посмотрим, что записано на пленке...

Пятнадцать секунд посмертного свидетельства Мэри-Луизы Бакстер против своего убийцы оказываются четкими и уверенными.

Два часа спустя Рутерфорд, получив заключение о вскрытии и результатах анализа ДНК из-под ногтей Мэри-Луизы Бакстер, заботливо выращенных ею и укрепленных для того, чтобы вцепиться в лицо своего убийцы, уже держал в руках ордер на арест. Придуманные бывшим руководителем экспертно-криминалистической службы Скотланд-Ярда Клайвом Либерманом технологии в желтой прессе обычно сравнивали с вудуистскими ритуалами поднятия из мертвых.

Пэт Дэвис, дважды судимый за нанесение тяжких телесных повреждений, полтора десятка приводов за антиобщественное поведение. Находится на учете как наркозависимый. Один из миллионов безработных-аутскиртов, дешевые пенобетонные районы которых подобрались к окраинам Саузуарка. Подобно тараканам, аутскирты расползлись по бывшему центру Лондона, подтопленному Темзой, и заполнили каждый темный угол. В парламенте уже обсуждали закон об обнесении части районов охраняемыми стенами, но Рутерфорд не сомневался, что аутскирты найдут способ проникнуть за них. Рим, в свое время, тоже прятался за стенами, но варвары сожгли его дотла.

Дэвис, к счастью, обитал практически на границе между гетто аутскиртов и Саузуарком. Постоянная регистрация и наличие образца ДНК в Метрополитен Полис Сервис давали право на получение бесплатной медицинской помощи, и от этого мало кто отказывался. Регистрационные системы художественно работали даже здесь, а аутскирты очень крепко держались за свое жилье, так что задержание должно было обойтись одним отрядом спецназа.

Дом оцепили втихую, но так, чтобы по команде спецназовцы могли отсечь уличную толпу. Любое появление полиции в гетто вызывало массовые беспорядки, но начинать их до задержания Дэвиса никому не хотелось. Поэтому сперва к нему пошел информатор, чтобы убедиться, что тот дома.

Рутерфорд сидел в машине спецназа, замаскированной под обычный для гетто рыдван. Фургоны и бронетранспортер с водометом стояли за углом, формально уже в Саузуарке. Как только на сигнализаторе загорелся зеленый огонек, Рутерфорд подал сигнал к штурму.

Спецназовцы действовали тихо и аккуратно, но все-таки одна стерва высунулась из окна и заорала во всю глотку, что ее дверь вышибают фараоны. Мгновенно вокруг дома образовалась толпа аутскиртов, пребывающих в мерзком настроении, и командир спецназовцев пришлось выпустить часть своих людей со щитами и газовыми гранатометами в оцепление. Скрываться смысла больше не имело, и за стеной щитов выставился бронетранспортер.

Воспоминания о размазывающих по асфальту потоках ледяной воды избавили на время кучкующихся аутскиртов от мыслей о необдуманных шагах.

Изрядно помятого Дэвиса со скрученными липучкой руками выволокли из подъезда и потащили в фургон под перекрестным обстрелом мрачных взглядов обитателей гетто.

И все было нормально, пока какой-то мудака не швырнул в оцепление бутылку. После этого выяснилось, что аутскирты решили испытать на спецназе коктейль Молотова собственного разлива. Спецназ ответил очередями резиновых пуль, в ход пошли водомет и электрошоковая сеть... И все это с вертолета сняли телевизионщики.

Охренительный результат задержания – Питер Дэвис доставлен в участок целым и невредимым, где ему выдан госадрокат, а в гетто двум десяткам аутскиртов переломали ребра, и один спецназовец получил легкие ожоги. Ознакомившись с отчетом, Дигли верещал как резаный, отчего у Рутерфорда разболелась голова. Он обозвал шефа козлом и ушел. Дигли обиделся, но Рутерфорд и так не собирался поздравлять его с Рождеством.

Вечером этого же дня он впервые открыл книгу Либермана и погрузился в чтение. Первое правило, гласила книга, состоит в том, что убийца всегда оставляет следы. Если же нет – значит, надо заставить его их оставить.

Человек возвращается с работы.

Он смертельно устал, но до конца рабочей недели еще два дня, а в субботу, похоже, предстоит выйти сверхурочно. Сумка брошена в прихожей – скорей к холодильнику, выпить сока и съесть несколько зерновых батончиков. На полноценный ужин нет времени, разве что разогреть пиццу в микроволновке.

Похрустывающий замороженным пластиком диск водружается в керамическое нутро печи.

Теперь можно пойти развалиться в кресле перед телевизором, огромной плоской панелью с многоканальным стереозвуком... Это вам не полупрозрачный болтающийся в воздухе экран, на котором при дневном свете Рокет Джи Леона от Смайл Боба не отличишь. Соседи, конечно, вешаются, зато не слышно ублюдков-аутскиртов, каждую ночь беснующихся на погружающихся во тьму улицах. Денег на ежедневную замену фонарей у муниципалитета нет.

За раскатами оцифрованного смеха в шоу Смайл Боба в комнате, где стоит панель, не слышно ни как срабатывает таймер микроволновки, ни как отщелкивается дешевый электронный замок входной двери.

Удар свинцовым кастетом приходится точно в основание черепа. Человек выпадает из кресла, дыхание переходит в хрип. Он рефлекторно пытается встать, но еще два удара в голову размазывают окружающий мир в багровую кашу, наполняя его зациклившимся хрустом входящего в висок кастета. Какое-то время помутневшая реальность еще полна мечущихся теней и грохотом аплодисментов. Затем все исчезает.

В темноте загорается надпись «Симуляция завершена».

– Рассмотрев основные ошибки, которые были допущены мистером Бергманом, – в аудитории загорелся свет, и Либерман, заложив руки за спи-

ну, вышел к слушателям. – Мистер Бергман, садитесь, вам это нужно в первую очередь.

Бергман, подслеповато шурящийся клерк в мятом костюме, попытался выползти из ВР-кокона, но ноги отказались его слушать. Один из помощников Либермана подхватил его, едва тот начал оседать.

Не каждый день приходится пережить собственную смерть, пусть даже виртуальную.

– Перед нами классический пример того, с чего начинало большинство тех, кто проходил мои курсы. – По знаку Либермана за ним возникает экран, где происходящее в виртуальной квартире Бергмана показывается в нескольких ракурсах. – В первую очередь, мистер Бергман, вам явно надо позаботиться о смене замка. Вы живете слишком близко к гетто, чтобы полагаться на тот, что вы нам описали. Еще лучше было бы, если бы вы вообще покинули этот район.

Потрепанный костюм Бергмана явственно свидетельствует о том, что такая роскошь, как переезд, ему недоступна.

– Если же вам это не по карману... Не надо смущаться этого, мистер Бергман, оглянитесь вокруг – здесь собрались отнюдь не те, кто занимают головные офисы в Сити. Это им позволено думать о том, сколько сотен тысяч фунтов они могут позволить себе за охрану и без того далекого от гетто дома. А в вашем районе, насколько я помню, мистер Бергман, охранные фирмы не берутся работать вообще, и вам приходится надеяться только на полицейские патрули.

Либерман повернулся к экрану, на котором обряженный в лохмотья аутскирт размахивался кастетом за спиной у виртуального двойника Бергмана, который, в свою очередь, остекленевшими глазами уставился в мерцающую панель на стене. К ней же оказались прикованы взгляды еще двух аутскиртов, маячащих в прихожей.

– И, как мы видим, полиция ничем не смогла бы вам помочь, – закончил Либерман, глядя на свалившееся на пол тело Бергмана. – Позвольте вам задать вопрос.

Либерман снова повернулся лицом к аудитории.

– А как вы считаете, мистер Бергман, вы могли сами справиться с ситуацией?

– Ну, если бы у меня было оружие... – неуверенно начал Бергман.

– У вас НЕ МОГЛО быть оружия. Продажа оружия запрещена на всей территории ЕС. Если вы не забыли, это одна из немногих жестких мер, на которые смогло пойти наше правительство.

– Тогда я не знаю, – Бергман опустил взгляд.

– Признайтесь, состояние вашего здоровья исключает противостояние трем ублюдкам, которым приглянулся ваш телевизор. Лучше задайтесь вопросом: что можно сделать для того, чтобы ваша смерть не осталась безнаказанной?

Тишина.

– На данный момент вы даже не знаете, что следует предпринять. Господа, у нас сегодня присутствует гость – детектив Рутерфорд из отдела

убийств участка Ньюингтон-Нью Кент. Давайте попросим его дать оценку тому, что мы увидели.

Обращение Либермана застало Рутерфорда, пристроившегося в углу, врасплох. Он поднялся и обвел аудиторию растерянным взглядом.

На экране трое аутскиртов, обшарив квартиру Бергмана, вытаскивали из нее тепепанель.

– Ваши соседи любопытны, мистер Бергман? – поинтересовался Либерман.

– Вряд ли, – чуть слышно произнес Бергман. – Они ненавидят меня за то, что я всегда слишком громко включаю звук.

– То есть, как мы видим, кто угодно беспреступственно может покинуть ваш дом с добычей. И останется безнаказанным, не так ли, детектив Рутерфорд.

– Э-э... – протянул тот. – Вынужден констатировать, что подобное убийство, скорее всего, придется признать нераскрытым. Если ваши, э-э... убийцы, не оставили улики, позволяющих их идентифицировать.

– А они могли остаться? – поинтересовался Либерман.

– Вряд ли. Судя по тому, что я увидел – вряд ли.

– И как вы это называете? «Глухарь»?

– Что-то типа того, – пожал плечами Рутерфорд.

– Полагаю, смысл произошедшего понятен всем. И вы все этого опасаетесь, раз пришли сюда, не так ли?

Часть слушателей неуверенно закивала.

– Вы собрались здесь для того, чтобы научиться тому, как сделать так, чтобы ваша смерть от руки убийцы стала для него последней. Если вы думаете, что я научу вас чудесным способам самозащиты – вы ошибаетесь. Занимайтесь карате, переезжайте в охраняемые кондоминиумы или заведите себе ГМ-пса. Но, судя по всему, у вас нет на это денег. Мне также вряд ли удастся научить вас не бояться смерти, чего опасается детектив Рутерфорд. Нет, господа, насильственная смерть была и останется штукой весьма неприятной и болезненной. С этим страхом вам придется справляться самим. Я здесь для того, чтобы научить вас тому, что делать, когда вы понимаете, что смерть уже неизбежна.

Запомните главное – любой преступник оставляет следы. В такой ситуации, как ваша, мистер Бергман, важно их собрать.

– Но они же не оставили следов, доктор Либерман! – подал голос кто-то из зала.

– Правильно. Значит, мистеру Бергману надо готовиться к тому, чтобы они их оставили. Вы все прекрасно знаете, что самый главный инструмент полиции в наше время – идентификация ДНК. И основные мои усилия направлены на то, чтобы эти крошечные цепочки белков остались на месте преступления. Для этого банально могут послужить крепкие, отращенные до нужной длины ногти. Конечно, вам сложно было бы вцепиться в лицо нападающему, но работай ваш телевизор потише, вы могли бы услышать, как к вам пожаловали гости. Как мы уже говорили, в драке против них вам вряд ли удалось бы одержать верх, но...

Либерман подошел к Рутерфорду после лекции.

– Вы все-таки пришли? Возьмите, это рекламный образец.

Он протянул Рутерфорду закатанный в пластик кружок криптоленки, который тот автоматически сунул в карман.

– Не принимайте это на свой счет. У меня еще две криптоленки. И вот это.

Рутерфорд протянул Либерману контейнер, содержащий тонкую матовую пластинку с двумя короткими усиками на конце. Если посмотреть на нее под правильным углом, то можно увидеть гравировку с эмблемой центра Либермана.

– Вы пустили в оборот что-то новенькое? Мы с таким раньше не сталкивались.

– Печально, – Либерман потер переносицу. – Это только пробные образцы, и вы их уже мне тащите.

Мимо них потянулись люди. Крашенные под j-style соплячки, одежда недвусмысленно указывала на род их занятий. Затравленно озирающиеся клоны клерка Бергмана. Пара домохозяек, на лице которых лежал отпечаток жизни в тени гетто. Разношерстая группа продавцов в корпоративной форме «Сэйнсберис». Парень, в глазах которого застыло такое же выражение, как у кролика перед раскрытой пастью удава. Вряд ли он нашел здесь то, что искал.

– Либерман, вы бы заканчивали свои шарады. – Рутерфорд отвернулся от проходящих. Одна из крашенных слишком походила на Мэри-Луизу Бакстер. – Что вы за хрень опять сосватали своим сектантам?

– Весьма занятная штука. Регистратор сигнатур. Позволяет записывать данные наноботов, тех, кто проходил рядом с его владельцем. Сопоставив время смерти и записи регистратора, можно получить сведения об убийце и потенциальных свидетелях...

– Ага, – ухмыльнулся Рутерфорд. – Осталось только заставить пять миллионов лондонских аутскиртов занять своих наноботов.

– Убийства не всегда дело рук людей из гетто. Вы задержали того, кто напал на ту девушку в Сочельник?

– С учетом предыдущих подвигов, ему дадут лет двадцать на казенных харчах.

– Это мало?

– Это глупо, – пожал плечами Рутерфорд. – Какой смысл в том, что он будет продолжать коптить воздух за деньги налогоплательщиков?

– Скажите, детектив, это ваша частная точка зрения или лондонской полиции в целом?

– Вы слышали что-то другое, работая в Скотланд-Ярде? – Рутерфорд, отведя взгляд, достал из кармана пачку сигарет. – Или, может быть, вы затеяли свои игры потому, что хотели гуманного отношения к этой швали?

– Просто я не уверен, что вы выражаете официальную точку зрения министерства внутренних дел.

– Либерман, а чью точку зрения выражаете вы? Скажите, вы серьезно думаете, что добьетесь своей цели, если еще пару тысяч остолопов упокоятся с мыслью о том, что будут отмщены? Если так – то вы просто псих.

– Я же говорил вам, что не заставляю людей убивать себя.

– Ну конечно. Просто вы убеждаете их в том, что рано или поздно вас станет так много, что ни один убийца не окажется безнаказанным. И тогда – бабах! – и насилие прекратится как по заказу! Это же смешно!

– Иногда я и сам верю в это с трудом. Но почему бы однажды этому не случиться?

– Потому что! – Рутерфорд вздохнул и прикурил сигарету. – Хотите, я скажу, чем это закончится на самом деле? Страховые компании уже судятся по договорам либерманцев, а вскоре и вообще откажутся страховать тех, кто признается в связи с вашим центром. В один прекрасный день недовольные родственники начнут раздувать скандал, упирая на то, что вы, якобы, толкнули их ненаглядного сына, племянника или деда на этот самоубийственный шаг. А потом они пойдут к вам, будут две недели ходить кругами с транспарантами, но только до того момента, как у аутскиртов хватит ума присоединиться к ним и под шумок подпалить ваше богоугодное заведение.

– Возможно, так и будет. Ваши слова, детектив, говорят о том, что моя работа не проходит даром. Раз центр Либермана внушает им опасения за свою безнаказанность, значит, никто из нас не умер зря.

– Вы себя послушайте, Либерман! Вы сами себе часом Иисуса Христа не напоминаете? Блин, вы все тут совсем свихнулись на своих посмертных штучках. Это глупо – думать, что ваши побрякушки заставят отморозка отказаться от идеи проломить чей-то череп! Глупо, понимаете?! – Рутерфорд в сердцах швырнул в урну сигарету. – Дайте мне лучше того, кто этот ваш регистратор отработать сможет. Вы, мать вашу, как в воду с ним глядели – в кои-то веки вашего клиента не на улице пришили, а в приличном месте...

Сливающийся с цветом синтетической ткани куртки кружок криптоленки, подаренный Либерманом, раздражает его невероятно.

Ну, кому может понравиться носить с собой то, что запишет тридцать секунд существования мира после его смерти? Как ни крути, но либерманцем Рутерфорд себя не ощущает.

Он уже раз двадцать порывался содрать криптоленку, но все находились какие-то более важные дела, чтобы этого не делать. Вопрос, на кой черт он вообще прилепил ее на одежду, он предпочитал себе не задавать. Кажется, это случилось в тот раз, когда они выезжали на очередной рейд в гетто, подогретое майскими демонстрациями. Глупо, учитывая, что его окружали два десятка спецназовцев, имевших приказ стрелять на поражение. И в этот раз пули были не резиновые.

Рутерфорд теревит воротник куртки, поглядывая в приспущенное окно. Спроецированные наноботами на сетчатку глаз цифры часов бегут в ожидании возвращения Роба Пайла, отправившегося пополнить запасы замороженной пиццы и рамена для отдела. На это ежемесячно сбрасываются все, включая Дигли, который так и не простил Рутерфорду рождественской выходки. Теперь большая часть его дежурств приходится на выходные.

Щетки слизывают с лобового стекла мутные потоки воды. Новый Потоп бушует всюю, и, похоже, пришла пора всерьез задуматься о постройке ков-

чега – синоптики говорят только о временном улучшении погоды. Остается только надеяться, что приступ бешенства у Гольфстрима, еженедельно меняющего направление течения, закончится до конца лета.

Через стекло и мутную воду глаза режут слепящие огни четырехэтажного бастиона потребительского рая. Пиршество света в мире влажных сумерек, супермаркет «Теско» предлагает посетителям не только пожрать, выпить и одеться, но и круглосуточную охрану. Рутерфорд сам видел выданную сети «Теско» лицензию на использование стационарных водометов и станнеров. Тому, кому в голову придет покуситься на содержимое закровов «Теско», придется здорово попотеть. И сделать это быстро – размер взятков, которые давали крупные корпорации полицейским чинам, ни для кого в участке не составлял секрета. Так что своевременный выезд группы быстрого реагирования гарантировался.

Возможно, в этот момент она могла понадобиться какому-нибудь мистериу Бергману, дверь которого выносила компания обкуренных юнцов. Но когда перед слугами общества стоит выбор: «Теско» или Бергман, материальная сторона дела, обычно, берет верх. Рутерфорд неоднократно размышлял, насколько существенным утешением для того же гипотетического Бергмана послужит эффективность работы полиции после его смерти, но к однозначному выводу так и не пришел. Вполне вероятно, что Бергман предпочел бы, чтобы полиция приехала своевременно.

Колелеблющийся в такт движения дворников, на лобовом стекле беззвучно мерцает экран новостей. Смотреть на него смысла нет – толпа разъяренных родственников жертв убийств осаждает центр Либермана. Все случилось так, как предсказывал Рутерфорд: суды один за другим поддерживали иски страховых компаний против наследников либерманцев. Нанятые страховщиками эксперты-психиатры, ставшие вдруг специалистами в виктимологии, доказали наличие у жертв суицидальных наклонностей, скрытых при заключении страховых договоров.

Теперь остается только дожидаться погромов.

Да где же, черт возьми, этого Пайла носит?

Рутерфорд выходит из машины. Через шум дождя до него доносятся отдаленные хлопки. Сознание не сразу ассоциирует их с выстрелами, но рука, подчиняющаяся инстинктам, а не разуму, уже лежит на рукояти служебной беретты. Выстрелы, определенно, донеслись из зева подземной парковки, и Рутерфорд бросается туда. Как неудачно, что выезд неслужебный, и аэро-скан они с собой не взяли...

Половина ламп здесь не горит, а уцелевшие перекликаются нервными мертвенными вспышками. Машин осталось не больше десятка, и большинство из них давно не на ходу. Около развалин мини-вэна, прямо под опорной стеной, разбросана куча тряпья. Но тряпки, обычно, не истекают кровью.

Девчонка, возраст не больше пятнадцати. Волосы выкрашены в кричаще красный цвет, одежда порвана в лохмотья. Рутерфорд наклоняется над ней, но натывается на остекленевший взгляд и дорожку крови из угла накрашенного рта. Над открытой левой грудью с татуировкой-ящеркой расплывается

отвратительная багровая клякса выходного отверстия. Еще один кровавый цветок распустился на животе.

Неужели вас, соплячек, сутенеры уже не учат, куда можно ходить с клиентами, а куда нельзя?

Два выстрела сливаются в грохот, разлетающийся по бетонному нутру гаража. Ноги Рутерфорда подкашиваются, и он оседает по стене рядом с мертвой проституткой. Пистолет отлетает в сторону и скрежещет по асфальту где-то в темноте. Из дыры в куртке выплескивается темная жидкость. До него даже не сразу доходит, что это кровь.

Где же они, твари, достали настоящий ствол?

В пустоте гаража раздаются торопливые шаги. Шакалы, похоже, не прочь поживиться его бумажником.

Мир перед глазами приходит в движение. Парковка, машины и огни ламп размазываются по нему, как будто Рутерфорда усадили на «русские горки», в ушах тупо долбит гигантский барабан. Он застывает, стиснув зубы, боясь совершить лишнее движение. Жизнь вытекает из него вместе с толчками крови, выплескивающейся на мокрый асфальт. Даже его познаний в медицине хватает, чтобы понять, что на исходе последние секунды его жизни.

Шаги останавливаются, и на лицо падает тень. Рутерфорд не сомневается, что криптоленка сработает, как положено. Но он все равно разжимает кулаки, готовясь напоследок вцепиться в нависающее над ним лицо.

Первое правило состоит в том, что убийца всегда оставляет следы. Если же нет – значит, надо заставить его их оставить.

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВ

ЛОДОЧНИЦА

МИТРИЙ САМОХВАЛОВ НЕ СРАЗУ ДОГАДАЛСЯ, ЧТО покачивается на поверхности воды. Издалека кругляки казались то ли буйками, то ли полуспускаемыми грязными воздушными шариками. Только когда Ольга заглушила мотор, а лодка по инерции приблизилась к ним на расстояние заброса легкой блесны-вертушки, Дмитрий сообразил, что видит протухшую рыбу.

– Судаки! Дохлые! – В сердцах он чуть не отбросил спиннинг. – Ну не пакудники же браконьеры местные! Мало того, что сети поставили, так еще и снять их не удосужились. Такую красоту загнули, столько рыбы хорошей!

Самохвалов оглянулся: ждал от Ольги сочувствия, но та лишь неопределенно пожала плечами. Он вновь невольно бросил взгляд на ее руки – не защищенные одеждой кисти и пальцы были усыпаны ранками-язвочками: и давно зажившими, и совсем свежими. На лице, однако, никаких язвочек не наблюдалось, значит, они – не следствие какой-нибудь болезни, а обычные ранки.

Ольга была симпатичной, хотя, на его взгляд, немного крупновата, эта лодчица-егерь, числящаяся в штате рыболовной базы, на которую Дмитрий приехал накануне вечером. Нетипичный случай, чтобы егерем была женщина, обычно – местные мужики, редко дотягивающие до окончания сезона, чтобы не быть уволенными за несоответствие занимаемой должности, проще говоря, за чрезмерное пьянство. Наверное, принимая ее на работу, хозяин базы решил, что девушка подобной участи избежит...

Вообще-то Дмитрий вполне мог отправиться рыбачить один. Права на управление лодкой с мотором у него были, да и побросать спиннинг в одиночестве он любил. Но начальник базы Борис Николаевич сказал, что среди сотен протоков и тысячи островов даже местные рыбаки иногда плутают часами, а то и сутками. Поэтому одному, да к тому же еще и новичку – никак нельзя.

Дмитрий убедился в правоте тезки бывшего российского президента очень быстро. Ведомая Ольгой лодка петляла по протокам, ныряла в скрытые в высоком тростнике прогалины, проскакивала мимо похожих друг на друга островов. Как лодчица ориентировалась в этих раскатах, оставалось только гадать. Ладно бы росли на тех же островах приметные деревья, но если и попадались, то не очень высокие ивы, для ориентиров малоподходящие. Однако Ольга, казалось, могла проехать здесь с закрытыми глазами. Кстати, ресницы у нее были очень уж длинными – как у русалок в диснеевских мультках.

– Вот ведь какая педерсия! – продолжая злиться на браконьеров, выпалил Дмитрий. И тут же, спохватившись, что произнес при даме неприличное слово, пояснил:

– Я говорю, что народ, словно быдло, себя ведет. Можно подумать, голодный год на дворе! Если захотелось тебе рыбки – бери удочку или спиннинг и лови, сколько хочешь, получая при этом удовольствие...

– А вдруг у этого быдла денег на спиннинг нет... – как-то вяло, чуть ли не зевая, возразила Ольга.

– Да ладно! – отмахнулся Самохвалов. – Сейчас спиннингисту за сущие копейки упаковаться можно. Прикупить дешевое удилище, катушку, леску. Блесны самому изготовить можно. И рыба здесь непривередливая; зная места, даже без особо сильного умения можно за зорьку наловить щуки, окуня, того же судака или жереха килограммов десять. А то и больше! И никакие сети не понадобятся.

– А если твоему быдлу не дано спиннинг в руках держать?

– В таком случае – нечего о рыбе думать! Бери лопату и огород копай. Или в пастухи записывайся, чтобы с козами... – Самохвалов запнулся. Был бы сейчас вместо Ольги егерь-лодочник, он бы выдал ту еще тираду.

– Ты сам-то, чем в свободное от рыбалки время занимаешься? – все так же с ленцой поинтересовалась лодочница.

– Менеджер я, – буркнул Дмитрий. – По продаже рыболовных снастей, эхолотов, навигаторов, ну и так далее...

– Эхолоты продаешь? – усмехнулась Ольга. – Это такие приборы, которые помогают рыбу обнаружить?

– Обнаружить, но ведь не поймать! – Дмитрия явно задела ее интонация.

– Ну да, ну да... – казалось, Ольга едва сдержалась, чтобы издевательски не засмеяться.

Дмитрий почувствовал себя немного по-идиотски. Он абсолютно не за тем брал отпуск в конце любимого октября-месяца, чтобы припереться из Москвы под Астрахань на знаменитые прикаспийские раскаты, но вместо рыбалки препираться с какой-то лодочницей. К тому же еще и глядя на застрявшую в сетях, протухшую рыбу, от которой исходил соответствующий запах.

– Поплыли отсюда, – сказал он, – а то дышать невозможно.

– Угу, – согласно кивнула Ольга. Но вместо того, чтобы завести мотор, перегнулась через борт, ухватилась за сеть и потянула ее на себя.

– Ты чего? – Дмитрий поморщился от усилившейся вони. – Хочешь сеть протухшую снять?

– Не оставлять же ее здесь гнить, – невозмутимо сказала лодочница. – Достань-ка лучше из рундука мешок.

Спорить с девицей не хотелось. Дмитрий быстро нашел большой брезентовый мешок и брезгливо подставил ее под грязную, с ключьями налипших водорослей сеть. Испортившуюся рыбу Ольга тоже отправляла в мешок, и Дмитрий подумал, что теперь его придется выбросить. Впрочем, он успел заметить в рундуке еще с десяток таких же мешков. Он понимал, что они с

Ольгой делают благое дело, водоем захламлять нельзя, но за этим ли он приехал на рыбалку, черт побери?!

Остатки спутавшейся сети и последний протухший судак были брошены в мешок, Ольга крепко перехватила его веревкой и затолкала под сиденье. Затем сполоснула за бортом руки и, наконец, завела мотор. Дмитрий хмуро молчал, настроение было испорчено.

Лодка выскочила в широкую протоку с заметным течением. В конце протоки на воду попеременно пикировали пять или шесть чаек – верный признак охоты подводного хищника за мальком.

– Жерех жирует! – прошептал Самохвалов, хватая спиннинг и показывая Ольге, чтобы заглушила мотор.

Заменить вертушку на тяжелый кастмастер, в виде продолговатого металлического бруска со скошенными краями, оснащенный одним тройником, было делом нескольких секунд. Замах, и приманка полетела под дальнюю стену тростника, распугав чаек и приводнившись туда, где только что раздался сильный всплеск. И не успел Дмитрий начать крутить катушку, как в руку передался удар. Мгновенная подсечка, и на противоположном конце снасти забилась рыбина.

За что Дмитрий обожал ловить жереха, так это за его буйство во время вываживания и за практическое отсутствие сходов – крючок надежно засекался в мясистой пасти этого представителя карповых, и если снасть надежная, то успех был гарантирован. Вот и сейчас жерех, несмотря на отчаянные метания в глубине, в итоге оказался заведен в подсачек и вытасчен в лодку.

– Кила на три потянет! – сообщил лодочнице довольный спиннингист. – Давай тару, сейчас заготовка начнется.

Ольга молча достала из рундука чистый мешок и так же молча протянула его Дмитрию. Он снял рыбу с крючка, в нетерпении опустил на дно мешка и вновь забросил кастмастер.

Бросал он далеко и точно – специально тренировался. И не напрасно: жерехи на такой профессионализм отвечали «взаимностью», то есть приманку хватали без промедления, не срывались, леску не обрывали и были, что называется, мерные, по два с половиной – три килограмма. Поймав штук шесть, Дмитрий вошел в раж: подсекал, вываживал, хватался за подсачек, снимал рыбу с крючка и, почти не глядя, отправлял в подставляемый при-молкнувшей лодочницей мешок...

Течение приблизило лодку к продолжавшей истреблять малька жерешинной стае. Теперь тяжелый кастмастер был не обязателен, и Дмитрий взялся за второй спиннинг, к леске которого был привязан воблерок. На него тоже стало клевать, процесс «заброс – вынимание рыбы из воды» заметно ускорился и действительно стал похож на заготовку.

– Вы что с рыбой-то обычно делаете? – спросил Дмитрий, переводя дыхание и удовлетворенно глядя на наполнившийся мешок.

– Рыба твоя. Хочешь – соли, хочешь – копти, – равнодушно ответила Ольга.

– Да мне она без надобности. Разве что пару штук как балык домой увезти...

– Без надобности? – переспросила лодочница. – А зачем же тогда ловил?
– Как зачем?! – опешил Дмитрий. – Это же кайф! Адреналин! В Москве мужикам расскажу, что меньше чем за час мешок жереха наворочал – все от зависти слюной изойдут! Кстати, надо потом с рыбой сфотографироваться. Еще бы щук хороших половить и сомика. Где тут у вас сомовьи ямы имеются?

– Ты щуками и сомами тоже собираешься мешки набивать?

– Конечно! – Спиннингист не уловил изменения в интонации Ольги. – Я отпускать рыбу не люблю. Так что мой улов можешь себе забрать. Или для Бориса Николаевича. Он рыбку обязательно куда-нибудь пристроит.

– Он – пристроит, – сказала Ольга, заводя мотор.

* * *

Чего-чего, но такого Дмитрий никак не ожидал. Направляемая Ольгой лодка, миновала очередную протоку, выгнав волны на еще одно спокойное водное поле, и потревожив двух белых цапель. Издав скрипучее «грак», птицы взлетели с песчаного бережка, но после прогремевшего выстрела одна из них, накрытая зарядом дробы, рухнула в воду.

Инстинктивно пригнувшись и схватившись за оглушенное ухо, Дмитрий оглянулся и увидел, как Ольга переломила непонятно откуда появившуюся в руках одностволку, вытащила и бросила под ноги дымящуюся гильзу и так же быстро вставила в ствол новый патрон. Но и этих секунд хватило, чтобы вторая цапля скрылась за стеной тростника.

– Обалдела, что ли? – крикнул Дмитрий.

– Испугался, – усмехнулась лодочница.

– При чем здесь испугался! У меня в ухе звенит, словно по нему дубиной врезали!

– Бывает...

– Что – бывает! Ты зачем цаплю подстрелила?

– А тебе жалко?

– Да при чем здесь... Смысл-то какой? Ты же ее есть не собираешься?!

– Ты тоже свою рыбу есть не собираешься! – зло выкрикнула Ольга. – Однако вон сколько наворочал!

– Ты чего на меня орешь! – Дмитрий резко вскочил, отчего лодка закачалась. – Сначала чуть глухим не сделала, теперь голос на клиента повышаешь.

– Сиди, клиент, – Ольга недвусмысленного направила на рыболова ружье.

– Оборзела! – взорвался тот. – Думаешь, я про твои выходки не скажу Борису Николаевичу? А ну, дай сюда!

Дмитрий попытался вырвать ружье, но лодочница больно ударила его по руке и тут же, сделав выпад, ткнула концом ствола ему в грудь. Толчок оказался настолько сильным, что Дмитрий потерял равновесие, схватился за невысокий борт, но все равно кувыркнулся в воду. Когда вынырнул, лодка покачивалась от него в полтора метра.

– Стерва! – выплонул он попавшую в рот воду и быстро погреб к лодке.

Но в это время заработал мотор, и лодка отделилась еще метров на пять. – Ты меня не догонишь, – нагло сообщила сидящая на корме Ольга. – Назад плыви, к острову. А то утонешь.

Дмитрий оглянулся – до песчаного бережка было метров пятнадцать. До лодки ближе, но кто знает, что на уме у психованной лодочницы, вдруг она и дальше будет отплывать, не сокращая с ним дистанцию. А в намокшей одежде, да еще и в сапогах, он вряд ли долго продержится на воде.

И он поплыл назад, глубоко дыша и экономя силы, борясь с навалившейся тяжестью и как-то сразу оставив надежду на помощь лодочницы. Дмитрий понимал, что сбрасывать с себя одежду в данном случае бессмысленно – слишком много на это уйдет времени, да к тому же может и не получиться.

Сил почти не осталось, когда под ногами появилось спасительное дно. Он выполз на песок и перевернулся на спину, хватая ртом воздух. О том, что делать дальше, – не думал, мысли крутились лишь об одном – доплыл, спасся. Но когда слух уловил приближающийся шум мотора, заставил себя сесть. Ольга все так же сидела на корме, медленно направляя посудину вдоль берега.

– Этот остров совсем маленький, – громко сообщила она. – Таких здесь сотни – во все стороны. Так что переплывать от одного к другому бессмысленно, все равно заблудишься. Если останешься здесь, я найду тебя завтра утром, заберу и отвезу на базу. Но при одном условии...

Дмитрий слушал и не верил своим ушам. Эта психическая чуть-чуть его не утопила, а теперь собирается оставить ночевать на крошечном островке, да еще говорит о каких-то условиях!

– Я оставлю тебе ружье и два патрона, – меж тем продолжала Ольга. – Ты должен убить цаплю. Ту самую, что улетела. Если не убьешь – пеняй на себя. Я скажу Борису Николаевичу, что во время рыбалки ты вылакал пузырь водки, на скорости вывалился за борт и утонул. За соблюдение мер безопасности ты на базе расписался, так что с меня взятки гладки. Понял?

Дмитрий промолчал. Если лодочница и правда оставит ружье, значит, у него появится шанс ее подстрелить, пока не уехала...

– Молчание – знак согласия, – сделала вывод Ольга. – Цапля обязательно вернется ночью к трупу своей подруги. А я вернусь утром. Если ты не промахнешься, то должен будешь сделать так, чтобы я смогла издали увидеть два трупа. Для этого разберешь ружье, ствол воткнешь в песок на одной стороне острова, приклад – на другой и на них как-нибудь укрепишь дохлых тварей. Это чтобы не вздумал меня с заряженным ружьем подкарауливать.

Закончив абсолютно бредовую речь, Ольга направила лодку к левому от Дмитрия краю острова, что-то там бросила на песок, развернулась, проплыла мимо сидевшего рыбака и, на ходу швырнув на берег ружье, прибавила газу и устремилась в протоку.

Дмитрий не видел, как лодочница машет ему ручкой, не слышал ее издевательского смеха. Не чувствуя под собой ног, он бежал к оставленному этой дурой оружию. Но когда подбежал, схватил и переломил одностволку, чтобы выдуть песок, наверняка, забившийся в ствол, понял, что Ольга сов-

сем не дура. Патрон отсутствовал. Предусмотрительная стерва выбросила его на противоположном краю острова.

* * *

Самохвалову доводилось проваливаться в полыньи на зимней рыбалке. Удовольствие не из приятных. Но всякий раз после ледяной купели на помощь приходили друзья: помогали снять промокшую одежду, делились одеждой сухой, растирали, наливали водки... Рыбалка, правда, на том и заканчивалась, но зато ни разу после подобных приключений он даже насморка не подхватил.

Теперь все могло закончиться значительно хуже. Не зима, конечно, но конец октября, все же не конец мая. Прекрасно понимая, что, прежде всего, необходимо высушить одежду, Дмитрий наспех разделся донага, выжал, как получилось, трусы, носки и футболку, облачился в них и сапоги и принялся за штаны, жилетку и куртку. И только после того, как развесил их на гнущемся тростнике для лучшего обдувания ветром, дорвался до заветной фляжечки с коньяком – неизменной его спутницы на любой рыбалке и охоте.

Сделав сразу несколько глотков, и чтобы согреться не только изнутри, но и снаружи, принялся из конца в конец носиться по острову. Не очень сильно, но помогло. И только после этого Дмитрий стал думать, как быть дальше.

Помимо фляжки в карманах жилетки обнаружился перочинный швейцарский нож, деревянный стаканчик, пластмассовая расческа, две конфеты «Коровка», подмокшие документы и деньги. Все! Ни спичек, ни зажигалки некурящий Дмитрий не носил, хотя не раз говорил, что надо бы всегда иметь при себе и то, и другое, упакованное в водонепроницаемый пакет.

А развести костерок очень бы не помешало – и согреться, и, возможно, привлечь чье-то внимание. Привлекать внимание стрельбой было бесполезно – время от времени то тут, то там погромыхивало. В теории можно было, набрав сухого тростника, поджечь его выстрелом, но Дмитрий очень сомневался, что эксперимент удастся, и не собирался жертвовать даже одним из двух патронов.

Вот попал, так попал! За такие шуточки... Но в словах Ольги не было и тени шулки. И если предположить самое худшее, то она вообще может за ним не приехать. Рассказать начальнику базы свою версию исчезновения рыбака-пьяницы, и все дела. Тот, конечно, должен будет доложить в милицию, а те – отреагировать, возможно, даже отправят кого-нибудь на поиски «утопленника»... В то место, которое укажет Ольга!

– Помогите! – заорал Дмитрий в небо. – Люди! ПО-МО-ГИ-ТЕ!

Бесполезно. Кричать, конечно, время от времени стоит. Вдруг повезет, и какой-нибудь рыбак или охотник откликнется...

Ну, а если проклятая лодочница сдержит обещание и вернется за ним утром? В этом случае необходимо выполнить ее условие, то есть застрелить цаплю. И подвесить две дохлятины на...

Дмитрий отыскал взглядом убитую птицу и даже подпрыгнул на месте.

Упав в воду совсем рядом с берегом, теперь она отделилась метров на пять от него.

Скинув сапоги и носки, на бегу стащив футболку, он прыгнул в холодную воду и поплыл к продолжавшей удаляться от берега цапле. На какой-то миг ему показалось, что птицу не просто несет течением, а кто-то тащит, – слишком уж быстро она плыла. Дмитрий поднажал, схватил цаплю за ногу и с не меньшей скоростью поплыл берегу.

Труссы пришлось выжимать по-новому и еще – сделать парочку глотков коньяка, закусив «Коровкой», что собирался осуществить ближе к вечеру. Дмитрий по привычке оглянулся – куда бы бросить фантик от конфетки, и только сейчас посмотрел на лежавший рядом с ружьем «трофей». Цапля была не просто мертвой, у нее отсутствовала голова и часть шеи, а из оставшейся части на песок вытекла крохотная лужица крови.

Дмитрий застыл с открытым ртом. Он часто охотился и однажды умудрился с близкого расстояния отстрелить голову кряковому селезню. Но от Ольги до летящей птицы было метров двадцать пять. Разве что в патроне у нее вместо дробы была пуля. В таком случае, какая ж меткость нужна!

Он присел над птицей и, поискав, нашел несколько оставленных дробью ранок. Получалось, что кто-то отгрыз голову уже после того, как цапля была убита, пока он выжимался-грелся. Но кому понадобилась голова цапли?!

Дмитрий вскинул голову на послышавшийся неподалеку громкий всплеск и увидел расходящиеся по воде круги. Так могло плескаться только что-то очень крупное. Он инстинктивно потянулся к ружью, но вместо холодного ствола наткнулся на мокрое птичье тело и брезгливо отдернул руку. И тут же в голову пришла мысль, что если задержится на этом островке надолго, то с голодухи, возможно, придется сожрать и эту дохлятину. Быр-р-р...

Схватив одностволку, Дмитрий решил все-таки обследовать остров – мало ли, какая проходка обнаружится. Не обнаружилась. Со всех сторон почти у самого берега был заметный свал в глубину. И пусть даже там было всего по грудь, но и в летнюю жару Дмитрий не заставил бы себя путешествовать пешком по этим дебрям, а уж сейчас – тем более...

Несмотря на то, что он постоянно двигался, в одних трусах и футболке было прохладно, и Дмитрий напялил на себя остальную одежду, пусть она и оставалась влажной. От нечего делать решил нарезать тростника, да побольше, чтобы если уж придется ночевать на острове, то не на песке, а на подстилке.

Подстилка получилась довольно толстой и, когда начало смеркаться, притомившийся островитянин устроился на ней в полулежащем состоянии с ружьем в руках и запасным патроном в верхнем кармане жилетки. Допил коньяк, закусив конфетой. Последней из двух...

* * *

Самохвалов никогда не представлял себе, что русалка может состариться. Какую бы ни читал он книгу, снабженную иллюстрациями, какой бы фильм или рекламный ролик не смотрел, везде и всегда русалки выглядели соблаз-

нительными молодыми красавицами с утонченными чертами лица, длиннущими шелковистыми волосами...

У этой густые шелковистые волосы тоже доставали до пояса, но вот лицо было как у самой настоящей карги: сморщенный лоб, крючковатый нос, впалые щеки, тонкие губы, косматые брови, из-под которых на него глядели круглые, как у птицы, глаза. На взгляд этих глаз Дмитрий наткнулся, как только проснулся. А проснулся из-за того, что что-то щекотало его шею. Щекотала его травинка, которую сидящая напротив старуха держала дряблыми, какими-то покоцанными пальцами с кривыми когтями. И грудь у нее была дряблая, и живот – отвисший. А вот ног у этого кошмара не было, вместо них – свернутый кольцом, раздвоенный на конце хвост, с морщинистой кожей, отчетливо видной в свете полной серебряной луны.

Дмитрия передернуло, на что карга широко улыбнулась, показав два ровных ряда зубов. Почему-то именно эти белоснежные зубы убедили Дмитрия, что он действительно проснулся.

– Молодец внученька-то моя, – с распевом проговорила старуха. – Вон какого удальца-рыболова охмурила.

– Внученька? – тупо переспросил Дмитрий.

– Оленька. Кровинушка моя.

– Но, как вы здесь о... – Дмитрий уставился на русалочий хвост.

– Как и ты – приплыла. Не по небу же прилетела, – старуха отбросила травинку себе за спину и так и оставила руку с обращенным на луну локтем, словно раздумывая, почесать спину или не стоит.

– Приплыла, чтобы помочь тебе выполнить просьбу моей внученьки. Чтобы ты не спал, а сторожил злыдню-цаплю и подстрелил, когда она вернется горевать над своей убитой подругой...

– Просьбу?! – на Дмитрия вдруг пахнуло запахом гнилой тины, и он тут же вспомнил, что сжимает ружье. – Да твоя внученька...

– Знаю, все знаю. Не со зла она с тобой такую несурязицу сотворила. Нужда заставила.

– Какая, к черту, нужда!

– Тише... спугнешь злыдню. Ты стрелять-то хорошо умеешь?

Дмитрий зажмурился и затряс головой в надежде проснуться, но, вновь открыв глаза, увидел перед носом протягиваемый русалкой гребень с редкими, но длинными и тонкими полукруглыми зубьями, который она, скорее всего, вытащила из волос.

– Вот. Этим ты будешь расчесывать мои волосы и внимать моей песни, ни для кого больше не слышимой. Песня прекратится, когда прилетит цапля, и тогда ты оставишь гребень в моих волосах и подстрелишь злыдню. Если промахнешься, или только ранишь, не забудь про второй патрон. Если убьешь, а потом сделаешь все, как велела моя кровинушка, она свое обещание выполнит и заберет тебя отсюда.

– Да кому, то есть, зачем все это... – не закончив фразы, Дмитрий уставился на гребень, оказавшийся у него в руке, – хребет рыбины, с острыми белыми ребрами.

И тут же в голове у него возникли звуки. Мелодичные и убаюкивающие, они были похожи не на человеческие слова, а именно на набор звуков. Дмитрий подумал, что именно так и общаются под водой русалки. Он друг понял, что и сам плывет под водой, поднимается от дна к поверхности вместе с вихляющими цепочками пузырьков и снующими вокруг рыбешками. Поднимается, оставляя внизу длинные колышущиеся водоросли, которые только что расчесал гребнем из рыбьего хребта.

Неожиданно рыбешки суматошно метнулись в разные стороны, некоторые устремились к совсем близкой поверхности и даже на мгновение выскакивали из воды, но когда упали обратно, тут же были проглочены откуда ни возьмись появившимися крупными рыбинами. Сомнений не осталось – охотиться на малька вышла жерешинная стая.

Один жерех, прекратив стремительное движение, завис напротив лица Дмитрия. Из сомкнутого рта хищника торчал хвостик только что схваченной жертвы. Хорошо, что у него рот занят, подумал Дмитрий, а то впился бы сейчас в мой нос и откусил бы, чего доброго...

Русалочья песня продолжала звучать в голове, а гребень почему-то застрял в водорослях, из-за чего подъем к поверхности прекратился. Оставить его под водой, а значит, потерять Дмитрию не хотелось, но и вырвать из запутавшихся пуклей не хватало сил. И воздуха в легких тоже стало не хватать.

Равнодушно смотревшая на него рыбина, так же равнодушно начала разворачиваться, чтобы уплыть по своим делам. Но не тут-то было! Свободной рукой Дмитрий схватил ее за хвост. Жерех, мгновенно превратившийся из добытчика в добычу, рванул вверх. Сдвинувшись лишь чуть-чуть, гребень застрял окончательно, а дышать хотелось все сильнее. Наконец, Дмитрий отпустил его и второй рукой тоже ухватился за скользкий рыбий хвост и начал подниматься.

До поверхности оставалось совсем ничего, когда сверху в жереха что-то ударило, да так сильно, что самого Дмитрия будто пронзило током. Парализованная рыбина вмиг окуталась красноватым облачком. Дмитрий разжал пальцы и сделал отчаянный гребок, наконец, вырвавшись из воды. И тут же на кисти посыпались жесткие тычки, заставившие его закричать от боли. И очнуться.

Чтобы закричать теперь уже от испуга. Вместо старухи-русалки перед ним была цапля. Стояла, поджав одну ногу, примериваясь вновь ткнуть своим длинным клювом его в лицо, в глаз. Дмитрий вскинулся, постаравшись одновременно отмахнуться от птицы ружьем, но ноги затекли, и он всего лишь повалился на бок. Цапля, гракнув, взлетела и нависла над ним, махая крыльями, которыми, казалось, хочет надавать ему пощечин.

На спусковой крючок Дмитрий нажал случайно, когда ствол был направлен не на цаплю, а в песок, куда и ударил заряд дроби. Но грохнувший выстрел напугал злыдно, и она взмыла над человеком и стала подниматься выше и выше.

Дмитрий переломил ружье, и пахнувшая порохом гильза отлетела в сторону, а он уже достал из кармана второй патрон. Оставаясь лежать на спине, приложил приклад к плечу, прицелился в удалявшееся пятно.

...Однажды ему пришлось стрелять из похожего положения. Вместе с другом он коротал вечернюю зорьку на берегу заросшего прудика. В сгущающихся сумерках про охоту уже не думали. Небольшими дозами пили водку, закусывали и болтали за жизнь. Дмитрий как раз наполнил до краев стопку и спросил приятеля, а что, мол, если именно сейчас на них налетят утки, не пожалеет ли тот водки, чтобы схватить ружье и выстрелить. Окончание фразы ознаменовалось появлением в темно-синем небе стаи кряковых. Специально повторить такой трюк у Дмитрия, наверное, не получилось бы. Но тогда, продолжая держать стопку с водкой в левой руке, он схватил правой ружье, откинулся на спину и отдуллетил по стае. Приятель тоже сделал два выстрела, вот только водку, в отличие от Дмитрия, пролил. Самое невероятное было в том, что они умудрились подбить пару красавцев селезней и после продолжительных поисков в густой траве отыскать-таки свои трофеи...

Сейчас он держал ружье двумя руками. Вот только дичь поднялась слишком высоко. Но все-таки, понимая, что второго шанса цапля ему не даст, Самохвалов выстрелил, и, предвкушая смерть, тяжелый свинец вырвался из ствола, чтобы найти свою жертву. Слегка оглушенный Дмитрий оперся о ненужное больше ружье, начал подниматься на ноги, и в это время ему на голову обрушилось что-то тяжелое.

* * *

«Молодец... Молодец, рыбачок, отмстил за нас злыдням. Теперь можешь и домой вернуться. Внученька тебя заберет...»

Внученька?!

Встрепенувшись, Дмитрий оказался на коленях и сразу схватился за готовую расколотся голову. Минуту или две сидел, стараясь не шевелиться. Когда чуть отпустило, не без труда разлепил веки, осмотрелся. Пасмурное небо, стена серо-зеленого тростника, непонятного цвета вода, желтый песок и на нем тут и там валяются какие-то бело-красные клочки. Машинально протянулся к ружью и с удивлением обнаружил на кисти несколько кровоточащих ранок-язвочек. Посмотрел на левую кисть – та же педерсия.

А ведь на руках у лодочницы Ольги были очень похожие ранки. У внученьки-кровинушки, как назвала ее старая русалка. Полный бред!

На него вдруг волной накатил запах гнилья. Дмитрий поднялся и подошел к ближайшему бело-красному клочку, которым оказались выдранные с мясом перья. Кто-то в буквальном смысле разорвал тушки цапель на сотню ошметков и разбросал по всему острову. Дмитрия замутило, а когда он наткнулся на оторванную голову цапли, в хохолке которой застрял тот самый гребень, то есть рыбий хребет с ребрами, который вручила ему старуха-русалка, в глазах удальца-рыболова все поплыло, а к горлу подкатили рвотные спазмы...

Придя в себя, Самохвалов с удивлением обнаружил, что вместо ружья сжимает русалочий гребень. Не просто держит, а сжимает до боли в руке и при этом не в состоянии разжать пальцы. Он беспомощно огляделся, слов-

но на острове мог очутиться кто-то, способный оказать ему помощь. И увидел приткнувшуюся к берегу лодку.

Забыв про ружье, Дмитрий помчался к ней, перемахнул через борт, отбросил на корму гребень, схватился за весла и поплыл прочь от проклятого острова. Но не успел сделать с десяток гребков, как движение лодки начало замедляться. Ее явно что-то тормозило, возможно, намотавшиеся на винт опущенного в воду мотора водоросли. Нет, это были не водоросли.

В корму вдруг вцепилась чья-то мокрая рука. Вторая, такая же мокрая, нащупала и схватила русалочий гребень. Не раздумывая, Дмитрий вырвал из уключины весло и с размаху саданул ребром по руке-воровке. Если бы весло было дюралевым, рука, скорее всего, оказалась бы перерубленной. Но и деревянная лопасть сделала свое дело, расколов гребень на две части и, наверняка, переломав чьи-то пальцы.

Кому эти пальцы принадлежали, Дмитрий не узнал. Половинка гребня осталась в лодке, вторая сгнулась в воде вместе с тем или с той, кто ею завладел...

* * *

Мотор так и не завелся. Бензин в канистре имелся, но как ни старался Самохвалов, привести в действие этот не очень сложный механизм не получилось. Лодка была та самая, на которой он рыбачил с Ольгой. Даже мешок с тухлой и мешок с пойманной рыбой лежали под сиденьем. А вот рыболовных снастей не было. Ни спиннингов, ни подсачека, ни коробок с приманками. Хорошо хоть весла были. Если бы еще знать, в каком направлении грести...

Он проплавал весь день. Ему осточертели острова, протоки, плесы, тушиковые заводины... Единственное, что не позволяло впасть в панику, так это имевшееся кое-где небольшое течение, против которого он и старался грести, в надежде выйти в какую-нибудь широкую протоку и по ней подняться до нормального берега, до людей.

В некоторых местах вода была довольно чистой, и от жажды Дмитрий не страдал. Зато есть хотелось невыносимо. А еще он очень устал. Устал грести, и кричать, зовя на помощь, устал вновь и вновь прокручивать в голове все с ним случившееся. Поэтому наступившие сумерки встретил даже с облегчением – можно было со спокойной совестью прекратить бесполезные в темноте поиски и лечь спать.

Проснулся он от легкого стука в борт. В глаза светило высоко поднявшееся солнце. Дмитрий сел. И отупело уставился на разложенные в лодке рыбацкие снасти. Два оснащенных спиннинга лежат вдоль борта по левую руку, подсачек – по правую, коробочки с приманками, зевник, экстрактор – все, как он раскладывал перед позавчерашним выездом на рыбалку. Но не было под сиденьем мешков с рыбой, как не было на корме и половинки русалочьего гребня. Дмитрий огляделся. Аккуратные домики рыболовной базы – вон они, всего в каком-то километре. Протер глаза – нет, не сон. Мотор завелся с пол-оборота.

На пирсе Самохвалова встретил Борис Николаевич. Подал руку, помогая выбраться из лодки. Поинтересовался:

– Ну, как порыбачил?

– Отлично!

– А где ж трофеи?

– Да я по принципу «поймал – отпусти» спиннингую.

– Молодец, парень, – похвалил тезка первого российского президента. – Так и надо. И спасибо тебе, что Оленьку нашу эксплуатировать не стал. Куда ей лодкой управлять со своей рукой травмированной.

Дмитрий закашлялся. Да так, что пришлось согнуться в три погибели. А когда разогнулся, увидел рядом с Борисом Николаевичем свою лодочницу. Прижимая к груди перебинтованную руку, Ольга смотрела на удальца-рыболова и устало улыбалась.

МАЙК ГЕЛПРИН

КТО СПАСАЕТ – ДОХОДИТ

1. Ультиматум

Ультиматум Главного Штаба организации «Независимость» миру.

Напечатано на первых полосах всех газет и передано по центральным каналам телевидения и радиовещания всех стран.

Граждане мира! От лица прогрессивных сил человечества, порабождённых мировым империализмом, «Независимость», организация борцов за свободу и справедливость во всём мире, объявляет:

Ядерные заряды средней мощностью восемьдесят тысяч тонн в тротиловом эквиваленте заложены под сорока восемью городами шестнадцати стран.

Если требования настоящего ультиматума не будут выполнены, перестанут существовать по три крупных города в США, России, Германии, Франции, Великобритании, Канаде, Израиле, Японии, Австралии, Мексике, Испании, Италии, Швеции, Индии, Китае и Южной Корее.

Мы требуем полностью очистить от войск и наблюдателей ООН территории Кубы, Ливана, Ирака, Афганистана, Ирана, Саудовской Аравии, Йемена, Кувейта, Боливии и Северной Кореи.

Мы требуем освободить томящихся в тюрьмах всех стран борцов за свободу. Поимённый список прилагается.

Мы требуем полного снятия экономического эмбарго ООН со всех стран, на которые оно наложено.

Данный ультиматум имеет срок семь дней и вступает в силу немедленно.

Если по истечении указанного срока справедливые требования всех прогрессивных людей мира окажутся невыполненными, угрозы будут реализованы.

2. Франция, Париж. Штаб-квартира Союза Ветеранов

– Господа, – полковник Гренель встал и оглядел собравшихся. – У нас мало времени, практически его совсем нет. Буду краток. Мы все знаем, зачем собрались здесь. По данным аналитиков, вероятность, что «Независимость» блефует, меньше пятидесяти процентов. В связи с этим штаб и я лично считаем, что в сложившейся ситуации мы обязаны задействовать операцию по варианту тэта. Прошу высказываться. Полковник Окада, прошу.

– Понимают ли члены штаба, что, независимо от результата операции, Союз перестанет существовать? Отдаёт ли штаб себе отчёт в том, что для многих членов Союза, включая здесь собравшихся, операция закончится в лучшем случае тюремным сроком, а в худшем смертью?

– Штаб отдаёт себе в этом отчёт, полковник. Каперанг Денисов, слушаем вас.

– Будут ли рядовые члены Союза поставлены в известность о задачах, которые им предстоит выполнить?

– Только командиры полевых групп, каперанг. Итак, господа, на этом диске находятся материалы по двумстам четырнадцати потенциальным исполнителям и их семьям. Мы не знаем, сколько подрывников будет задействовано. Мы также не знаем, кто из них будет взрывать Лондон, а кто – Москву. Но это не имеет значения. С настоящей минуты прошу считать их всех фигурантами операции. Каждый фигурант закреплён за регионом, который представляет один из двенадцати здесь присутствующих. Детали варианта тэта каждому из вас известны. С этой минуты операция вступает в силу. Господа офицеры! Приказываю: приступить к реализации!

3. Россия, Москва

– Вот они, – Климаш с силой бросил на стол стопку фотографий так, что карточки разлетелись веером. – У вас два часа на то, чтобы запомнить эти рожи. Все, сколько их тут есть. Старых козлов, сопляков и потаскух. Вам понятно? Понятно, спрашиваю? Женьшень?!

– Понятно, чего непонятного, – коренастый крепыш Женька Шеин взял ближайшую к нему фотографию. На снимке был запечатлён седобородый старик в чалме на фоне окрашенного в белый цвет строения. – Обычный старый осёл, – сказал Женька, – и на хрена его запоминать, Клим?

– Ты запомнишь его как родную маму, понял? – Климаш внезапно оказался рядом с Женькой, и, ухватив его обеими руками за ворот, рванул на себя. – Понял, я спрашиваю?

– Да понял, понял, – Женьшень закусил губу. – Отпусти, чёрт, понял я всё.

Такого Клима последний раз он видел пять лет назад, в Йемене. Сейчас перед командой стоял не свой в доску парень, балагур, запевала и женский баловень Валерка Климаш. А тот сержант Климаш, который в одиночку остался прикрывать отход по пятам преследуемых сепаратистами остатков роты. Тот Климаш, что, стервенея от боли в простреленной руке, хрипя и задыхаясь, на себе выносил из-под обстрела раненого в живот Женьку.

Если Клим в таком состоянии, то с ним лучше не спорить – это члены команды знали прекрасно. И Женька смолчал. Он, хотя был простоват и обожа л задавать вопросы, Климашу был предан безоговорочно.

– Ладно, запомним, – сказал Ахмат Гафуров по прозвищу Бек. – Нет проблем. А делать с ними что будем?

Ладно скроенный, жилистый и резкий в движениях Ахмат в упор смотрел на Климаша чёрными с бесинкой узкими глазами на смуглом, кажущемся вечно небритым, острым лице.

– Что делать? – Климаш отпустил Женьку и повернулся к Беку. – Ничего не делать – их надо взять. Живыми, и так, чтобы ни одна гнида не ушла. Погрузить в катер и доставить, куда надо. Теперь так: я хочу, чтобы все уяс-

нили одну вещь. Когда будем брать, остальные сволочи, какие окажутся рядом, не имеют значения. Любого, кто окажет сопротивление, загасим на месте. Будь то столетняя шляха или трёхлетний ублюдок. Это всех касается – и особенно Снегирей. Обоих, как сильно впечатлительных. Снегири, вам понятно?

– Понятно, Климушка, – начала Милка Снегирёва и осеклась. – Виновата, товарищ сержант, мне всё понятно, – сказала она строго. – И брату тоже.

Серёга Снегирёв кивнул. Он был немногословен, сдержан и немного угрюм, в отличие от словоохотливой, открытой и задорной Милки. Однако, глядя на них, понять, что они брат и сестра, было несложно. Оба русые, сероглазые и скуластые, с одинаковой формой лиц и разрезом глаз.

С Валеркой Климашом Серёга дружил ещё со школы, вместе учились, вместе дрались, потом воевали. И за девчонками бегали вместе. Пока он с удивлением не обнаружил, что Клим засматривается не на грудастых студенток и продавщиц, а на Серёгину поджарую, с мальчишеской фигурой младшую сестрёнку. Ну, и она на него. Тут дело ясное: на Клима трудно не засмотреться, хоть в кино его снимай.

Правда, с этим как раз проблемы. Серёга вспомнил, как киношники приехали снимать хронику тогда, в Кувейте. Приехали наутро, после того, как сепаратисты ночью атаковали позиции интербатальона. Вырезали часовых, ворвались на территорию лагеря с трёх сторон, и началась бойня. От всей пятой роты уцелели тогда четверо. Те четверо, которые находились сейчас в этой комнате. Смешавшие наутро после атаки кровь и давшие друг другу клятву побратимов.

Киношники молча покрутились среди уцелевших в бою, пощёлкали камерой и убрались. А к полудню припёрся выраженный в новую, с иголки, хаки нахальный журналюга и принялся задавать вопросы. На угрюмые просьбы отстать он не реагировал, а потом подкатился с расспросами к Беку, потерявшему в ночном бою двух родных братьев. И тогда голый по пояс, расхристанный и жуткий в приступе бешенства Климаш рванул из-под ремня нож.

Серёга вздохнул. Милки тогда с ними не было, она служила в медицинском батальоне на севере. Откуда и демобилизовалась на следующий день после того, как узнала, что Климаша вместе с Серёгой и ещё двумя рядовыми попёрли из интербригады за своеволие и нарушение воинской дисциплины.

Предложение Милке Климаш сделал месяц назад.

«Вот и погуляли на свадьбе, – подумал Серёга. – Террористы, мать их етти, подлюги, сволочи. Грозятся взорвать города, а какие – неизвестно, хотя, чтобы паника всех охватила. Ладно, хорошо хоть он без дела не сидит, что в руках оружие, что может хоть что-то сделать».

– Так, ребята, – немного потеплел Климаш, – оружия берём под завязку: чёрт знает, с чем при захвате столкнуться придётся. И аппаратуру. Милка, это на тебе. Остальное как всегда. Всё, готовимся, через два с половиной часа выходим.

4. Россия, Санкт-Петербург

Юсеф выключил телевизор, встал и подошёл к окну. Стемнело, шёл дождь, на улицах было пустынно. Правда, улицы опустели ещё и потому, что, начиная со вчерашнего дня, жители начали покидать город. И такое происходит во всех мегаполисах шестнадцати стран. Напрасно – карающая десница Аллаха достанет тех, кто по неразумию думает, что спасётся. После ядерных взрывов ещё многие и многие погибнут от радиации и связанных с ней болезней. Погибнет и сам Юсеф, но он, в отличие от будущих жертв, на это согласен и готовился к героической смерти издавна. Аллаху угодно, что именно он, Юсеф Эль-Джаббар, выполнит карающую миссию, и это прекрасно. Дети Юсефа будут гордиться своим отцом, а родители – сыном.

Хотя Юсеф находился в квартире один, он почтительно склонил голову, подумав о давших ему жизнь людях. За жену он тоже не беспокоился: младший брат Мансур возьмёт её за себя через положенное время после того, как Юсеф отправится в райские сады Аллаха.

Осталось пять дней срока. В то, что мир пойдёт на уступки, Юсеф не верил, добровольно эти зажавшиеся кровососы никогда ничего не отдавали. Поэтому Юсеф и несколько десятков бойцов, таких, как он, преданных делу беззаветно, поставят точку. Правда, немусульманским соратникам Юсеф не доверял, ну, какой боец может получиться из кубинца или, совсем смешно, корейца. Однако в сложившейся ситуации приходится иметь дело и с ними.

Когда настало положенное время, Юсеф спороvistо разложил молитвенный коврик и совершил намаз. Поднявшись, он открыл миниатюрный кейс, осмотрел взрыватель. Устройство было в полном порядке, зелёная лампочка на табло исправно горела.

Юсеф захлопнул кейс, открыл холодильник и на скорую руку перекусил. Квартира, в которой он безвылазно жил, принадлежала организации и была куплена через подставных лиц. Наружу выходить строго запрещалось, так что приходилось экономить и довольствоваться теми запасами, что были для него заготовлены.

Закончив трапезу, Юсеф снова включил телевизор. По всем каналам говорили только об ультиматуме и его возможных последствиях. Чванливые луны всех рангов уверяли, что ситуация под контролем. Юсеф усмехнулся – под контролем, видите ли. Таких, как Юсеф Эль-Джаббар, контролировать невозможно, его ничто не остановит, и выполнит свой долг он во что бы то ни стало.

5. Саудовская Аравия.

Сорок километров к северу от города Эш-Шарма

В приборы ночного видения деревня смотрелась слепленным из пластика макетом. Ни звука не прерывало вязкую ватную тишину тропической ночи. В последние минуты перед атакой казалось, что мир ошетинился, напрягся и замер, готовый взорваться в контрударе.

– Готовность пять минут, – прошептал Климаш и сверился со схемой. – Нам нужен второй дом слева от мечети и все, кто в нём. Их берём только

живыми, остальных при попытке сопротивления уничтожаем. По завершении операции уходим на север, к иорданской границе.

– И далеко переть? – спросил Женька. – С таким стадом долго мы не пройдем, Клим.

– Сколько надо, столько и пройдем, – отрезал Климаш. – Этих перед собой погоним, ничего, под стволами они быстро забегают.

– Забегают, как же, – сказал Серёга Снегирь. – Не понимаю, почему надо идти на север. Красное море в двух шагах, что нас, не могли подобрать с берега, что ли? Обязательно в пустыню переть?

– Ты много чего не понимаешь, – процедил Климаш. – И я тоже. Есть приказ Денисова, его надо выполнять. Всё. Таких групп, как наша, по всему миру сейчас знаешь сколько? И все чего-то не понимают.

– Подожди, командир, – встрял Бек, – я, слушаю, тоже не понимаю. Зачем надо на север? Почему на север? Мы должны их доставить на катер, так? Ты сказал – катер будет ждать. На севере катера не будет, почему тогда север?

– Твою мать, а другое время вопросы задавать вы, умники, не нашли? – Климаш подался вперед и, схватив Ахмата за плечо, повернул к себе. Валерка снова входил в то состояние, которое сам определял, как амок. То, которое было способно заставить его броситься одному против пятерых врукопашную, не заботясь о последствиях. – Я вам позадаю вопросы, вояки хреновы, мать вашу в креста и в бога! Минутная готовность и ша, я сказал!

Мансур Эль-Джаббар проснулся внезапно: ему показалась, что скрипнула входная дверь. Мансур спал в маленькой комнате-временке неподалёку от входа. В свои шестнадцать он привык к опасности, как и все его сверстники, которых Аллах подверг испытанию жить в это время и на этой земле.

Стрелять и ходить Мансур учился одновременно и никогда не расставался с шестнадцатизарядным Glockом. Проснувшись, он автоматически сунул руку под циновку, пальцы привычно обхватили рукоятку, а указательный лёг на спусковой крючок. В следующий момент Мансур увидел появившуюся в дверях приземистую фигуру с автоматом в руках. Мансур сбросил предохранитель и рванул крючок.

Пуля девятого калибра угодила Женьшню в грудь. Выпущенная с расстояния пяти метров, она пробила кевлар бронезиления и вошла в тело чуть выше правого соска. Женьку бросило назад, впечатало в дверной косяк. Он заорал от боли, и, сползая по косяку вниз, уже не соображая, что делает, дал от живота очередь.

Мансура эта очередь развалила пополам, он умер прежде, чем успел выстрелить вторично. А в следующий момент в дом ворвались вооружённые люди, и началось светопредставление.

6. Санкт-Петербург

Юсеф проснулся и осознал, что его мучает дурное предчувствие. Он поднялся, прошёл на кухню, напился воды из-под крана и попытался успокоиться. Воин Аллаха должен быть терпелив, хладнокровен и не позволять эмоциям одерживать верх над разумом.

Юсеф совершил утренний намаз, постоянно ловя себя на том, что читает положенные молитвы механически. Внезапно пришла мысль, не боится ли он. Переместившись с коврика на диван, Юсеф принялся анализировать. Руки не дрожали, мысли оставались спокойны, страха не было, однако предчувствие не отпускало.

Юсеф включил телевизор. То, что он увидел, сначала безмерно удивило его. По всем каналам, где раньше шли исключительно новости, теперь передавали нечто на удивление странное. Показывали группы вооружённых людей, совершающих непонятные, хаотические действия. Изображение фокусировалось плохо, картинка постоянно смещалась, прыгала, словно снимал неумелый оператор.

Люди метались, орали, жестикулировали, и явно не принадлежали к единой армии – одни были в камуфляже, другие в армейской форме, а некоторые и вовсе в гражданском. Силясь понять, что происходит, Юсеф лихорадочно переключал каналы, но везде видел один и тот же антураж.

Решив, что фантазмагории ему попросту снятся, Юсеф зажмурился. Затряс головой, отгоняя морок. Затем, открыв глаза, рассеянно посмотрел на экран и едва не подскочил на месте.

Рядом со здоровенным верзилкой в камуфляжке и чёрном берете он увидел своего отца.

7. Саудовская Аравия,

Шестьдесят километров к северу от города Эш-Шарма

– Всё, пришли. – Климаш рухнул на колени и опустил Женшенья на землю. Он тащил его на руках все эти двадцать километров, навьюченный оружием и боеприпасами наравне с остальными. Жизнь уходила из Женьки, наскоро перевязанного, хрипящего, и то и дело теряющего сознание от боли. Руки у Климаша ходили ходуном, ноги заплетались, но он упрямо пёр и пёр вперёд, не давая роздыха ни себе, ни команде. И, наконец, припёр. Припёр на вершину этого невысокого холма, первого из начинающейся отсюда гряды. Холм походил на усечённый конус с плоской, будто ножом срезанной верхней гранью. А по центру верхушки оказалась небольшая котловина, которая и вместила в себя тринадцать человек, включая восьмерых пленных.

– Пять минут – перекур, – прохрипел Климаш и повалился на спину рядом с Женькой. – Пять минут, не больше, поняли?

Валерка всегда спешил и ненавидел опаздывать. Отчаянная, почти бесшабашная удаля и вспыльчивый взрывной характер странным образом сочетались в нём со скрупулёзностью и дисциплиной во всём, что касалось времени. Он всегда спешил. Попросту спешил жить, и жил стремительно, размашисто и неистово. Каперанг Денисов, привлёкший Климаша в Союз Ветеранов, очень ценил его, и со всеми основаниями считал надёжной, мощной боевой машиной, способной выполнить любые поставленные задачи, вплоть до почти невыполнимых.

Пленные сбились в стайку на дальнем конце котловины, им тоже тяжело дался переход. Особенно старику в чалме и старухе, которую три молодые

девки последние километры уже по очереди тащили. Ребяшня – двое мальчишек и девочка, мал мала меньше, – шли сами.

Снегири опустились на землю там, где их застал приказ. Сил не было. Всё тело у Серёги ломило, голова кружилась, перед глазами расплывались радужные круги.

В паре Снегирёв-Климаш последний всегда верховодил. Серёга подчинялся, молчаливо признавая друга лидером. И в армию-то Снегирь завербовался потому, что так за него решил Валерка. Из Серёги получился хороший солдат: аккуратный, исполнительный и надёжный профессионал. Ему, правда, не хватало веры в справедливость того, что он делает, той веры, что у Климаша было в избытке. Но недостаток энтузиазма компенсировался рассудительностью и способностью к анализу, в том числе и к самоанализу. «Славный парень» – так говорили о Серёге практически все, кто его знал, отдавая должное его надёжному, дружелюбному и выдержанному характеру.

Милке было не лучше, чем брату, хотя груза она тащила на себе меньше, чем остальные. Она была младше Серёги на пять лет, родителей они потеряли рано, и с пятнадцатилетнего возраста Серёга фактически заменил сестре отца. Уйдя в армию, он не забывал отчислять половину аттестата на её образование. И Милка, закончив медицинский, сразу подписала контракт, чтобы быть поближе к брату. Потом были Йемен, Кувейт, Ливан... А потом в её жизнь ворвался Валера Климаш, ворвался стремительно и неистово, так, как делал и всё остальное. Милка, у которой до сих пор с мальчишками дальше невинных поцелуев не доходило, на сей раз влюбилась отчаянно, по уши, и предложение, сделанное Климашом после неполного года, что они встречались, приняла без раздумий.

Не устал, казалось, один Ахмат. Освободившись от громоздкого рюкзака, он даже не стал отдыхать, а сразу двинулся к пленным. Об Ахмате часто говорили, что он – отвязанный. Что это такое, никто толком не знал, но к Ахмату словцо подходило донельзя. Даже Климаш, неохотно признававший чьё-либо превосходство над собой, говорил, что храбрее и отчаянней Ахмата не знает никого. В Беке не было страха, не было совсем, зато максимализма было хоть отбавляй. Всё, что делал Ахмат, он делал, выкладываясь полностью, отдавая всё, что у него есть, до последней рубахи и последней капли.

Прошло ровно пять минут с того момента, как объявили отдых, и Климаш поднялся. Казалось, он напился от земли силой, как древний Антей. Теперь это снова был боевой автомат, взведённый и готовый к действию.

– Так, – заорал он, – подъём, времени нет, и не будет! Милка, занимаешься раненым. Снегирь, разворачивай аппаратуру, шевелитесь, мать вашу. Бек, а ну завязал болтать, распаковывай пулемёты. Будем устанавливать, нам здесь наверняка оборону держать придётся.

– Как оборону, Клим? – удивлённо спросил подбежавший Ахмат, – почему оборону? Нас же забрать должны. Ты говорил.

– Некому нас забирать, – сказал Климаш, – Всё, разговоры отставить. Делать, что я говорю, и быстро, мать вашу.

Через полчаса вершина холма щерилась тремя врытыми по кругу пулемётами, оттащенный в тень напоенный Женьшень забылся тяжёлым

сном, а мобильный компьютерный центр был развёрнут и готов к работе. Центр представлял собой сложнейший комплекс, он совмещал функции компьютера, телевизора, кинокамеры и передатчика, напрямую связанно со спутником.

– Так, – Климаш бросил взгляд на часы, – начали. Снегирь, контролируешь пленных. Милка, снимаешь меня на камеру. Бек, тащи сюда... – Климаш на секунду задумался, – старика тащи, я с ним говорить буду, а ты переведешь. Всё поняли? Выполняйте!

– Его зовут Селим, брат, – сказал Бек, подведя к Климашу высокого седебородого старика в чалме. – Селим Эль-Джаббар. Ты выкажи ему уважение, брат, он старый человек и потерял сегодня сына. Он ни в чём не виноват, Клим.

– Будет ему уважение, – сказал Климаш. – Милка, подойди ближе, быстро, будешь снимать, так, хорошо.

Климаш несколько раз глубоко вздохнул, подготавливая, накручивая и распаяя себя, и вдруг закричал так, что Милка отшатнулась.

– Сучий выкормыш Юсеф Эль-Джаббар, – надрываясь, орал в камеру Климаш. – Ты видишь меня? Ты, подонок, хочешь сейчас убить мою мать, и моего отца, и моих друзей. Ты думаешь, что уйдёшь к аллашке и заберёшь с собой миллионы людей. Не грязных свиней, как ты, а людей, гадина! Хрен тебе, понял?! Я приказываю тебе сдаться. Сдаться прямо сейчас, скотина, пока у тебя ещё есть дети, жена, сёстры и мать. Потому что брата у тебя уже нет, я вырвал ему сердце. А сейчас у тебя не будет отца.

Никто так и не успел понять, что произошло. Хакнув, Климаш левой рукой схватил старика за бороду и вздёнул ему голову вверх, а правой наотмашь полоснул ножом по горлу.

8. Санкт-Петербург

Юсеф сполз с дивана на пол, его вырвало. Корчась и задыхаясь от спазмов, он продолжал смотреть в проклятый экран. Он видел одетых в хаки низкорослых мексиканских солдат в джунглях, расстреливающих кричащую и привязанную к стволу смуглую девушку. Мексиканцы сменились наголо бритым японцем, снёшим голову стоящему на коленях юноше страшным ударом меча-катаны. Потом появились итальянские карабинеры, американские командос, немецкие егеря... Кадры мелькали, звуки выстрелов и вопли смешивались, производя жуткую какофонию, у Юсефа на глазах один за другим погибали старики, женщины, дети.

Недужинным усилием воли ему удалось взять себя в руки. Стоя на коленях, залитый слезами и рвотой, Юсеф мучительно пытался сообразить, что ему теперь делать.

9. Саудовская Аравия

– Ты что наделал, шакал, ты что натворил, – надрывался в крике Ахмат. – Ты мне больше не брат, ты, сын грязной свиньи, подонок! Я тебя сейчас резать буду, убивать буду, сволочь!

Бек выдернул из-за пояса узбекский нож-пичак.

Пронзительно и страшно завизжали пленные женщины.

Оглушённая происходящим, Милка бессильно опустилась на землю, камера выпала из рук.

Серёга вскочил, бросился вперёд и встал рядом с Ахматом. Всё Серёгино существо противилось тому, что произошло, ему казалось, что его только что предали. Заложили и подставили самые дорогие и близкие люди.

Климаш страшно оскалился и отпрыгнул назад. Труп старого Селима оказался между ним и побратимами.

– Ну, подходите, гады, – пригнувшись и выставив нож перед собой, сказал Климаш, – давайте, зарежьте своего брата, подлюки, мать вашу.

В этот момент над головами прошла очередь. Волоча за собой автомат, стиснув зубы и оставляя кровавый след, Женька полз к Климашу.

– Вы что же творите, парни, – выдал он из себя, со стоном встал на колени и взял оружие наизготовку. – Вы на кого руку подняли, а? На Клина?! Так он один нас всех стоит. Что, крови испугались, запачкаться боитесь? Так дайте мне, я один этих гнид постреляю, всех до единого. Та мразь, что одной с ними крови, хочет уничтожить мою страну. Родину уничтожить хочет, поняли, вы, слонтяи? И я этого не допущу. Сдохну. Я уже сдох, не жилец я, оттанцевался, но из этих гадов кишки лично выпущу, каждого завалю, сам, собственноручно каждого, честью клянусь.

– Женечка, подожди, что же ты, – Милка метнулась к Женьшню и обхватила его за плечи. – Господи, да сделайте же что-нибудь, – закричала она. – Валера, прошу тебя, ну!

– Что ж теперь, а? – Ахмат опустил руку с ножом. Пот заливал ему лицо. – Я ухожу, – сказал он хрипло. – Вы – как хотите. А я – ухожу.

– И я ухожу. – Серёга рванул душивший его ворот камуфляжки. – Я солдат, а не убийца. Мы все уходим. Мила, собирайся.

– Никуда я не пойду. – Милка пристроила голову вновь потерявшего сознание Женьшню у себя на коленях.

– И вы не пойдёте, – Климаш с силой заткнул нож в чехол. – Следующий сеанс через два часа. Мы все остаёмся здесь, пока не услышим, что долбаный Эль-Джаббар сдался. А если не сдастся, то мы остаёмся здесь навсегда. Но клянусь: ни одна курва, ни один гадёныш не уйдёт – все здесь полягут. Вместе с нами. Поняли, братики, все!

– БТРы! – закричал внезапно Серёга. – БТРы, мля, вот они! Хана нам, ребята!

– К пулемётам! – рявкнул Климаш, – занимай оборону. – Он прыгнул к Милке, прижал к себе и быстро поцеловал в губы. – Спасибо, – выдохнул он. – И прошу тебя, спокойно. Смотри за Женькой, и за пленными тоже приглядывай.

Атака была страшной. Четыре БТРа с укрывающейся за ними пехотой сходу поперли вверх по склону холма. Поливая склон из левофлангового пулемёта, Серёга ни о чём уже не думал. Привычным к звукам боя ухом он слышал, что с правого фланга бьёт пулемёт Бека. А центральный, за кото-

рым лежал Климаш, вдруг затих. И когда головной транспортёр оказался так близко, что можно было разглядеть серийный номер на броне, вымахнул из наскоро отрытого окопчика Климаш, и, уже простреленный несколькими очередями, падая головой вперёд, метнул связку гранат. В следующий момент пуля ударила Серёгу в бедро, вторая вошла в предплечье, он задохнулся болью и потерял сознание.

10. Санкт-Петербург

Юсеф метался по квартире, натываясь на мебель, на стены, и не ощущая боли. Он потерял самоконтроль и не знал, что делать. Юсеф чувствовал, что терять адекватность, сходит с ума. Телевизор продолжал показывать убийство за убийством. На глазах Юсефа застрелили двух дочерей Али Эль-Гаруна, которого он почитал, как своего друга и учителя. Юсефа разрывала неизвестность, он не знал, что происходит с его семьёй и страшился узнать. Он не находил себе места от отчаяния.

Наконец, Юсеф опустился на колени и вознёс молитву, прося всевышнего вразумить его и направить. Но всемогущий Аллах не внял молитве, и Юсеф всё ещё ни на что не решился, когда увидел на экране тот же проклятый арабийский пейзаж, и свою мать, и сестёр с сорванными паранджами, стоящих на коленях и смотрящих, казалось, прямо на него полными ужаса глазами.

11. Саудовская Аравия

Серёга Снегирёв очнулся от боли в раненом бедре. Милка стояла рядом с ним на коленях и пыталась просунуть горлышко фляжки сквозь стиснутые зубы.

– Где мы? – прохрипел Серёга и, преодолевая боль, попытался сесть.

– Нам конец, Серёженька, – Милка давилась слезами. – Атаковать днём они наверняка больше не будут, а вечером просто поднимутся сюда и вырежут нас.

– Что ребята? – Серёга с трудом выдавливал из себя слова.

– Нет больше ребят. Валера убит, и Женя – он тоже умер, угас во время атаки.

– А Ахмат?

– Ахмат живой, но тоже ранен. В ногу, легко.

– А пленные? Сколько времени?

– А, чёрт! – Милка устала на часы. – Пленные живы. Серёжа, милый, через пять минут будет два часа, как – помнишь... Валера говорил, наш сеанс через два часа.

– Ахмат! – Серёга мучительно повернулся и со стоном сел. – Мы должны закончить это дело, Ахмат.

– Да, брат, – Ахмат с трудом поднялся и вынул из кармана пистолет-автомат. – Мы закончим.

– Бери камеру. – Серёга повернулся к сестре и, увидев отвращение и ужас в её глазах, с силой залепил ей пощёчину. – Камеру бери, я сказал! Ахмат, выводите их. Вот этих троих.

12. Санкт-Петербург

– Сын шакала Юсеф Эль-Джаббар, – с экрана, надрываясь, кричал на фарси смуглый, узкоглазый, измазанный в крови парень. – У тебя больше нет отца, Эль-Джаббар. У тебя нет больше брата. Сейчас у тебя не станет матери и сестёр. Твоя жена ещё жива, слышишь меня, ты, свинья, и твои дети живы. Через час, если не сдашься, у тебя не останется никого.

Юсеф повалился ничком и завыл. Он не видел, как умерли его мать и сёстры. Когда он пришёл в себя, картины зверств в телевизоре сменились, появилась заставка. На её фоне вещал голос невидимого диктора, слова которого синхронно переводились на три языка.

– В Вашингтоне сдался властям подрывник Карлос Эрреро. В Лондоне сдался властям Рашид Садуни. В Токио...

Юсеф не дослушал. Он вскочил и в чём был бросился вон из квартиры.

13. Саудовская Аравия

– В Токио сдался властям подрывник Ли Бо Хуа, – сквозь туманящую сознание боль, услышал Серёга. – В Санкт-Петербурге только что сдался властям Юсеф Эль-Джаббар.

– Уходите, – Серёга повернулся к Миле и Ахмату. – Уходите прямо сейчас. Я вас прикрою. Отпустите живых и уходите.

– Мы останемся с тобой, брат, – сказал Ахмат.

– Вы уйдёте, – Серёга посмотрел побратиму в глаза. – Только что Юсеф спас свою жену и детей. Ты спасёшь нашу сестру.

– Серёженька, мы не пойдём. – Милка упала перед братом на колени. – Я не пойду, а Ахмат... Ты же видишь, Ахмат всё равно не дойдёт.

– Дойдёт, – сказал Серёга Снегирёв. – Вы оба дойдёте. Тот, кто спасает – доходит.

14. Из газетных сообщений

Вчера вечером в Париже у себя в кабинете застрелился герой войн в Йемене и Иране полковник в отставке Жан-Поль Гренель.

В Осаке совершил сеппуку кавалер восьми высших орденов ООН, полковник в отставке Йоширо Окада.

В Москве покончил с собой депутат Думы и личный друг президента капитан первого ранга Андрей Денисов.

15. Эпилог. Ташкент

Хорошо цветут яблони в саду, что вокруг дома одноногого Ахмата Гафурова, красиво цветут.

Сегодня собирается вся семья старого Ахмата-ака, шесть его детей и три десятка внуков и правнуков. Аллах милостив к Ахмату, потерявшему в юности всех братьев. За праведную жизнь Аллах наградил его хорошим домом, любящими детьми и обильным дастарханом.

Говорят, старый Гафуров в молодости даже повоевал. Подробности,

впрочем, неизвестны, да и сам он помнит их разве, после того, как сорок лет Земля не знает никаких войн.

Сегодня Ахмату исполняется семьдесят лет. Семья и соседи пришли поздравить его. Пришли разделить с ним праздничный плов и выказать уважение человеку, известному по всей округе справедливостью, праведностью и добрыми делами.

Всех братьев потерял Ахмат-ака, но сейчас рядом сидит его единственная сестра, каждый год прилетающая к нему из самой Москвы. Это ещё вполне крепкая пожилая женщина, хотя и опирается при ходьбе на руку прилетевшего с ней внука.

И когда все гости рассаживаются, и молодой почтительно затихает, готовясь слушать старших, эта женщина первой встаёт и произносит тост, понятный только старому Ахмату и ей.

– Кто спасает – доходит.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

УГОВОР С УПОКОЙНИКОМ

ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, ЧТО ГЛАЗА ВЫДАЮТ ЧЕЛОВЕКА. Это не всегда правда. Однако путника, который уверенно, не обращая внимания на разрытый погост и обугленные остовы домов на окраине, шел сквозь Грошёвый квартал, они выдали сразу же.

– Упокойник, упокойник идёт, – загалдели ребятишки, тыча в незнакомца пальцами.

Не прошло и минуты, как целая стайка детей, меся босыми ногами грязь и сверкая голыми коленками, бежала вслед за пришельцем, млея от собственной храбрости. Однако держались они на почтительном расстоянии, ведь рассказы об упокойниках были слишком хорошо известны. Никто наверняка не знал, сколько в них вымысла, а сколько правды, но предполагали худшее.

Незнакомец был безоружен и неприметен, одет просто и неброско, с выгоревшими до соломенного цвета волосами, падающими на загорелый лоб, и холщовой котомкой через плечо, пусто шлепающей на ветру. Непроницательному наблюдателю он мог бы показаться обычным бездельником-бродягой, перекати-поле; внимательный непременно отметил бы походку и повадки, выдающие человека, привыкшего к опасностям. Но, разумеется, никто не смотрел ни на походку, ни на одежду. Смотрели на глаза – почти бесцветные, с белёсыми зрачками глаза упокойника. Смотрели с затаенным любопытством и опаской – и тут же отводили взгляды.

Может, пришелец и не пошёл бы сразу в крепость. Может, остановился бы на каком постоялом дворе или в трактире, может, промочил бы горло, а то и перекусил. Но выбора ему не оставили – будто по волшебству, тяжелые оконные ставни и двери таверн, крепкие ворота постоялых дворов захлопывались при приближении незнакомца.

Упокойников в народе боялись едва ли меньше, чем навьев и умрунов, которых те изводили.

* * *

– Ты, мил челове... кхе-кхе... Словом, что-то веры в тебя у меня нету, – покачал головой воевода Иларий.

Дородный, но крепкий, со смоляной бородой лопатой, с тяжёлым, побывавшем не в одной битве мечом на поясе, он принимал незнакомца прямо в воротах крепости. И оказался одним из немногих людей, способных впрямую выдержать неприятный взгляд белёсых глаз упокойника.

– По моим предшественникам судишь? – прищурился пришелец. На его загорелом лице белёсые глаза смотрелись особенно неживыми.

– По ним, – согласился воевода. – С прошлых задушниц, как я грамоты разослал, народу тут перебивало немало. И какого! Наёмники с дружинниками, ведуны с колдунами, шептуны с ворожеями, и даже иноземные жрецы и друиды. И всякая прочая шушера, самозванцы и лихачи. Каждый заверял, что вот он-то точно справится с напастью. И ни один не справился.

Упокойник молчал; и даже неясно было, слушал ли он воеводу – белёсые глаза, обязательный атрибут профессии, казались пустыми. Одни говорили, что глаза у упокойников – как у слепцов. Другие, менее деликатные, сравнивали их с глазами мертвецов. И прибавляли – только такие, мёртвые глаза позволяют упокойникам видеть загробный мир... Как именно добивались подобного результата у мальчишек, приходивших в ученики к упокойникам, думать никому не хотелось.

Иларий тяжело переступил с ноги на ногу и подозрительно осведомился:

– Тоже скажешь, что знаешь, как нам помочь?

– Не скажу, – качнул головой упокойник, и выгоревшие соломенные волосы разворошенным снопом упали на лоб.

– Вот, значит, как, – криво хмыкнул воевода. – Тогда чего пришел? Уж не в дружину ли ко мне наниматься?

– Не скажу, пока не узнаю, что у вас за напасть, – закончил упокойник. – В грамоте твоей, воевода, много слов, но только все они – вокруг да около.

– Как это – вокруг да около! – возмутился Иларий. – Ясно же сказано – навьи замучили.

– Навьи навьям рознь, – спокойно возразил упокойник и удобно облокотился плечом о брёвна крепостной стены. – Упыри? Умуруны? Или, может, вообще и не навьи вовсе, а нечисть?

– Да кто их разберет, – махнул рукой воевода. Окинул взглядом пришельца, остановился на белёсых глазах, поколебался немного, а потом, будто решившись на что-то, предложил: – Проходи уж, чего на пороге стоять... Тебя как звать-то?

– Аскольд.

– Ишь ты, – отчего-то усмехнулся воевода. Впрочем, смешок замер на его губах от пустого взгляда упокойника, направленного на него. – Ну, пошли, – вздохнул он. – Расскажу, что у нас за беды, а потом послушаю, что ты мне на это скажешь.

«И от души надеюсь, что это будет что-нибудь путное», – добавил он про себя. Упокойники к ним прежде не заходили, но если в слухах о них есть хоть половина правды, это давало надежду, что, может, у Аскольда что и получится.

* * *

– Такие вот дела, – завершил свою речь Иларий, положив ладони на скоблённые доски стола. – Ну как, возьмешься?

– А что именно ты от меня хочешь? – невнятно осведомился его собеседник, аккуратно подбирая кусочком хлеба остатки рассыпчатой каши на дне глиняной миски.

– Что именно я от него хочу, – повторил воевода и неодобрительно покачал головой. – А ты как думаешь? Хлев вычистить? Коней подковать? Ты, Аскольд, кто? Гуслияр-песенник? Нет, ты упокойник. Вот и хочу, чтобы ты их... упокоил. Навьев этих, упырей, умрунов, или как их там.

– Скажи, воевода, – медленно, будто тщательно подбирая каждое слово, спросил Аскольд, – чего они вам плохого сделали? Я вот тебя слушал-слушал, и что-то не припомню, чтобы ты мне говорил, будто они людей убивают.

– Да они ж мертвецы! А мертвецы должны быть мёртвыми. Разве это дело, чтоб мёртвые так запросто шастали среди живых? Нет, хорошие покойники – они все смиренно по кладбищам лежат. От этих же житья нет. Убивать не убивают, но ведь так пугают, что и окочуриться со страху можно. А то ночь за ночью донимают, шумят, стенают – с ума сводят. Погоду, опять же, плохую насылают. И болезни разные. Словом, надо, чтобы ты их упокоил. Чтобы раз и навсегда нас от этой проблемы избавил.

– Так чтобы упокоил или чтобы от проблемы избавил?

– А что, есть разница? – удивленно приподнял густые смоляные брови воевода.

– Есть, – просто отозвался упокойник. – Прежде всего – в цене. Упокоить будет стоить сто серебряных. А избавить от проблемы – сто золотых.

– Проходимец! – взвился Иларий. – Ты за кого меня принимаешь? Откуда такие деньжищи?

– Я ведь слышан о твоём последнем походе, – спокойно отозвался собеседник. – Я как раз с той стороны шёл и своими глазами видел, что осталось от деревень и от города.

Воевода довольно задрал смоляную бороду. Да, поход и впрямь был удачный: земли противника выжгли, на поле битвы оставили полтыщи трупов, и своих из них – меньше сотни. Есть чем гордиться. Потом подозрительно прищурился. Упокоить, значит, сто серебряных, а избавить от проблемы – сто золотых. Разница ускользала от понимания: как ещё можно избавить запуганный народ от навьев, как не упокоив этих мертвецов?.. Наделенный безмерной храбростью и умеренной кровожадностью, делавших его хорошим вождем, воевода Иларий не отличался хитростью ума, и потому, не найдя ответа на свой вопрос, просто перестал над ним биться. Поразмыслил немного над ценой, да и то больше для виду – от ста золотых в казне совсем не будет, а если и будет, с людишек всегда собрать можно, – и размахнулся, собираясь ударить по рукам в закрепление уговора.

Однако упокойник руки не протянул. Откинул с загорелого лба соломенную чёлку и отчеканил:

– Прежде чем по рукам бить, хочу тебе, воевода, вот что сказать. Если я за какое дело берусь, то либо я доведу его до конца, либо... либо дело доведёт до конца меня. Это я тебе к тому, что если мы уговоримся сейчас,

потом не упрашивай меня остановиться – полдела недоделанным я ни за что не брошу.

Слова прозвучали не уточнением – предупреждением. Но воевода этого не услышал.

– Вот и хорошо, – только и сказал он. – Если правду говоришь, значит, надёжный ты челове... кхе-кхе, словом, значит, на тебя положиться можно. Я тебе предоставляю всё, что для дела понадобится, а ты избавляешь нас от проблемы. Ну, по рукам, или как?

– По рукам, – ровно согласился Аскольд.

В его взгляде невозможно было прочесть ни удовлетворения, ни разочарования. Конечно, белёсые глаза выдавали упокойников. Но выдавали только одно – профессию их обладателей. И выдавали только один раз – при первой встрече. Зато после всегда надёжно скрывали все мысли и чувства.

* * *

Несколько дней Аскольд без усталости бродил по прилепившимся к крепостному холму нищим деревням, возмнившим себя городскими кварталами; днём наблюдал за людьми, не обращая внимания на испуганные или косые взгляды, ночью спокойно разгуливал по умирающим после заката улицам. И ничего не предпринимал. Только всё что-то высматривал, вынюхивал, выпрашивал. И не по делу выпрашивал. Предупрежденные воеводой селяне, мнившие себя горожанами, ожидали, что нанятый упокойник станет интересоваться, когда навьи появляются, как выглядят и что творят. Собирались поведать о горящих красным глазами, об острых, в два ряда, зубах, о кривых когтях и раздутых телах. Аскольд же, водя по лицам белёсыми глазами, больше интересовался тем, кто с воеводой в поход ходил и кто не вернулся, кто кормильца потерял и кто ребенка выкинул, кто умер, не обвенчавшись, и кто руки на себя наложил. В ответ узнавал зачастую больше, чем спрашивал – кто злословит на соседей, кто завистью исходит и кто на власти ропщет.

Неделю спустя воевода уже потерял терпение – он давно порывался в очередной поход и не уезжал только потому, что понимал: если он уйдёт и заберёт с собой дружину, как-никак присматривавшую за городом, оставленные один на один с навьями запуганные крестьяне просто-напросто разбегутся. Пришедший на днях упокойник вселил в него надежду, что с умрунами скоро будет покончено, и нетерпение отправиться с войной на давно присмотренные земли от этого разгорелось только сильнее. И поскольку Аскольд всё что-то тянул и тянул, воевода уже собрался было во всеуслышанное обвинить упокойника в дармоедстве. Однако Аскольд его опередил – сам явился в крепость и сказал воеводе, чтобы тот приказал провести обряды задушниц.

И без того относящийся к упокойнику с изрядной подозрительностью, Иларию нахмурился и нелюбезно процедил, что, во-первых, проводились задушницы совсем недавно, в Радуницу, вторник Фоминой недели, и, во-вторых, по календарю сейчас поминальных дней нет. Упокойник, как всегда

ровно и равнодушно возразил, что, дескать, покойникам без разницы, когда их поминают.

– Когда обряды закончим, простые заложные покойники сами исчезнут. И вот тогда я начну уже разбираться с оставшимися, – пообещал воеводе Аскольд. Тот подышал недовольно в смоляную бороду и побросал на упокойника подозрительные взгляды. Правда, взгляды эти с тем же успехом можно было бросать и на стену – белёсые глаза Аскольда оставались неживыми.

– Будь по-твоему, – с неохотой процедил Иларий.

Задушницы так задушницы. Может, упокойник больше знает о том, как их надо проводить правильно, так, чтобы толк вышел.

* * *

На следующий день в воздухе пахло палёными кострами и сальными свечами. Утром на ухоженном погосте поливали могилы водой с вином, украшали их цветами и обкладывали дёрном, оставляли на холмиках, не без сожаления, ибо многие варили последнее, мисы с горячей, густо дымящейся кашей – пусть покушают покойники вкусного пара.

В полдень Аскольд собрал побольше мужиков и повёл их на разоренный погост на нищей окраине, который заметил ещё в день своего появления в городе. Велел отыскать всех заложных покойников, которых выкинули за город. Когда люди начали роптать, повысил голос и объяснил:

– Я знаю, что вещуньи говорят, будто в непогоде виноваты заложные покойники, что они велят вам уносить их подальше от жилья и бросать прямо на землю, заложив ветвями или камнями. Однако засухи или заморозки после этого все равно продолжаются, значит, мертвецы тут ни при чем. А то, что вы их не похоронили, как положено, а наспех заложили, и не даёт им уйти в загробный мир.

Аскольду не поверили. Да и с чего бы? Кто он таков? Чужак, да к тому же ещё и упокойник. То, что умерших не своей смертью, то бишь заложных покойников, полагается не в земле хоронить, а закладывать ветвями и камнями – святая правда, потому что так издавна заведено. И то, что непогоду заложные мертвецы насылают, всем известно – ведь так вещуньи говорят. Вещуньи – они лучше знают, потому что им про то ещё их бабки говорили. Только правда может жить так долго, чтобы её передавали от дедов внукам; заблуждения бы столько не протянули...

Однако, не согласившись с упокойником, спорить с ним люди не решились – ведь воевода приказал всячески тому содействовать. Воеводу в народе не любили – а за что его любить, если он по три шкуры на походы свои сдирает, а вернувшись, добычей не делится? – но боялись. Потому – делать нечего – собрали всех заложных покойников, о которых смогли вспомнить и останки которых смогли отыскать. Притащили их на разорённый погост, под бросающим в дрожь пристальным белёсым взглядом вырыли огромную могилу, скинули туда останки, присыпали землей и холм сверху водой с вином покروпили – всё как положено.

К вечеру девки устроили русалии – проводы русалок: обрядили одну, невенчаную, в нарядные одежды, увесили венками, повели с песнями через ржаное поле на озеро, там сорвали с неё венки, побросали в воду и прыснули в разные стороны – чтобы русалки не догнали. Потом собрались на окраине Скобяного квартала и устроили шумные пляски.

Правда, не обошлось без неприятностей. Одной из участниц проводов, русоволосой худышке Виринее, старшей дочери большого, лишившегося кормильца семейства, не хватило парня для пары. В другой день никто бы и внимания не обратил, но не после русалий. Русалками, как известно, обращаются девушки, умершие до брака, а мавками – утопившиеся с горя, что никто их не любит. Потому в плясках после русалий каждая должна быть в паре.

Выгнать из круга участвовавшую в проводах – нельзя, пустить плясать одну – как бы большей беды не накликать. Пару искать? Так сколько времени-то пройдет!

Тогда и приключилось неслыханное – Виринея повернулась к стоявшему поодаль упокойнику и протянула руку, робко предложив:

– Пойдём?

Белёсые глаза остались такими же пустыми, однако Виринее показалось, будто молчаливый упокойник растерялся. Но в следующее мгновение он уже шагнул вперед. Девушка было отпрянула, но потом вдруг мелькнула у неё шальная мысль – люди шарахаются от упокойника, словно от чумного, и, быть может, никто и никогда ещё по своей воле не звал его танцевать... И, храбро прикусив нижнюю губу, Виринея позволила упокойнику взять себя за руку.

После неловкой заминки вновь зазвучала мелодия, наполнила ошарашенную тишину, и пустились в пляс пары. Кружилась среди них и Виринея, и уже не сжималась от ужаса под ладонями упокойника и не думала о том, как, узнав об этом, будет сердиться на неё завтра толстый мельник, за которого она выйдет осенью замуж, чтобы уберечь от голодной зимы младших сестёр. Быстрые пляски и летящие в небо искры костра ударили в голову хмельным вином, от руки, крепко державшей за талию, шло приятное тепло, а уверенность, с какой упокойник вел её под гудки свистулук и щёлканья трещоток, рассеяла пугливую настороженность. А что глаза у него белёсые и мёртвые – ну и что с того? В глаза можно и не смотреть.

Тем более, что сам упокойник, словно догадываясь о её мыслях, старался их прикрывать.

* * *

В ночь после проведенных задушиц ждали чего-то необычного.

Однако, как и прежде, колотили по ставням вредные умруны, зелёными огоньками околачивались по погостам неупокоенные души, пугали, ухая в печных трубах, игоши и ичѣтики, из колодца вылезала ничуть не напуганная проведенными русалиями лоскотуха и бродила между казарм дружинников распутная девка, в которую вселилась злая лярва.

Наутро сердитый воевода потребовал к себе упокойника. Для начала попытался сверлить его грозным взглядом, но вскоре это занятие бросил, потому как белёные глаза Аскольда оставались пустыми и равнодушными.

– Ну, и чего ты добился? – скрестил тогда на груди руки Иларий, и смоляная борода поднялась вперед воинственным клином.

– Мертвецы, беспокоившие вас потому, что не получили должного погребения, после вчерашних задушиц упокоились. Мне осталось разобраться только с теми покойниками, кто задержался здесь не из-за этого.

– А из-за чего же они задежались?

– Из-за мести, – чуть прищурился упокойник.

– Из-за мести? Мести за что?

– В основном – за причины своей смерти.

– И что это за причины?

Упокойник вздохнул, и на миг воеводе даже показалось, будто его белёные глаза словно бы погрустнели.

– Невежество. Злоба. Зависть. Ревность. Глупость. Перечислять можно долго – человеческие пороки, ведущие к плохой смерти, очень многочисленны.

– Но ты ведь знаешь, как их упокоить, да? – воевода благополучно пропустил мимо ушей смысл сказанного, услышав только то, что казалось ему важным.

– Знаю, – упокойник оборонил это короткое слово скупно, но так весомо, и столько мрачной неотвратимости было в его голосе, что Иларий поёжился.

– Вот и хорошо, – кивнул он и разозлился на себя – потому что его голос предательски дрогнул.

* * *

Вести о том, что Аскольд обещал воеводе упокоить навьев, разнеслась по округе, словно пожар, подгоняемый ветром в сухой степи. Потому, когда упокойник, выйдя из крепости, направился напрямик на заброшенный погост на окраине Грошёвого квартала, самые смелые, а за ними и самые любопытные – кучей ведь не так страшно! – не удержавшись, последовали за ним, схоронились за окрестными домами и стали подглядывать.

Упокойник встал прямо посреди погоста, замер, будто каменный, и только губы едва шевелились, словно он что-то шептал. Любопытствующие уши насостригли, но было слишком далеко – ни слова не разобрать.

Не прошло и нескольких минут, как потянулись на погост, возникая словно из ниоткуда, уродливые фигуры. Подглядывавшие охнули и подались назад – навьев раньше только по ночам видели, да и то изредка; никто и не думал, что при свете дня они выглядят ещё отвратнее.

Были среди ковыляющих по погосту чудищ и ичѣтики с игошами, и умруны с лоскотухами, и даже гулящая девка, телом которой завладела злая лярва. Но больше всего прибывало упырей. Вскоре навьи жуткой

копошащейся массой заполонили весь погост, и только вокруг застывшего изваянием белёсоглазого упокойника остался свободный пятак земли.

Любопытствующие и подглядывающие, похолодев и окаменев от ужаса, только судорожно сжимали обереги и призывали на помощь богов. Никто не подозревал, что навьев в округе так много; никто не сомневался, что в одиночку упокойник с ними справиться не сможет.

А далее произошло неожиданное. Из плотной толпы уродливых навьев отделился один упырь и поковылял, переваливаясь на кривых ногах, к упокойнику. Несколько мгновений они стояли, глядя друг другу в мертвые белёсые глаза. Некоторые подглядывающие даже подумали, будто упокойник с покойником словно беседуют взглядами. Ждали, что вот-вот появится в руках упокойника осиновый кол или меч и...

Упырь развернулся и медленно заковылял прочь. И чем дальше он уходил от погоста, тем становился всё прозрачнее, будто тающий на солнце лёд, и всё меньше походил на ожившее после смерти чудовище, а всё больше на обычного человека. И прежде чем упырь истаял в воздухе, ахнула и, схватившись за сердце, осела на землю стоявшая среди любопытствующих скромная вдова Неонила – потому что узнала в тающей фигуре своего мужа, не вернувшегося из последнего похода воеводы.

К упокойнику тем временем один за другим подходили, глядели глазами в мёртвые глаза и уходили, тая в воздухе, упыри и умруны, игоши и ичётики, мавки и лоскотухи, превращаясь перед тем, как исчезнуть, в погибших отцов, пропавших мужей и сгинувших братьев, повесившихся пьяниц, утопившихся девок и некрещёных младенцев. А в по-прежнему стоящей поодаль толпе отворачивались, пряча мокрые лица в ладони, те, кто узнавал в исчезающих навях своих родных и близких.

Сколько времени прошло, сказать было невозможно, однако наступил, наконец, момент, когда погост опустел, и никого больше не было среди заброшенных могил, кроме упокойника и вяляющейся у него в ногах расстрепанной девки, теперь уже не гулящей, потому что покинула её тело злая лява.

Упокойник медленно оглядел округу, высматривая что-то белёсыми глазами, затем осторожно поднял на руки бесчувственную девку, донёс до стоявших поодаль любопытствующих, отшатнувшихся от него, словно от чумного, положил свою ношу перед ними на землю, развернулся и направился в сторону крепости.

– За наградой пошёл, – зашелестели в толпе. Отчего-то не с облегчением и не с благодарностью избавителю, а с озлобленностью и досадой на убийцу умерших близких.

– Ну и пусть катится отсюда поскорее, – камнем запустил кто-то в спину упокойнику злое напутствие.

Аскольд остановился. Обернулся – и толпа, обожженная, будто кнутом, белёсым взглядом, отпрянула.

Упокойник едва заметно усмехнулся – и продолжил путь к крепости.

– У, бельмы-то свои мёртвые как злобно вылупил, – зашущукались собравшиеся и принялись нехотя расходиться. И только Вириная продолжала стоять на месте, глядя на мерно удаляющуюся спину Аскольда. Ей показалось, что в обращенных на людей белёсых глазах упокойника была вовсе не злорадия, а печаль и какая-то обречённая усталость.

* * *

Иларий поджидал упокойника в воротах крепости и едва не подскакивал от радостного нетерпения.

– Наслышан, наслышан, – довольно потирая руки, поприветствовал он Аскольда. – Ловко ты их! И так легко! Я-то думал, ты их будешь мечом, или колом, или ещё как... Ну, пойдем, твоя награда уже готова, – настойчиво предложил воевода, не чаявший отделаться от неприятного упокойника и отправиться, наконец, в долгожданный поход.

– Погоди радоваться, – перебил его Аскольд. – То, что я сейчас сделал – это самое лёгкое. Самое тяжёлое предстоит ночью.

– Не понял, – нахмурился воевода. – Ты же их всех упокоил. Или не всех?

– Уговор был, чтобы я вас от проблемы избавил, верно?

– Верно, – неуверенно отозвался Иларий.

– Упырей я упокоил, – прекрасно расслышав сомнение в голосе собеседника, пояснил упокойник. – Но люди ведь не обрадуются, если через месяц-другой навьи снова донимать начнут, так?

– Так...

– Вот и надо мне ещё кое-что... доделать. Чтобы новые умруны не плодились.

Что-то в словах упокойника не давало воеводе покоя, тревожно перекликаясь то ли со сказанным, то ли с услышанным ранее... С чем же?

Упокойник неподвижно стоял перед воеводой; пустые белёсые глаза не выдавали ни нетерпения, ни недовольства. Но воевода понимал, что надо что-то сказать.

– Ладно, – наконец нехотя процедил он. – Оставайся на ночь, делай своё дело, а утром приходи за наградой.

– Приду, – отозвался Аскольд.

И снова по телу воеводы прошла дрожь; снова показалось, будто упокойник не слово сказал, а пригрозил.

* * *

Тяжелая дверь распахнулась бесшумно, однако, закалённый опасностями в походах, воевода резко сел на кровати и схватил висевший над изголовьем меч. Слабый серый свет – ещё третьи петухи не пропели – пробивался сквозь щели ставен, в спальне было темно, потому сначала Иларий разглядел лишь замершую в проёме страшную темную фигуру с пустыми глазами мертвеца и с длинным мечом в руке, опущенным к земле.

Сердце предательски ёкнуло, и, перехватив поудобнее тяжёлую рукоять своего верного клинка, Иларий требовательно окликнул:

– Псан! Воротила!

– Дружинников зовёшь? – спросил страшный пришелец. Воевода резко, так, что закололо с боку, выдохнул и воскликнул в сердцах:

– Тьфу на тебя, Аскольд! Ну и перепугал же ты меня!

Упокойник молчал, и воевода, не успев перевести дух, нервно стиснул рукоять меча.

– Ты чего так рано? Всё, что ли, уже?

– Почти.

– Вот и ладно. Вон там, в углу, твоё золото отмерено, забирай, заканчивай, что ещё осталось, и... хм... в общем, счастливой дороги.

Упокойник по-прежнему не двигался; за дверями воеводиной спальни стояла полная тишина, и Иларий забеспокоился.

– Как это ты мимо Псана с Воротилой прошёл? Им ко мне пускать никого не положено. Неужели дрыхнут, мерзавцы? – деланно рассердился он, безуспешно пытаясь разглядеть хоть что-нибудь за спиной упокойника, загромождающего проход, и надеясь, что его громкий голос привлечёт дружинников.

Скрипнув сапогами, Аскольд сделал шаг в его сторону.

Весь цвет схлынул с лица воеводы – на скоблёном дощатом полу, неестественно согнув локти и колени, замерли в густой красной жиже Псан и Воротила.

– За что? – взвился воевода.

– А ты, Иларий, знаешь, откуда навьи берутся? – задумчиво произнёс упокойник и, скрипнув сапогами, сделал ещё один шаг к лавке воеводы.

– Нечистая сила в мертвецов вселяется, вот они и берутся, – загнанно оглядывая комнату и обеими руками сжимая меч, отозвался он.

– Упыри и умруны, воевода – это те, кто умер *неправильной* смертью. Например, пал в бесчестном бою или был отравлен. Или казнён по ложному обвинению. Лоскотухи – женщины, наложившие на себя руки. Игоши – вытравленные нерождённые младенцы, ичётики – проклятые младенцы, зачатые насильно. Мавки – девки, утопившиеся с горя, когда не увидели среди вернувшихся с тобой из похода дружинников своих женихов...

– А? – глупо отозвался воевода, и его безумный взгляд скакал с трупов охранников на упокойника и обратно.

– Псан твой в последнем бою скольких врагов в спину зарубил? Дюжину, не меньше. Вот и появилось благодаря ему на свет самое меньшее двенадцать упьрей. А Воротила в одной из деревень насильничал, и девка та, как узнала, что ребёнка понесла, на себя руки наложила. Вот тебе лоскотуха с ичётиком.

– Откуда ты знаешь?

– Вижу, – резанув по воеводе страшным белёсым взглядом, ответил упокойник. – Вот этими вот глазами вижу.

– Это... так это вот что ты ночью доделывал? – трясущимися губами произнёс воевода. – Это – самое сложное?

Молчание упокойника было очень красноречивым.

Побелев ещё больше, хотя минуту назад казалось, что дальше уж некуда, воевода сглотнул и спросил:

– И кого ещё?

– Ведуна твоего – он народу голову мутит, по его указке много невинных людей сожгли за порчу и колдовство, и те потом стали умрунами. Сборщика податей – он так усердствовал, собирая твой налог по деревням, что во многих семьях люди с голоду умерли. Сумника с Некланом, Катаню, Смега и Тальца... Словом, много твоих дружинников – то, что они на разорённых землях творили, породило немало лоскотух с игошами, и ещё больше – упырей.

В наступившей тишине слышно лязгнули зубы, прежде чем воевода выжал из себя следующий вопрос:

– Зачем?

– Затем, что в следующем походе они то же самое творить будут, а значит, будут вам новые живые покойники... Навьев вызывают к жизни сами люди – своими поступками. И чтобы избавиться от проблемы с умрунами, нужно избавиться от людей, их порождающих.

– Убирайся! – крикнул воевода, трясущимися, вспотевшими ладонями перехватывая меч. – Да если б я знал, что ты делать будешь, я бы ни в жизни... «Так упокоить или от проблемы избавиться?» – злобно выплюнул он, припомнив первый разговор с Аскольдом. – Вон там, в углу, твоё золото – бери и убирайся.

– Нет, воевода, – покачал головой упокойник, и соломенная чёлка упала на его лоб, прикрыв страшные белёсые глаза. – Прежде надо довести до конца дело, на которое ты меня нанял.

– Не надо ничего доделывать. Хватит, уже наделал. Говорю же тебе – вон, в углу, твоё золото. Бери и убирайся.

Ещё один шаг – и упокойник навис над лавкой воеводы, наступив носком сапога на тонкое льняное покрывало. Откинул соломенную чёлку, уставился мертвыми белёсыми глазами на Илария, выпустившего из взмокших от страха ладоней меч, и грустно усмехнулся:

– Воевода, я же предупреждал, что всегда довожу дела до конца...

* * *

Пропели третьи петухи, и серую муть уходящей ночи рассветили прозрачные лучи выкатывающегося из-за горизонта солнца.

Нехотя, одни за другими, распахнулись оконные ставни; закрипели колодезные уключины; выпустили тонкие струйки дыма печные трубы.

Выскочившая на крыльцо Вириная споткнулась о тяжёлый мешочек. Ахнула от неожиданности, присела, распустила тесёмку, запустила руку – и осела на рассохшуюся приступку, пропуская сквозь пальцы золотистые кружочки. Потом вскочила и побежала на разбитую дорогу. Встала, обернулась кругом, сама не зная, чего ищет. Задержала взгляд на разорённом погосте. Прищурилась, глядя в сторону поднимающегося солнца.

Увидела.

Мерно шагая мимо заброшенного кладбища, мимо сожжённых домов Грошёвого кватала, уходил из города упокойник с соломенными волосами и мёртвыми глазами, и перекинутая через плечо холщовая котомка пусто хлопала на ветру. Кроме Виринеи, ему в спину смотрело только солнце.

Солнце набирало высоту и пробивалось даже сквозь закрытые ставни. Пробилось и сквозь ставни окна в спальне воеводы. Серебристо блеснуло на иссечённом в боях тяжелом мече и рубиновым лучом отскочило от набухающего кармином крови тонкого льняного покрывала.

НАТАЛЬЯ ЗЕМЛЯНСКАЯ ЛИЦЕДЕЙ

ЛИННЫЕ РЯДЫ КРЕСЕЛ УХОДЯТ В тёмную глубину пустого зрительного зала. Неяркое пятно света выделяет несколько мест в середине пятого ряда. В этом освещённом круге – человек. Искусственный свет придает ему нереальность и безжалостно утрирует отдельные черты: заставляет матово блестеть абсо-

лютно лысый череп, наполняет чернотой полукружия глазниц, подчеркивает массивную челюсть, покрытую коростой желтоватой щетины, поперёк костистого лица разрезом скальпеля рисует жесткую полосу губ, сжимающих коротенькую трубочку, – белесый дымок тянется вверх и тает в высоте.

На сцене – кучка актеров: передвигаются, жестикулируют, проговаривают вслух заученные фразы из чужой жизни, и молятся про себя тому, кто сидит сейчас в зале. Ибо он для них – Бог, Творец и Вершитель судеб.

Спустя четверть часа зритель несколькими резкими хлопками прерывает действие. Актёры замирают.

– Все свободны. До завтрашнего вечера... – говорит он. Его низкий бархатный голос совсем не вяжется с внешностью.

Зал и сцену тотчас заливают яркий свет. Общая напряжённость исчезает вместе с темнотой. Выдох облегчения: исполнение приговора откладывается... У нас ещё сутки.

Вагон «подземки» уносит меня на другой конец города. Там, в небольшой квартирке одного из жилых небоскрёбов, иголками утыкавших приморский район, ждёт меня моё чудо. Оно невысокого роста, пухленькое и кудрявое. У него глаза цвета неспелой сливы, нежные губы и очень ласковые руки.

Имя ему – Лина.

В окружающем пространстве – сухом и тщательно обезличенном – наши отношения напоминают зелёный росток, проломивший асфальт.

Мы встречаемся почти два месяца, что чудесно уже само по себе. В мире, где одиночке выжить легче и проще, а эмоции вызываются искусственными раздражителями, слово «любовь» загадочно более чем исхоженные вдоль и поперек глубины Космоса. Для моих современников это архаичное понятие в лучшем случае означает просто соитие. Ничего иного. Партнёры при этом почти всегда остаются под псевдонимами и часто прячутся за личной кибермаски... Абсолютное же большинство не утруждает себя даже этим – зачем, когда есть вирт?..

Мы тоже нашли друг друга в Сети. Как ещё можно познакомиться? Первая реальная встреча ошеломила неведомыми ощущениями: мягкое податливое тело, учащённое дыхание, капельки пота, жар и влага сокровенного, сладкие судороги... А ещё – нежная ласка тонких пальцев по коже, тепло волос, тихий шёпот на ушко, порхающие прикосновения губ, и поцелуи – томительно длиннные, когда хочется выпить чужую плоть до последней капли...

Мне нравится слушать в ночной тишине её дыхание, ощущать ниточку пульса на шее... Она вдруг стала необходима мне. Если она исчезнет из моей жизни – останется пустота. Смогу ли я заполнить её?

– Как дела?.. – Лина задает этот вопрос, когда обессиленные ласками мы раскидываемся на смятых простынях. – Римкус продлил твой контракт? – положив голову мне на плечо, она ерошит пальчиками мои волосы.

Йоахим Римкус, а именно так зовут обладателя лысого черепа, – мой нынешний работодатель. Режиссёр, продюсер и владелец единственного на Побережье реалити-театра: настоящая сцена, актёры-люди, и никаких виртуальных заморочек! Реализм Римкуса-режиссёра доходит до крайностей: ничего, кроме правды. В его шоу всегда всё по-настоящему... По слухам, Римкус платит добровольцам-смертникам, дублирующим артистов, огромные деньги. Но и билеты на подобные представления дороги: место в партере стоит больше, чем вся труппа зарабатывает за год. Пресыщенная публика, объевшаяся компьютерной графикой, валом валит на спектакли.

«Ничего нового, – заметил как-то один из моих знакомых. – Вспомни, как древние развлекались боями гладиаторов... А публичные казни? – вот уж где был аншлаг!»

Я нежно обнимаю девушку за плечи:

– Нет, котёнок... своё слово Римкус скажет завтра, после вечерней премьеры.

... Три ведьмы колдуют над котлом. Деревянный пол сцены ещё не просох после спешной уборки в антракте: Макдуфф с жёнушкой только что прикончили короля Дункана и его слуг.

...Double, double, toil and trouble;
Fire burn and cauldron bubble...¹

Кутаясь в бархат занавесей, я украдкой наблюдаю их лицедейство.

– ... с чешуёй драконья лапа, губы турка, нос арапа... – вопят ведьмы, убыстряя пляски вокруг кипящего котла. – ... пальчик детки удушённой, под плетнём на свет рождённой, – в этом месте я невольно вздрагиваю, – ... тигра потрох размельчённый, – вот в котёл заправка наша, чтобы гуще вышла каша. Жарко, жарко! Пламя ярко! Хороша в котле заварка!¹

Хриплые визги актрис рвут густую темноту подмостков, но она упрямо наползает отовсюду, пытаюсь побороть пламя костра. Из этой борьбы и под-

¹ В. Шекспир, «Макбет»

нимающегося к балкам водяного пара рождаются странные призрачные тени: сначала робко, потом всё смелее кружат они над старухами, кривляясь и меняя очертания.

Откуда-то вдруг сильно дует ветер. Не слабый сквозняк, рождённый приоткрытой дверью, а настоящий ночной ветер, пропитанный запахами леса: в нём пряные нотки земляного перегноя, напоенной росой травы, болотная прель, – и чуть уловимый привкус тревоги.

Я не впервые наблюдаю такое диковинное возмущение воздуха, – происходит это нечасто – и всякий раз тому предшествует буйство сумрачных теней на сцене: словно там, на подмостках, ими образуется невидимый водоворот, некая воздушная воронка. Из зала этот эффект не виден. Из моего укрытия эту странность непосвящённому тоже заметить трудно. Похоже, я – единственный, причастный к маленькой тайне. С полгода назад меня «посвятил» в неё Марк, наш осветитель.

Этот неряшливого вида человечек отличается довольно вздорным нравом. В театре его не жалуют. Но я как-то мимоходом спас его от гнева Римкуса за некую провинность, чреватую увольнением. За бокалом дешёвенького вина – Марк счел себя обязанным угостить «спасителя», – я узнал кучу пикантных подробностей о большинстве своих коллег: парнишка, оказывается, обожает подглядывать и подслушивать. Минут через десять мне стало скучно. Тогда-то он и рассказал мне о «теньях» на сцене.

– ...это началось, когда технари из «Экзосаунд» установили своё оборудование...

Несколько объёмных аппаратов с лэйблами этой фирмы стоят в зале с недавних пор – ничем не примечательные металлопластиковые «кубики»: Римкус экспериментирует со звуком. Надо отдать ему должное – он не скупится: разработки «Экзосаунда» весьма недёшевы.

– Я собираюсь заняться этим явлением всерьёз, – говорил Марк. – А что? Вдруг это вредно для здоровья? Представляешь, как обрадуются ищeyки из Комитета экологии! – в его блеклых глазках сверкал алчный огонёк.

Комитет – очень серьёзная организация, и я не поверил Марку: вряд ли Римкус позволил бы себе непроверенные игрушки.

Но выдумщик остается при своём мнении:

– Жаль только, – сокрушался он, – что такое бывает очень редко! Трудно улучшить... Я пробовал снять на плёнку – ничего не вышло. Кстати, именно после таких «сквозняков» пропадают тела дублеров!..

После этих слов я окончательно потерял интерес к его болтовне: затёртая до сального блеска байка о том, что иногда останки добровольных смертников якобы бесследно исчезают прямо во время спектакля. Чушь, конечно...

Больше мы с Марком не общались. Спустя какое-то время после этой беседы он умудрился сломать шею, спускаясь по лесенке из своей рабочей камеры. Ну, а я с тех пор продолжаю изредка наслаждаться загадочными танцами теней...

Как назло, сегодня меня отвлекают.

– ...кто бы подумал, что в чухлом старике столько крови! – речитативом

поёт над ухом высокий голос. – Говорят, Римкус использует каторжников в качестве дублеров...

Я неохотно поворачиваюсь. Рядом со мной – низенький, безобразно полный человечек. Он с головы до пят укутан в цветастую, тяжёлого шёлка, хламиду, что придаёт его облику сходство с римским патрицием. Впечатлительные усиливают мясистый подбородок и крупный прямой нос, а маленькие глазки в «мешочек» и капризные вялые губы наделяют его лицо выражением порочности.

Это – Маро Сигуль, лучший оперный тенор Европы.

Он – обладатель настоящего, живого звука. Его голос – не какая-нибудь там «компонуха», сделанная электронным синтезом. К нему никогда не прилагивался скальпель хирурга. Поэтому, при нынешней моде на всё натуральное, Сигуль – ходячая драгоценность. При виде него простым смертным надлежит падать ниц или с фанатичным блеском в глазах умолять об автографе.

Я не делаю ни того, ни другого. Неделию назад антрепренер Сигуля намекнул, что оперное диво возжелало получить мою стереоголограмму. «Для интимного потребления»... – как он выразился. Не люблю, когда меня употребляют, пусть даже и виртуально. Пришлось отказать.

В глазах Маро – немой вопрос, взгляд его плотояден.

Я молча ухожу.

Маленькой компанией мы коротаем вечеров в уютной кофейне. Отмечаем успех премьеры.

– Можно было б денег заработать. И немало... – замечает вскользь Смешной Боб, узнав про эпизод с Маро.

Боб – мой близкий друг. Сейчас его место в моём сердце потеснила Лина, но Боб не в обиде. Он всё понимает. К тому же, именно он подбил меня на первое РЕАЛЬНОЕ свидание с ней.

Боб «сидит на социалке». Государственного пособия едва хватает на «со-ту» с минимумом удобств в квартале, где в подземных многоэтажках обитают такие же неудачники, да еще на синтетическую пищу и легкие наркотики. С голоду не сдохнешь, но забудешь о настоящей воде, солнце, чистом воздухе и натуральной пище. Из развлечений – дешёвые бары здесь же в подземелье, пиво, игровые автоматы, виртуальный секс. На большее не хватит.

И всё – под пристальным оком полиции. Растительная жизнь вкупе с разрешённой наркотой – зыбкая гарантия лояльности. Шаг в сторону – и ты лишаешься государственной подачи. Но многих это устраивает.

Мой друг не из таких. В душе он – бунтарь. Но, инвалид от рождения, Смешной Боб заключён в темницу уродливого безногого тела. Именно поэтому он получил своё прозвище: слово «уродливый» – неэтично. Особенно, когда вокруг так много искалеченных природой. Его IQ вполне позволяет претендовать на хорошую работу, но Бобу противна мысль о прохождении квалификационной комиссии.

– Хватит с меня еженедельных анализов! – фыркает он.

Я не понимаю, почему его так оскорбляет необходимость проходить обследование: это делают все в обязательном порядке. Таковы требования общей безопасности. Но Боб видит в этой процедуре ущемление свободы.

– Чем лучше жизнь «наверху»? – говорит он, когда друзья по обыкновению начинают пенять ему за леность. – Ткни пальцем в любого из тех сотен тысяч, что день-деньской проводят в офисе, разменивая жизнь на бумажки или мерцающие пиксели мониторов. Что они получают взамен? Кибер-секс, адреналин в капсулах, точно отмеренную дозу мнимых опасностей по строгому сценарию какого-нибудь агентства приключений, тренажёры и симуляторы для отвыкших от движения мышц... Комиксы вместо книг, рекламные слоганы вместо мыслей... Они так же мертвы, как и я. Иллюзия духа. Иллюзия жизни... Не-е-ет! Я хочу сразу и много! Так, чтобы послать всех к чёрту!

Я не спорю с ним. Боб – забавный. Он пишет стихи, сочиняет музыку, придумывает праздники и развлечения. Он видит то, чего не замечают другие. Подозреваю, что он – счастливее, чем все мы вместе взятые. Иначе, зачем бы нам, таким успешным, искать его дружбы?

– Надо поговорить, – заявляет он вдруг, прерывая свой монолог, и выразительно смотрит на меня.

Я оплачиваю счёт и вызываю такси. Я не задаю вопросов.

Прощаемся с остальными, и маленький планер вывозит нас за город, на пляж. В это время года здесь красиво и безлюдно.

– Слышал, Римкус дал тебе пинка? – Боб начинает издали.

Плохие вести быстро расходятся. Вечерняя премьера закончилась три часа назад. Мне рукоплескал полный зал. Но Римкус не продлил мой контракт. Сигуль, приглашенная звезда, заявил, что не примет предложения Римкуса о будущем совместном проекте, а значит, его спонсоры не вложат ни гроша в новую постановку, пока Маро собственноручно не утвердит список труппы. Знаменитостям положено капризничать.

Моего имени в списке Сигуля не оказалось.

Легко ли найти работу актёру? Невозможно. Живой лицедей ныне – редкость. Анахронизм. Подобно тому, например, как стали когда-то редкостью, а потом и вымерли трубочисты. Профессию артиста уничтожили компьютерная графика, стереовидение и прочие технические хитрости. Голограмма не просит есть, не требует зарплаты, и может то, чего не сделает живой человек.

Боб между тем излагает свой план. Он прост.

Понятие «наличных» давно устарело. Деньги стали виртуальными, как и многое другое. Пластиковые карты, электронные счета – и куча хитроумных способов ограбить ближнего. Боб придумал ещё один.

Двое его сообщников похитят Римкуса – детали он пропускает – и с помощью психотехники заставят его перечислить энную сумму на чужое имя. Потом режиссёра вернут на исходную позицию, стерев из его памяти всё случившееся. Кому-то придётся некоторое время побыть на его месте, чтобы никто ничего не заметил. Этим «кем-то» буду я.

– Ты прекрасно знаешь его повадки, – говорит Боб. – Кроме того, ты ведь мастер перевоплощений!

Он прав. Я могу вжиться в любой образ. Не сыграть, а именно – перевоплотиться. Стать двойником. Капля в каплю. Ещё в Школе Актёров мне доводилось подрабатывать, имитируя знаменитостей и политических деятелей. Было даже несколько скандалов... Только я назвал бы себя по-другому: мастер отражения. Как зеркало... Нет, я не владею гипнозом. Это нечто другое. Особый дар...

План Боба мне не нравится: афёры с чужой частной собственностью караются очень строго. Вплоть до высылки за пределы цивилизации в заражённые земли. Собственность – свята. Человеческая жизнь, пожалуй, стоит меньше: почему-то похищение самого Римкуса и насилие над его личностью обойдётся нам по статье Уголовного Кодекса гораздо дешевле, чем махинации с его счетами.

– Боб, что если я откажусь?

– Ты теперь не можешь отказаться, – дружелюбно объясняет он. – Ведь ты почти всё знаешь.

– Всё-таки я ещё подумую...

– Конечно! – радостно откликается он, и широкая улыбка людоеда расплзается по его лицу.

Эта улыбка преследует меня всю ночь.

Позже я приму предложение Боба. И по совершенно неожиданной причине: еженедельные анализы Лины дали тревожный результат. В её крови поселилась какая-то гадость. Санитарная служба забирает её в карантин-изолятор. Такое может случиться с каждым. Но почему – с ней?..

Этот вопрос терзает меня. Незнакомая тяжесть заполняет всю левую половину груди. Со мной так раньше не было.

Весь день я веду переговоры с медиками: к вечеру выясняется – это не вирус, Лина не опасна для окружающих... По ходу разговоров следует много медицинских терминов... Её отпускают домой. На время.

Лечение будет стоить очень дорого. Ей дешевле умереть.

Она не плачет – ещё не осознала. Мне тоже спокойно: выбор сделан. Ради её жизни я сыграю роль Римкуса. Ради её жизни я сделаю всё что угодно.

У нас появятся деньги – и всё будет хорошо.

Похищение Римкуса проходит удачно. Его охрана ничего не замечает. Мне смешно – он так любит хвастаться выучкой и стоимостью своих бодигардов! Особенно тех, что относятся к категории дог-менов. Йоахим заказывает их в специальном питомнике, где из собак делают монстров. Но и они не чувят подвоха: я даже пахну, как их хозяин! Не говоря уж о том, что я хожу, как Римкус, двигаюсь, как Римкус, смеюсь, как он...

Я вглядываюсь в зеркало, и бесстрастная серебряная поверхность по-

слушно являет чужое отражение. На мгновение приходит мысль, что всякий раз мучает меня во время перевоплощений: кто же я на самом деле? Существую ли я? Или вся моя суть – чужое отражение, выдуманная кем-то роль?

Разбиваю зеркало, чтобы прогнать наваждение.

Плохая примета? Вот ещё! Просто я не люблю зеркала: стоит мне задержаться возле них дольше, чем того требует умывание или бритьё, как моё отражение начинает меняться, являя разных людей – любимых или ненавидимых, в зависимости от прихотливого течения мысли. Иногда – это лики с экранов и глянцевых обложек, иногда – нечёткие образы случайных прохожих, отпечатки мимолетных встреч, отчего-то врезавшиеся в память... В детстве, помнится, бабка всегда кричала, застукав меня за подобным развлечением: «Перестань корчить рожи»!

Феномен квазиидентификации... Так это называется по-научному. Я называю это «отражением». Биологи пишут, что там, за чертой, отделяющей наш мир от поражённого экологическим апокалипсисом, среди выживших организмов встречаются мутанты, обладающие схожими свойствами. Что-то вроде мимикрии. Реагируя на внешние раздражители и зрительные образы, они могут изменять свой облик. Правда, мне, в отличие от монстров с Другой Стороны, для перевоплощения достаточно самовнушения – зрительный и психологический контакты не обязательны... Но я никому не рассказываю об этом.

Бабка говорила, что парень, соблазнивший мою мать, бывал на заражённых территориях. Промышлял мародерством. На том и погорел – его уничтожили при очередном переходе карантинной зоны. Это случилось ещё до моего рождения.

Моя будущая мать, узнав о его промысле, хотела избавиться от ребёнка – от меня, но проведенные исследования показали: плод здоров и развивается нормально. Ей запретили убийство. Тот парень, видимо, крепко любил свою девочку, и «грязные» денежки клал на её счёт. Получилась хорошая сумма. Поэтому она побоялась открыть истинную причину, по которой не хотела рожать: опасалась, что накопления конфискуют. Тогда она связалась с подпольными дельцами от медицины – те не только были готовы взять все расходы на себя, но и посулили за эмбрион неплохие деньги. Но вмешалась судьба в лице моей бабки...

В остальном мои биофизические параметры в полном порядке. Я – полноценный член общества. За маленьким исключением...

Роль Римкуса не легче и не труднее прочих. Главное, что его можно сыграть: у него есть внутренняя сущность. По большому счёту, он – негодяй. Умный, расчётливый, талантливый... с лёгкой гнильцой. Гниль ему идёт, как патина старому серебру. И это – хорошо. Куда хуже, если бы он оказался «пустышкой» – как можно изобразить ничто?

Лже-Римкус принимает участие в телешоу, даёт званый обед у себя на вилле, ведёт беседу с министром культуры. В моем исполнении он уродлив, но обаятелен... Гораздо лучше настоящего.

Идиллия заканчивается вечером третьего дня. Ночь провожу в камере. С каждым часом отчаяние всё сильнее – жизнь Лины снова на волоске!

Наутро – разговор с дознавателем. Позже заявляется Римкус:

– Я готов внести за тебя залог.

Неожиданный поворот...

Предполагаю, что он попросит об ответной услуге. Точно: на стол ложится украшенная печатями бумага. Это договор: Римкусу нужен очередной дубролец. Дублёр-смертник. Из тех, чьи тела незаметно исчезают со сцены. Ха-ха! На этом листе не хватает одного – моей подписи.

– Твоя подруга будет обеспечена до конца жизни, – говорит бывший хозяин. Похоже, он в курсе моих проблем.

Но в его фразе кроется подвох: а сколько это – до конца жизни Лины?

– Она не больна, – усмехается моим сомнениям Римкус.

В его глазах жадный интерес: как-то я отреагирую?

– Нет? – мой голос слегка дрожит.

– Нет... – он пытается поймать мой взгляд.

Но я умею притворяться. Ведь я – лицедей. И рассказывая о предательстве моих близких, он не узнает, не догадается, какая страшная боль выжигает мою душу!..

...Боба соблазнили «новыми» ногами – за пределами дорогая и сложная операция! – и пожизненным гражданским статусом без всяких там комиссий... Лина – давняя приятельница Боба, авантюристка со стажем, они обде- лывали вместе ещё и не такие делишки. Я действительно ей нравлюсь, но деньги она любит больше... Прodelка с Лже-Римкусом для этой пары – так, развлекалочка... Маскарад был устроен ими по собственной просьбе «пострадавшего», чтобы «проверить меня в деле»...

Он ещё продолжает говорить, а я уже царапаю на договоре затаенный иероглиф. Может, скрепить его кровью? Какая разница, кому продать душу, если вместо неё – пепел?

Во время репетиций меня отключают от электронной охраны, и я чувствую себя почти как прежде. словно ничего не изменилось. Только вместо сердца стучит уголёк.

Я стараюсь не думать о тех, кто меня предал. Их мотивы – просты и незатейливы. Отмеренную мне горечь я пью до конца.

Но ход интриги Римкуса мне не совсем понятен. В грядущем действе – я не просто дублёр, но – главный герой, ведущий солист. Он хотел заполучить меня со всеми потрохами? Зачем? Что такого в этом спектакле?.. Я спрашиваю его об этом в один из кратких перерывов на отдых.

Он долго смотрит на меня. Будто ещё и ещё раз оценивая.

– Я дерьмово с тобой поступаю... – безглаголю цедит он сквозь зубы, точно ему самому противно. – Зато я даю тебе шанс...

За его словами чудится обман. Такой же изощрённый, как та виртуозная ложь, что сделала меня марионеткой в чужом фарсе.

Много позже я пойму, что этот пожиратель чужих жизней говорит истинную правду. Потому что для каждого Всевышним уготована его Главная Роль, но не всякому дано её сыграть.

Мою героиню тоже предадут близкие. Но это будет потом.

А сначала – темнота и рокот зрительного зала. Шквал аплодисментов нарастает волной и разбивается о сцену, запутывается в тяжёлых портьерах занавеса, становится тише и стихает совсем... Что это, Господи?.. Что это?!

Реальность вокруг постепенно и неумолимо превращается в зыбкое, дрожащее марево. Я вдруг снова всем своим существом чувствую тот самый загадочный ветер – сладкий и пряный. Не жалкое подобие, рождённое сквозняком, но настоящий ветер открытых пространств, что рождается движением воды и воздуха. Бешеным хороводом выются бесформенные тени – их всё больше и больше! Откуда они?..

Настоящее солнце затмевает свет рамп.

Последней исчезает сама сцена – деревянные подмостки тают, смешиваясь с жидкой грязью просёлочной дороги...

По этой дороге движутся тяжёлые ряды закованных в железо воинов. Их стяги утыкаются в небо и рвут его в клочья. Им нет преграды! Им больше не знать стыда поражений! Дева, облачённая в белое, ведет их к истине. К победе...

Но ещё прежде, в маленькой деревушке Домреми, её жизнь и молитвы сольются с моими. Кто из нас первым услышал те Голоса? Мы оба узнаем высшую цель своего бытия.

Единые душой и телом, мы вместе будем стоять под стенами Орлеана. Наши руки коронуют дофина. Зловещее молчание Компьена мы тоже разделим на двоих...

Жар костра будет нам наградой. В его нестерпимом пламени сгорит моя горечь и родится её легенда.

...Длинные ряды кресел уходят в тёмную глубину пустого зрительного зала. Неяркое пятно света выделяет лишь несколько мест в середине пятого ряда. В освещённом круге – двое. Они ведут беседу, точнее – один говорит, второй – мусолит короткую трубочку. Белесый дымок причудливыми завитками лениво поднимается вверх и бесследно тает в темноте.

– ...Столетняя война – всего лишь узелок на долгом пути... – тихо и раздумчиво вещает первый, словно беседуя сам с собой. – Несколько лет нашей группой делались расчёты, и полученная модель дала основание предполагать, что расклад, при котором французы изгонят англичан, более благоприятен для дальнейшей истории в целом...

На его лаяккане в такт словам поблёскивает крохотная эмблема «Экзосаунда».

Второй сердито выбивает трубку о подлокотник кресла.

– Не загружайте меня лишними деталями! – раздражённо говорит он. – Давайте по существу. Когда вы планируете следующее проникновение?

Первый пожимает плечами.

– Когда найдём новое «отражение»... Это ведь очень редкая мутация. Потом нужно определить точку на временной оси, куда следует нанести укол... Просчитать, сумеет ли «человек-зеркало» туда внедриться... Вообще, вам и правда лучше не знать деталей: вмешательства в прошлое запрещены, а ваш театр – хорошее прикрытие для нас. Не хотелось бы его потерять...

Какое-то время они молчат, каждый думая о своём. Невольно их взгляды устремляются на пустую сцену, где гуляют зыбкие тени – призрачный отпечаток потревоженного временного водоворота.

– Её... их... в самом деле сожгли? – запинаясь, вдруг спрашивает тот, что с трубкой.

– На этот счёт много версий... – чуть помедлив, неопределённо отвечает собеседник. На его лице – невидимая в темноте улыбка. – Разве это важно? Главное, что в новейшей истории Постапокалипсиса уцелело больше людей, зараженное пространство уменьшилось... Информация вневременных хранилищ однозначно указывает, что мы на правильном пути...

– Хотелось бы в это верить...

– А что нам ещё остаётся?

АЛЕКС МУСТЕЙКИС

БЕЛАЯ ПЕШКА

— И

ВСЕ-ТАКИ ВЫ МНЕ НЕ ВЕРИТЕ, – сказал Ивон Тонга.

Он сидел перед пультом управления, заложив ногу на ногу, в легкой и небрежной позе потомственного аристократа, призванной одновременно и располагать к себе, и не позволять панибратства. Отвлеченно вертел в руке короткий стек, точно так же, как и в театре, и в лаборатории, и даже перед Советом Нимбоса. В полном соответствии с правилом, что у джентльмена должна быть одна слегка раздражающая привычка.

– Я себе не верю, – спокойно ответил Максим. – Если на клетке слона написано «буйвол», не верь глазам своим.

Ивон перестал крутить стек, посмотрел на Максима – внимательно, часто моргая.

– Пословица, – сообщил он. – Слоны и буйволы, очевидно, земные животные, совершенно различные по сути, но в то же время имеющие ряд общих признаков низшего характера. Например, размер. Или вес... Впрочем, это одно и то же. Я раньше интересовался языковыми структурами. Даже написал несколько работ о взаимодействии смысловых архетипов Циклов.

– Перед тем, как перешли в контрразведку? – поинтересовался Максим.

Ивон чуть заметно поморщился. Точнее, позволил собеседнику заметить неудовлетворенность формулировкой.

– В общем, да. Только после этого я еще работал в биоцентре, потом в транспортной сети, и уже перед... э-э-э... контрразведкой – в конструкторском бюро. – Он кивнул в сторону пульта управления. – Знаете, тут и моего труда доля есть. Правда, она глубоко спрятана, это совсем маленький блок, отвечающий за дестаффинг управляющих команд...

Максим кивнул. Вот так, подумал он. Я-то считал, против меня работает профессионал, подготавливаемый с пеленок. Прошедший все ступени кондиционирования, вжившийся в модель психики возможного резидента. Способный предугадать любые его действия, вероятные ошибки, узкие места социума, где его можно легко вычислить и разоблачить. Иначе как было объяснить все то, что случилось там, в штабе командования флота группы Т Внутреннего Цикла? Впрочем, еще труднее объяснить то, что

произошло потом. И все потому, что мы не способны предположить, что кто-то окажется намного умнее нас, все мы ждем, что противником будет тупоголовый кретин с накачанными мышцами, и уж против него-то мы развернемся и покажем, благо мышцы у нас тоже накачаны, а мозгами, в отличие от него, противника, мы не обделены. А в итоге – колоссальная ошибка, и личная, и всего отдела, занимающегося Империей. Нет его, крестина-силача. А есть нечто такое, что лежит за гранью возможного: находится некто, за несколько дней вычисливший тщательно законспирированного агента, так законспирированного, что сам агент не знает, кто он такой, и только подсознательная программа, недоступная ментоскопированию, задает цели поведения... Вычисливший, умело спугнувший, и погнавший агента навстречу его цели – сердцевине Империи, таинственному Нимбосу... И ведь не побоялся теперь сопровождать... ведь по всем показателям хлопик, неспособный противостоять даже не то что работнику Галактической Безопасности, а и обычному гвардейцу-десантнику из страны Творцов... Один удар – и он выключится, и не будет уже мешать ничему... В управлении разберемся, не первый раз. Только вот дальше что? Гнать субмарину к Песчаной Смерти, туда, куда она и так подойдет через несколько часов? Да не просто вернуться, а с захваченным «языком», занимающим весьма высокий пост в руководстве Нимбоса. Но все дело в том, что я чувствую: это будет ошибкой, хотя и не могу пока сказать какой. Хотя и не могу пока сказать себе, какой...

– Вы этого не сделаете, – нарушил тишину Ивон. – И знаете, почему?

– Неужели вы способны читать мысли? Или у меня на лице написано? – спросил Максим, отлично зная, что ни то, ни другое действительности не соответствует. Просто агент обязан сейчас думать о выполнении задания, рассматривать варианты, находящиеся в рамках первоначальных установок...

– Вы и сами догадались, почему я так сказал, – ровно ответил Ивон. – И даже догадываетесь, почему вы спросили именно это, а не среагировали на мой вопрос.

– Почему? – так же ровно спросил Максим.

– Да потому что мы, по сути, коллеги. Мы занимаемся одним и тем же делом. Нет, нет, я не имею в виду нашу игру в кошки-мышки, – он отрицательно качнул головой и небрежно бросил стек на разложенную на столе карту. – Я имею в виду наше общее дело – ваше здесь, на Саракше, и мое среди Циклов.

Максиму понадобилось меньше секунды, чтобы понять значение этих слов.

– Но ведь Циклы созданы вами же. Они вами и так предельно контролируются и управляются.

– Ну, насчет «предельно»... Они в высшей степени автономные образования. Они, в принципе, смогут вполне обойтись без Нимбоса, перестройка их структуры на самоуправление повлечет за собой минимум жертв... Меньше, чем было после падения системы психоподдержки в

Стране Творцов... Но я вовсе не о том... И вы, и мы работаем на одну цель, которую можно назвать гуманность, человечность в высшем смысле этого слова.

Максим сжал зубы. Гуманность, человечность... Вспомним. Они шли сквозь болото, по звериным тропам, пропитанным миазмами и полными ядовитых змей и насекомых, и на десятый день они наткнулись на патруль Внутреннего Цикла. Максим каким-то непонятным, десятым чувством ощутил неуловимое изменение обстановки и, не раздумывая, упал ничком в зеленую, маслянистую, полную враждебной живности воду, и уже в падении услышал пение крохотных игл, вдруг заполнивших все пространство над тропой. А потом те подошли и хладнокровно отрезали головы раненым, но это уже Максим не видел, так как ему удалось погрузиться в полужидкий ил... И лежать там около получаса, приказом воли остановив почти все жизненные процессы, пока, наконец, по далекому хлопанию не понял, что патруль уходит...

Вспомним. Когда в деревню сеятелей пришел отряд зачистки и начал сгонять народ к краю полей, где уже дымили передвижные печи, и Максиму удалось уйти только потому, что чистильщики не могли предположить у сеятеля умение управлять гироциклом. И не было у них огнестрельного оружия, зачем оно против мирных и ничего не понимающих до последнего момента селян? Потом он глядел с вершины холма, как стоящих на коленях методично забивают специальными палками с железным крюком на конце: живые орудия отработали свое и подлежали безоговорочному уничтожению.

Даже не надо вспоминать такое близкое и потому столь кровоточащее, достаточно вспомнить бесчинства белых отрядов в районе Голубой Змеи во время последнего десанта...

Гуманность. Человечность. Мир, как будто придуманный извергом-садистом, решившим во что бы то ни стало вывернуть эти понятия наизнанку...

Видимо, молчание Максима было достаточно красноречиво. А может, оно было вполне в рамках рассчитанной реакции.

– Зря вы думаете, что мы какие-то звери, Максим. Насколько я понял, ваши службы в других мирах не препятствуют тамошним злодействам, раз они вполне укладываются в контекст эпохи... Вы поймите, фактически мы окружены тремя различными цивилизациями. Они здесь, рядом, и у каждой есть достаточно слепой и злобной силы, чтобы раздавить наш мир. Мы всего лишь защищаемся, стравливая миры и отводя давление в безопасные для нас направления. Будет лучше, если исчезнет Нимбос?

– Совсем недавно я бы ответил «да».

– Тогда вы еще не знали всей правды. Правды о нас... Согласитесь, мы представлялись неким Центром, откуда исходят волны злобы и ненависти... Простое решение на все случаи жизни – уничтожить центр...

Он не иронизировал, нет. Просто называл ситуацию своим именем. И

Максим был готов с ним согласиться во всем, кроме одного. Чего? Пока он не мог это сказать. Пока он не мог это сказать себе.

– Вашей планете повезло, Максим. Вы попали в оптимум развития, когда сложность мира нарастает синхронно со способностью решать все вопросы. У нас этого не случилось...

По мнению Максима, это было не совсем так. Даже совсем не так, а вовсе наоборот...

Триста лет назад правительство Острова Нимбос стало перед необходимостью как можно эффективней развивать науку, прежде всего – военную. Эксперты, опираясь на социологические изыскания, предложили систему изолированных от внешнего мира анклавов, в которых группы ученых могли заниматься любыми исследованиями на свой выбор. Только часть из них была обязательна и задавалась правительством. Анклавы получили безусловный приоритет по снабжению, их население – социальный статус выше простого населения, автономность управления и возможность отбора учеников.

Разумеется, пресловутые эксперты руководствовались не только желанием усилить оборонно-наступательный потенциал страны, и даже не столько этим, сколько своими представлениями об идеальном устройстве общества. Естественно, об этом правительству не было сказано ни слова. И хоть их взгляды впоследствии были признаны чересчур примитивными, система анклавов начала активно эволюционировать.

Уже через пару десятков лет страна получила несколько фундаментальных прорывов в технологии, позволивших прежде всего завоевать все Острова, а также решить проблему продовольствия. Решения были предельно жесткие, но в целом программа себя оправдала. Руководство анклавов было озабочено своей судьбой, – получив желаемое, правительство вполне могло взять и все прекратить. К тому времени социальное устройство внутри анклавов уже разительно отличалось от всей страны и представляло собой практически полный аналог земного на рубеже XXII века. Сместить правительство и передать управление специалистам анклавов было достаточно сложной задачей, тем более что их этические критерии уже тогда не позволяли применять прямое насилие. Значительная часть ресурсов была брошена на изучение психологии, социологии и теории управления. В течение следующих тридцати лет анклавы переносили на себя все функции управления страной, начиная с самых неблагоприятных, и к концу этого периода надобность в другом правительстве просто отпала. Сын очередного Императора, воспитанный в одном из анклавов, не протестовал. Формально страна оставалась Империей; просто сквозь старую оболочку проросло новое, невиданное до тех пор общественное устройство... Через сто лет после основания анклавов система Циклов сложилась полностью, лишь центральный не назывался Циклом, а только по имени начального острова – Нимбос.

Все это Максим уже знал. Но знать – еще не значит понять...

– У вас, Максим, старый мир был полностью вытеснен в процессе разви-

тия общества. У нас он остался, и более того, в нем остались наши корни. Он включен в нашу экономическую систему, причем не столько из-за нашей, сколько из-за их необходимости в том.

Максим все молчал. Что возражать против правды, тем более такой странной правды, которая просто не хотела вначале проникать в сознание?

– Мне не советовали провожать вас, Максим. Я это сделал по собственной инициативе. Мне хотелось бы попросить у вас совета...

– Совета? В чем? – Ивону все же удалось удивить Максима.

– Мы признаем, что такая ситуация недопустима, она, по сути своей, бесчеловечна. Вы сторонний человек, и хоть вы не знаете всех тонкостей, можете увидеть, в чем наша ошибка. Как можно изменить ситуацию?

– Насколько я понял, вы обладаете куда большими теоретическими изысканиями в области практической социологии, чем Земля. И... большей психологической гибкостью.

– Насчет психологической гибкости – не совсем я с вами согласен. Правда, мы вынуждены мириться с бесчеловечностью окружающих нас циклов.

– Вы сами сказали, что у нас сходные цели. Институт Экспериментальной Истории Земли пытается помочь другим мирам... Почему бы вам не вести похожую работу среди других циклов?

Ивон на мгновение сжал губы. Максим понял, что его задело сравнение Нимбоса с Внешними Циклами.

– Эту работу мы ведем уже сто семьдесят лет. Снижаем уровень социальных напряжений, внедряем в менталитет разных слоев населения идеи, которые потом разовьются в полноценный гуманизм. Но такая эволюция – очень медленный процесс, это не строительство анклавов будущего на пустом месте, на голой идее... Вы же работаете на других планетах – у нас хотя бы – и представляете себе это. Пройдут столетия... Вам хорошо, нет, вам в самом деле психологически позволительно растянуть прогресс на столетия. Ваши объекты прогресса далеко, с ними работают только специалисты... А нашей совести – да, у нас есть совесть! – придется терпеть постоянные удары судьбы. Десант флота «Ц» – это удар и по нашей морали!

Мы выработали целую методику распространения нашего мировоззрения. Сотни наших людей, и я в том числе, работают во Внешних Циклах, чтобы хоть как-то ускорить социальный прогресс. Вот потому-то мне и не понравилось, когда вы назвали меня контрразведчиком. Ну кто из внешних циклов способен быть разведчиком в Нимбосе? Себя мы называем, используя другой, более подходящий термин – Прогрессоры. И мы не выслеживали, не ловили вас. Мы вас спасали от этого мира...

– Хороший термин, – сказал Максим. Чтобы хоть что-то сказать. Его раздражал этот разговор, ему хотелось чем-то задеть, уязвить Ивона, и причину этого он пока не понимал. Причину этого он пока не понимал до конца.

– Используйте другой, более жесткий метод. Достаточно нескольких позитивных реморализаторов на низкой орбите...

Ивон с ожиданием смотрел на Максима. Был здесь какой-то подвох...

– Хотя нет, ваша космогония просто ужасна. Естественно, что до этого додуматься было сложно... Но все равно – вместо спутников возможна сеть ретрансляторов по земной поверхности...

Ивон молчал. И тут до Максима дошло. Он закрыл глаза и опустил на стул.

– Ч-черт... – выдавил он.

– Знаете, я не жду немедленного ответа, – заговорил Ивон. – Если б он лежал на поверхности... Мы реализовывали разные программы... Но удачной, удовлетворяющей нас, нет. Поэтому я и говорю – цели у нас общие. Помочь этому миру.

Максим отвернулся к иллюминатору. Серые волны, серое небо... Серый внешний мир. А здесь, внутри, все сияет белизной, белый пол, белые стены, белый костюм Ивона... Белый цвет как символ чистоты намерений. Жаль только, что серые люди по ту сторону обшивки не могут понять этот символ...

Ладно.

– Нимбос и Земля действительно имеют много общего, – согласился Максим. – Вы будете удовлетворены, если я расценю ваши слова как приглашение Нимбоса на сотрудничество с Землей?

Ивон утвердительно кивнул.

– Только окончательное решение о необходимости такого сотрудничества вы примете сами. Чуть позже. И будете действовать по обстоятельствам. Хорошо?

Странно, подумал Максим.

– А вам не кажется, что я в любом случае буду действовать по обстоятельствам?

Ивон улыбнулся. Открыл свой белоснежный портфель и достал оттуда папку – конечно же, белую.

– Это я тоже не должен был вам показывать, – сказал он, протягивая ее Максиму.

– Может, тогда и не стоит? Будут у вас неприятности...

Ивон проигнорировал иронию. Как будто бы не заметил.

– Мы не враги, Максим. Ну, были у вас неприятности, когда вы взорвали Центр?

Максим открыл папку.

Внутри были фотографии. Двенадцать штук. Рыльский. Харрисон. Завада. Доценко. Бремер. Амбросимов. Чекан. Махарадзе. Уолтер. Любович. Шимгалис. Раскин. Эти фамилии Максим знал наизусть. Все те, кто отправлялись перед ним в Империю и сгинули безвестно...

Это был удар. Но Максим не подал виду. Он перевернул несколько фотографий, – на обороте были написаны фамилии. Некоторые кириллицей, некоторые латиницей – на родных языках, собственными руками... Закрыл папку, протянул назад и коротко спросил, зная, что объяснение последует:

– Ну?

– Все они прошли рекондиционирование и снятие психоблокады, как и вы. Им была предоставлена полная свобода передвижения по Нимбосу и доступ ко всем архивам. Как и вам. Но вернуться захотели только вы.

Максим молчал. Это была только часть объяснения, Ивон просто держал паузу.

– Все они ушли из жизни. Добровольно. Некоторые быстро, некоторые по прошествию времени. Никто из них не захотел ничего передать Земле, даже короткого сообщения, хотя возможности такие были. Как и у вас. Никого из них мы не собирались задерживать в Нимбосе дольше его желания.

– Как и меня, – закончил Максим. Странно, но он ждал подобного объяснения.

Он поднялся, некоторое время смотрел в иллюминатор, потом открыл люк рубки и вышел наружу. Сырой, пахнувший совсем по-земному морской воздух был полон брызг и соли. На горизонте, впереди и чуть справа по курсу, уже виднелась тонкая полоска берега.

Значит, так, подумал Максим. Теперь Ивон сказал все, что хотел. Сомнения в этом нет, все прочее – только подготовка к этому разговору.

Всех их убила правда. Это слишком невероятно, но это так. Наши общества слишком, слишком похожи, и процессы текут в них абсолютно похожие, и неспроста мы лезем на другие планеты и в группы свободного поиска, мы ищем себе внешние циклы. И находим. Да, не тот масштаб. Да, мы не вынуждены делить одну планету с теми, кто не дает нам жить, как мы хотим, кого мы не можем перевоспитать, чтобы он не мешал нам, и уж тем более не можем убить... Но мы бьемся о те же стенки, в Арканаре, на Гиганде, на Саракше, и когда на нас падает Правда, мы не выдерживаем. Я бы тоже не выдержал, если бы я был настолько пропитан Землей, как они. Может быть, я не выдержу позже. Но теперь я точно знаю: как только я вернусь, я приложу все усилия, чтобы остаться единственным землянином, побывавшем в Империи Нимбоса. И – работать. Не может быть, чтобы не было выхода. Социология, психология... какая предстоит работа! И я уже вижу, с чего начать. Теоретическое обоснование прогрессорства как взаимодействия систем сложности уровня цивилизации. Прогрессор – квант такого взаимодействия. Понятие внутреннего прогрессора – как взаимодействия подсистем. Придется разрабатывать терминологию... и параллельно добиваться отзыва активных агентов типа Странника – до тех пор, пока мы не выясним, кто мы и куда идем. Невероятно! Всего лишь неделю назад я был уверен, что ситуация штатная. Всего лишь час назад я видел в Нимбосе гипертрофированный Центр – тут Ивон тоже был прав... А что я вижу сейчас, я подожду себе говорить...

Подождал Ивон и стал рядом, держась за леер. Сказал, ни к кому не обращаясь:

– И когда мы осознаем, какую роль мы играем в той игре, что зовется жизнь, больше всего нам хочется спрыгнуть с доски, пусть даже для этого нам придется пройти ее до конца...

– Скажи, Ивон, – перебил вдруг Максим. – А когда вашим детям говорят всю правду о Циклах, то все они реагируют одинаково?

Ивон недоуменно пожал плечами.

– Нет, конечно. И в этом большая наша проблема... Как бы мы ни меняли методики, всегда остается процент... мы их называем «те, кто уходят». Но какое это имеет отношение...

– Самое прямое, Ивон. Пока они есть, мир не безнадежен.

Серый берег был уже близко – рукой подать.

ЭЛИ БАР-ЯЛОМ

ПОЛТОРА БОДУЭНА В СЕКУНДУ

1

...Исходя из описанных экспериментов, мы можем считать доказанным следующее:

а) субъективные ощущения, которые в человеческом сознании описываются по шкале «добро-зло», присутствуют в нервной системе любого организма, вне зависимости от уровня развития;

б) эти ощущения имеют физическую природу и происходят от взаимодействия нервных волокон с открытым нами полем, которое предложено называть этическим полем;

в) существует явное соответствие между эмпирическими формулами (15), (16), (18), описывающими поведение биоматерии в этическом поле, и общеизвестными законами Био-Савара-Лапласа, Ампера и Гаусса; таким образом, можно предположить более широкую аналогию между этическим полем и магнитным;

г) вокруг Земли существует сильное этическое поле. Один из этических полюсов локализован приблизительно под $31^{\circ}47'$ северной широты, $35^{\circ}13'$ восточной долготы (с точностью ± 2 минуты). Местонахождение второго полюса и точная природа этического поля Земли пока не установлены.

На основании этих выводов мы надеемся, что Академия наук выделит дополнительные...

2

– Готово. Лёня, матерись!

Барбышев встал перед измерителем и с выражением произнёс:

– ...й!

«Пиийи!» – сказал прибор. Стрелка на экране компьютера подскочила на пять делений с небольшим. Деления не имели никакого значения – единицу измерения они с Нателлой ещё не придумали.

– Готово, – сказала Нателла. – Теперь про себя.

Через полминуты Барбышев смущённо спросил:

– По нулям?

– По нулям. А ты как про себя ругался?

– Ну... представил. Картинку.

– Какую картинку?

– Ну... стоит, розовый такой...

Нателла поперхнулась.

– Розовый, говоришь? Я тебя должна учить, да? Фаллос и ...й – два разных предмета. Попробуй сказать это с таким же выражением, но про себя. Давай!

«...й!» – подумал Барбышев. «Пиип!» – ответил прибор.

3

Эксперимент проводился на протяжении 10 недель в 11 точках земного шара. Участвовали 52 добровольца с 6 родными языками. Результаты эксперимента приведены в таблицах 10.1 – 10.17. Выводы:

а) произнесение слов, приведённых в таблице 10.2 в международной фонетической транскрипции – слов, в обиходе называемых «русским матом», – приводит к однозначным возмущениям этического поля Земли. Это возмущение легко обнаруживается прибором, схема которого приводится на рис. 10.1; мы назвали этот прибор эсхрометром (от греческого ??????? – ругательный, вульгарный). В дальнейшем мы будем называть возникающее возмущение «эсхрометрический эффект», сокращённо ЭЭ;

б) обнаружена логарифмическая зависимость длительности и интенсивности эсхрометрического эффекта от количества людей, услышавших матерное слово. В случае хорового произнесения матерного слова группой людей обнаружена линейная зависимость интенсивности возмущения от количества произносивших; длительность возмущения в таком случае не меняется;

в) не обнаружено зависимости ЭЭ от точки земного шара, где произносилось матерное слово, и от времени суток или года;

г) если человек, произнесший матерное слово, не знает о его матерном значении (проводились эксперименты с носителями китайского, арабского, испанского и венгерского языков), он не влияет на возникновение ЭЭ. Тем не менее, если слово, произнесённое им, услышано и понято присутствующими как матерное, эффект возникает;

д) слушатель, не знающий о матерном значении произносимого слова, влияет на силу эффекта так же, как знающий слушатель. Примечание: возможно, здесь играет роль вторичный психологический эффект, когда слушатель догадывается о значении слова по интонации произносимого и по реакции других слушателей. Мы планируем проверить это предположение будущими экспериментами;

е) при произнесении ненормативной лексики других языков (проверялось на материале арабского, венгерского и испанского – см. табл. 10.15) также обнаруживается ЭЭ; при этом...

4

Участвуют: Барбышев, Нателла, эсхрометр.

Барбышев: У-уфф! Наконец-то все ушли.

Нателла: Ага! Достали жутко. Особенно этот ...дак в шапке.

Эсхрометр: Пиип!

Барбышев: Угу, меня тоже он укатал.

Нателла: Я не выдержала, обматерила его про себя...

Эсхрометр: Пиип!

Нателла: ...именно. На 124-й минуте, кстати, запиши, откорректируешь показания, а то наверняка записалось.

Барбышев: Сто двадцать четвё... записал. Откорректирую, если не сдохну.

Нателла: Не сдохнешь, не надейся. Слушай, Лёнь, а тебя в честь города назвали?

Барбышев: Да нет, просто был такой писатель, Лион Фейхтва...

Нателла: Обижаешь, да? Я его в детстве километрами читала.

Барбышев: Нравилось?

Нателла: Ну, местами очень. Но, самое главное, я твёрдо знала, что еврейская девушка, которая не читала Фейхтвангера, это чёрт знает что.

Барбышев: Ты еврейка? А я думал, ты грузинка.

Нателла: Я грузинская еврейка. По папе. Мама донская казачка. А ты? Теперь ты колись.

Барбышев: Что я? Про меня у Высоцкого написано: «только русские в родне, прадед мой самарин».

Нателла: Не люблю Высоцкого совсем.

Барбышев: А я обожаю.

Нателла: Вот видишь? Я же говорила тебе, что мы не пара; а ты не верил.

Эсхрометр: Пииип!

Нателла: Это ты меня материшь?

Барбышев: Ты что? Я не матерился.

Нателла: Врёшь!

Эсхрометр: Пииип!

Барбышев: Честное слово.

Эсхрометр: Пииип!

Барбышев: Это точно не ты?

Нателла: Сейчас ударю. Больно будет.

Эсхрометр: Пииип!

Барбышев: Нателла, погоди, я догадался!

5

...В 12:30, после перерыва, нас ожидает доклад одного из открывателей эсхрометрии Л.В.Барбышева. Тема доклада: «Детериорация этического поля».

Краткое содержание: эффект Барбышева-Искандарашвили наблюдается не только при произнесении ненормативной лексики. Похожий эффект был зарегистрирован в присутствии человека, испытывающего чувство глубокой досады, сопряжённое с агрессией. Описывается эксперимент, позволяющий подтвердить возникновение эффекта в этом случае. Кроме того, приводится новый результат: после возникновения эффекта Барбышева-Искандарашвили наблюдается общее падение напряжённости этического поля. Это изменение невосстановимо.

6

– Ну чё?

– Ага.

– Шёл бы ты домой, Барбышев, всё равно от тебя толку никакого.

– А от тебя?

- Держусь, не конец света пока.
- Но ты понимаешь, на что мы набрали?
- Ну, на очередную дырку в озоне.
- Так вот именно!
- Но ведь с дыркой-то живём пока! Сколько ужасов напредсказывали. Ты...
- Нател, но...
- Ша, Лёнька. Лучше скажи, как мы единицу измерения назовём, а то послезавтра последний срок.
- Я про себя называю её «один ...й».
- «Пиийип!» – сказал эсхрометр.
- Лёнька, давай серьёзно. И вообще, давай попробуем завязать материться, раз уж мы поняли, чем это грозит, а?
- Попробую. Привык уже, трудно. Что, и «один хрен» нельзя? Видишь, и эта зараза не пищит.
- Лёнь, теперь представь себе, как ты лезешь на кафедру и говоришь: «наблюдалось возмущение приблизительно хрена с два».
- Ну ты даёшь, Нателка! О, погоди, я придумал... я такую штуку придумал...
- Что?
- Возьми наши с тобой инициалы. Только вначале фамилию, потом имя. Без отчества.
- Ну? Барбышев Лион, Иска...
- Видишь? Получается БЛИН! Один блин.
- «Пиийип!» – сказал эсхрометр.
- Чего пищишь, скотина? От хрена не пищал, а блин тебе не понравился?
- Это он не на тебя, а на меня. «Чувство глубокой досады, сопряжённое с агрессией». Нам делом заниматься, а ты дурака валяешь.

7

...Полученная единица измерения названа нами бодуэном, в честь лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845-1929). В частности, возмущение в 1 бодуэн на поверхности площадью в 1 квадратный метр понижает интенсивность этического поля на 1 кирлиан.

Отметим, что значения глобальной напряжённости этического поля Земли, замеренные нами 14 июня прошлого года [4] и 14 июня нынешнего [11] отличаются на 24.1 секстильонов кирлиан: 132.6 в прошлом году и 108.5 в нынешнем. Мы предположили, что падение напряжённости вызвано негативными эмоциональными выбросами человеческого происхождения. В течение месяца мы провели аэроэсхрометрические измерения над поверхностью земного шара. Количество негативных эмоций (в бодуэнах в секунду) приведено в таблице А. Значения колеблются от нуля (в некоторых районах Тихого океана) до 27 (например, в центре Москвы). Среднее значение негативных выбросов составляет полтора бодуэна в секунду. Учитывая поверхность земного шара (0.51 квадрильонов квадратных метров) и количество секунд в году ($365 \times 24 \times 60 \times 60 = 31536000$), общий негативный выброс за год должен сжигать 24.125 секстильонов

кирлиан этического поля, что (при ошибке измерений $\pm 8\%$) соответствует независимо измеренной величине.

Выводы:

а) падение напряжённости этического поля Земли является исключительно результатом негативных выбросов человеческих эмоций;

б) если интенсивность выбросов (полтора бодуэна в секунду) будет неизменной, через 4.5 года следует ожидать полного исчезновения этического поля вокруг земного шара. Последствия этого в рамках существующей теории предсказать невозможно.

8

– Лёнь, иди сюда скорее! Я всё поняла. Ой, классный букет, спасибо, Лёнь.

– Нателла, я хотел тебе сказать...

– Я тоже хотела тебе сказать, я вдруг ночью поняла...

– И я ночью понял. Но давай ты раньше.

– Хорошо, Лёнь. Помнишь в Библии древо познания добра и зла?

– Д-да...

– А потом потоп?

– Да, Нателла, да.

– Понимаешь, мы же выяснили, что этическое поле даёт живому организму интуитивное ощущение добра и зла. Это и есть яблоко! Представь себе, что первобытные люди испытали уже когда-то исчезновение поля, а потом оно опять появилось. В легендах это могло отразиться как история с яблоком. Это и про бутылочное горлышко всё объясняет, помнишь, когда из всех человекообразных только гомо сапиенсы выжили, которые кроманьонцы с неандертальцами, а прочие не прошли. И Ева генетическая оттуда, помнишь?

– Да, да.

– А потом что-то произошло, и поле снова исчезло, это был потоп. Всемирный. Я не знаю, что такое Ноев ковчег, но выжившие люди как-то смогли возродить поле... Я даже думаю, что у них была какая-то технология, а потом она исчезла, как у Азимова, помнишь?

– Да, да, помню.

– Ну вот, если через четыре года будет опять потоп, может, нам удастся придумать какую-то технологию восстановления поля?

– Может быть.

– И построить такой ковчег, и спасти кого-то.

– Да, наверное.

– А теперь давай ты, Лёнь, выкладывай, что ты ночью понял.

– Да ничего я не понял.

«Пиийи!» – сказал эсхрометр.

9

Новости науки. Наши соотечественники, тридцатичетырёхлетний Лион Барбшьев и двадцативосьмилетняя Нателла Искандарашвили номинированы на Нобелевскую премию по физике за создание и развитие эсхромо... эс-

хо... извините, пожалуйста. За создание и развитие эсхрометрии. Вчера на пресс-конференции Барбышев пожелал своей коллеге войти в книгу рекордов Гиннеса как самой молодой лауреатке. Наш корреспондент сообщает, что Нателле Давидовне это не удастся, даже если премия будет ей вручена: в 1915 году Нобелевскую премию по физике вместе со своим отцом получил Вильям Лоуренс Брэгг, которому было всего двадцать пять лет. Тем не менее, от души желаем нашим учёным успеха в Стокгольме. А теперь – о спорте.

10

- Лёнька, выходи за меня замуж.
- Что?
- Тьфу, прости! Я действительно не хотела. Женись на мне! Я хочу.
- Ты... чего вдруг?
- А ты разве не хочешь?
- Я всё время хотел, а теперь боюсь.
- Так ты не бойся. Я поняла, что если мне предложат выбросить на... «Пиийп!» – сказал эсхрометр.
- Извини, не хотела. В общем, не нужна мне никакая наука, если ты со мной не будешь, Лёник. Я эту штуковину молотком изобью.
- «Пиийп!» – сказал эсхрометр.
- Извини, это я негативную эмоцию выбросила. Я буду хорошая, я тебя изводить не буду... только по четвергам, ладно?
- ...Эх, Нателка... Нателка... белка...
- Меня в школе звали Тарахтелка. Нателка-тарахтелка. А белка – это можно. Белка – это ничего. Я покрашусь в белый цвет, потому что белка... к Нобелевской церемонии.
- Как к церемонии?
- Ты что, с ума сошёл? Нас же выбрали.

11

Наши славные предшественники, стоя в этом зале, использовали Нобелевскую лекцию для описания теорий и опытов, открывающих человечеству новый взгляд на мир. Юджин Вигнер сказал с этой кафедры: «физика не пытается объяснить природу. Она пытается только объяснить закономерности в поведении вещей». Закономерности, которые обнаружили моя жена и я, находятся на стыке естественных и социальных наук. С беспристрастностью, свойственной физическим законам, они сообщают нам о грядущем бедствии, подобного которому наша планета не видела уже многие тысячелетия.

С момента первых эсхрометрических замеров поверхности Земли уровень человеческого негатива в среднем не уменьшился: полтора бодуэна в секунду. Но треть срока, предсказанного нами полтора года назад, уже прошла. Через три года Земля останется без этического поля, а человечество – без интуитивных представлений об этике.

Мы верим, что такое уже происходило на Земле. Мы думаем, что легенды о Всемирном потопе и падении Атлантиды являются доисторическим отго-

лоском гибели предыдущей цивилизации нашей планеты: гибели от этического голодания. Мы верим, что священные книги древних народов несут в себе частичное противоядие – в виде непреложных этических законов-заповедей, выполнение которых замедляет детериорацию поля.

Мы не знаем, возможна ли жизнь без этического поля. Мы даже не знаем почти ничего о происхождении этого поля. Насколько разница между жизнью сто лет назад и в наши дни обусловлена тем, что тогда поле Земли было, по-видимому, в десятки раз мощнее? Мы знаем, что и тогда случались войны, кровопролития, преступления, наконец, охота ради развлечения.

Мы считаем, что необходимо срочно мобилизовать все ресурсы для исследования этой проблемы и способов её решения. Мы охотно жертвуем на это всю сумму нашей премии, как и сумму полученных нами за два последних года четырёх международных наград: мы опасаемся, что через три года эти деньги будут некуда вкладывать.

Пока способ не найден, мы хотим обратиться к жителям Земли с наивным и почти безнадежным призывом: не будьте злыми! Впервые слова «доброта спасёт мир» становятся не фигурой речи, а реальным физическим законом.

12

...В центре сунэгар-тусейбожа горел огромный противный тув, от которого медленно расползались ручейки разноцветной лавы. Все тавры, стоящие в очереди – их было не больше десятка – грелись около этого тува, а люди – не меньше пятидесяти – предпочитали прятаться от жары по углам, где специально для них работали кондиционеры.

Павел неожиданно подумал о таврах без раздражения. В самом деле, чего раздражаться? Спасли, приютили до поры, обогрели... да, обогрели, не то слово... теперь охлаждают. Кондиционеры охлаждали температуру до плюс сорока пяти градусов – ещё чуть-чуть, и ни один тавр не мог бы находиться в помещении. Терпят ради нас, хотя сунэгар-тусейбож был построен для своих. Настоящие ангелы небесные, хоть и с рогами. Вот что значит сильное – как его бишь? – этическое поле.

Было и ещё одно приятное нововведение: на входе под надписью на местном языке красовалась самодельная, но приемлемая вывеска «БЮРО ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ». Заодно вспомним, как это называлось там, у нас, хмыкнул про себя Павел. В прошлом году, в общежитии для эвакуантов, девушка по имени Вита ловко рифмовала: «Сунэгар-тусейбож / для меня непригож, / не хочу я расстаться с последней из кож...». Вообще язык изо дня в день засорялся таврскими словами. Павел от души похвалил себя за то, что, думая только что о кондиционерах, не назвал их жейтрадуннами.

Стоящий у входа бейшерр (ну да, как это по-нашему сказать – привратник? швейцар? охранник?) был человеком. Его приветливое лицо было чем-то знакомо Павлу – не то по общежитию, не то ещё по той жизни. Бейшерр приветствовал безработных тавров и людей – каждого на своём языке – и раздавал всем анкеты.

– Лижандоожзкий! – раздался голос из-за одного из столов.

– Левандовский, – машинально поправил Павел и уселся напротив чиновника.

Это была тавриха, а не тавр – совсем недавно он твёрдо научился их различать по форме рогов. Поверх мохнатого тела на таврихе было некое подобие шубы, и всё равно она дрожала от холода.

– До-обрый де-ень, меня зовут Жнурр, – сказала она.

– Павел, – отрывисто произнёс он, хотя понимал, что его имя ей известно. – Я учитель физкультуры.

– Учи-тель физкульту-уры... – проблеяла Жнурр. – Есть заявки. Но вы можете работать при комнатной температуре?

– Шестьдесят градусов? Боюсь, что нет.

– Вот ви-идите... О! В Агайбаге хотят организовать школу-интернат для ваших детей, и там может понадобится учитель.

– Я слышал про ваш Агайбагд, – огорчённо сказал Павел. – О нём все слышали, вот беда. Там уже наверняка сто таких же, как я, слетелось... и половина, наверное, с блатом.

Жнурр сочувственно поглядела на Павла.

– Я не знаю, что такое «бла-ат», но, если там вы и сто таких, как вы, нет никакой причины выбрать не ва-ас. А вот если там будут сто таких, как вы, но вас там не бу-удет...

– Я понял, спасибо. Пошлю биографию.

– Искренне желаю вам успе-еха. Вы в каком городе жили там?

Павел ответил.

– О, так интере-есно: я видела альбомы! Музеи, произведения искусства, архитектура, восхити-ительно! Прекрасный город...

– Был, – сказали они хором и попрощались друг с другом.

По дороге на выход Павел ещё раз поглядел на симпатичного полузнакомого бейшера – тот объяснял пожилой таврихе с выцветшим мехом, как заполнять анкету.

– Слушай, приятель, – окликнул его Павел. – Ты откуда так здорово поихнему выучился?

– Так я же в Байдажерне учусь, на физфаке.

– Молодец! – одобрил Павел. – А здесь тогда чего работаешь?

– Деньги нужны, – улыбнулся бейшерр. – Стипендия есть, но её не хватает, а у меня жена... на восьмом месяце.

– Крут! – диагностировал Павел. – Ты ж, наверное, мой ровесник?

– Мне сорок, – ответил бейшерр.

– И мне сорок! – обрадовался Павел. – А ты там чем занимался?

– Работал в институте, – весело сказал бейшерр. – Но тут наука такая, что нам ещё учиться и учиться.

– А я в школе работал, – сказал Павел. – Ладно, мне бежать пора. Меня Павел зовут. А тебя, кажется, Леонид?

– Почти, – сказал бейшерр. – Не Леонид, а Лион. Можно Лёней.

ВЛАДИМИР СЕМЕНЯКИН

ДНИ НОВОЙ СВОБОДЫ

БЮ-ЙОРК, ЖАРКИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. ВОЗДУХ ОБЖИГАЕТ, асфальт плавится, продажи воды и лимонада бьют все рекорды. Население города сидит в прохладных бетонных пещерах, боясь выбираться наружу, с тоской щурясь из полутьмы на выбеленные солнцем прямоугольники окон. Тротуары почти пусты, редкие смельчаки решаются выйти один на один с разбушевавшимся светилом. Только бесконечно ползут по дорогам застрявшие в пробках машины.

Крошечная парикмахерская, вдавленная в подножие одного из бетонных небоскрёбов. Тесная комнатка наполнена стоячими бликами от многочисленных зеркал – словно в пустом бассейне.

В парикмахерской всего два кресла. Одно сейчас пустое, оно стоит ближе к окну, беспощадный жаркий свет окутывает его белесым свечением. Коричневая обивка раскалена так, что ею можно обжечься.

Во втором кресле, накрытый длинным белоснежным покрывалом, сидит седой, стареющий мужчина. Морщины пока не успели резко проступить в его чертах, но заметно, что ему хорошо за пятьдесят. Мужчина мрачно глядит перед собой. Он чрезвычайно расстроен чем-то.

За спиной старика стоит высокий юноша. Его красивое лицо, украшенное короткими мягкими усиками, выражает беспокойное несогласие, очень свойственное нигилистическому двадцатилетию. В руках у юноши щёлкают ножницы – блестящие лезвия так и мелькают над седыми волосами посетителя.

Оба молчат. В парикмахерской слышны только короткие щелчки ножниц и приглушённый толстой стеной шум улицы. Потом старик поднимает глаза на висящее перед ним зеркало и, коротко взглянув на молодого парикмахера, говорит, продолжая незаконченный спор:

– Не знаю, дружок мой Джимми... Мне всё же это кажется каким-то... хм... кощунством. Если хочешь знать, мне даже помыслить страшно, к чему можно прийти в дальнейшем, коль такое будет продолжаться...

Юноша немедленно прекращает стрижку, смотрит на старика и запальчиво говорит:

– Мистер Стоун, что не думайте – вы всё равно не правы! Я сказал ведь: да, если бы это было просто шоу – понимаю. Тут я с вами согласился бы. Но ведь это дело представлено под совершенно особым соусом!.. Это не вандализм! Это – нечто великое. Грандиозное деяние! И я рад, что мы – американцы – первые во всём мире придумали такую штуку!.. Рад, что так единодушно приняли будущие... И мне это нравится, и мне всё равно, что скажете вы! Вот так!

Секунду мальчишка смотрит на своё отражение в зеркале.

– Неужто не ясно, мистер? – Продолжает он, опуская взгляд на голову мистера Стоуна. – Вы же умный человек, репортёр, журналист! Должны понимать, что к чему! По мне как... – Короткая пауза. – По мне – это очередной шаг к американской мечте, вот как! Свобода в её самом ярком проявлении! И меня вы никак не собьёте с мысли!.. Мистер, мы живём во времена, когда творится великая история!.. А вы просто слишком... Слишком консервативны, и потому не понимаете. – Молчит. – И... И что вы мне на это скажете, а, мистер Стоун?

Юноша замолкает, буравя требовательным взглядом седой затылок старика.

Старик жуёт губами, думая, что сказать в ответ. Потом хмуро смотрит в зеркало на категоричную физиономию мальчишки, замершего в ожидании. Потом поджимает губы и раздражённо говорит:

– Джимми, мальчик мой, я скажу, что, если для тебя непонятны очевидные вещи, то нечего и говорить. У меня не так много свободного времени, чтобы без толку тратить его на болтовню о всякой чепухе!

Сказав это, он сердито хмурит брови и прячет взгляд. Джим коротко усмехается, но, натолкнувшись на внезапный тяжёлый взгляд старика, тут же спохватывается:

– Извините, мистер... Сейчас всё будет в лучшем виде.

Быстрым движением вытряхивает из ножниц застрявшие в них серебряные волосы и продолжает стрижку.

Оба молчат.

Жарко. Звонят ножницы, на улице грохочут машины. Воздух неподвижен.

По лицу стрика катятся мелкие капельки пота. Ему щекотно, он морщится. Ещё он морщится от грустного переживания по поводу непонятливости юноши. И ещё от чего-то: затаённого, невысказанного.

– Не знаю, как вас учили в школах... – Сокрушённо говорит старик после молчания. – У нас было принято уважать память предков и трепетно хранить то, что создали наши отцы. Для нас это было самым дорогим в жизни, мы глотку могли перегрызть за грубые слова в адрес нашего прошлого.

Молодой парикмахер, не прекращая работу, спокойно говорит:

– Для нас это не менее важно.

Старик смотрит на него через зеркало:

– И поэтому ты согласен с этой чудовищной идеей?! – Вопросает он.

И тут же, не дождавшись ответа, говорит упавшим голосом:

– Ну, хорошо. – Молчит некоторое время. – Хорошо... Попробуй, объясни мне... Объясни ещё разок... Я послушаю. Попытаюсь понять. Объясни мне так, чтобы я понял.

Старик устало прикрывает глаза. Юноша улыбается и пристально смотрит на него. Ему приятно, что старший собеседник относится к нему, как к равному.

...Вообще, в принципе, мистер Стоун – славный старик. Бывают и хуже... И статьи у него неплохие, и в общении он не смотрит свысока. Одно дело –

иногда уж слишком непонятлив. И в простых, бытовых, можно сказать, вещах – ну никак не может разобраться.

Подумав так, Джимми вдыхает стоячий, жидковатый от жары воздух и начинает:

– Ладно, мистер... Попробую объяснить... Сначала спрошу у вас, в который раз: скажите пожалуйста, за что вы так боитесь? Если подумать... Это же всего-навсего огромный кусок бездушного бетона!..

Мистер Стоун беспокойно ёрзает в кресле, и юноша, заметив это, быстро продолжает:

– Да-да, я знаю, в своё время она была действительно символом... хм... свободы и взаимопонимания. Яркий Маяк, издали видимый прибывающим в Свободную Америку. Подарок французов, факел, который Старый Свет дал Новому Свету, и так далее... Но теперь-то весь мир знает, что у нас царит свобода и демократия. Не надо больше никаких костылей! Мы отбрасываем эти ненужные подпорки...

Джимми настороженно умолкает, проверяя, не последуют ли возражения. Но старик ничего не говорит, он только сидит со странно окаменевшим лицом.

Молодой парикмахер осторожно продолжает:

– Вы же поймите всю символику!.. Впрочем, что символику!.. Сначала не было никакой символики, вы помните ведь! Ну?

– Помню. – Говорит старик в ответ, нервно дёрнув уголком рта. – Было сказано, что реставрация влетит городу в копейчку... И что, это повод... повод уничтожить?

– Нет же!.. Почему уничтожить? Это повод задуматься! Повод хорошенько пораскинуть мозгами – нужна ли нам эта штука. И всем сразу стало ясно, что нет – не нужна. «Америка переросла эпоху монументальных памятников и помпезных жестов!» – помните, это сказал президент. А он-то у нас хорош, тут вы сами говорили (и даже писали!) – не поспорите!.. «Эта рубашка нам больше не по размеру!» – это тоже он... Помните?

– Президент действительно так говорил. И сейчас я понимаю, что слишком боготворил его... Послушай меня, Джимми...

– Нет-нет, мистер Стоун, я ещё на договорил... Так, сейчас... Закройте-ка глаза...

Юноша ловкими щелчками ножниц снимает нависшие над глазами старика волосы. Потом хватает с белого столика под зеркалом пушистую щётку и быстро пробегается ею по щекам, затылку, шее мистера Стоуна. Потом ещё раз придирчиво рассматривает со всех сторон свою работу и, довольной хмыкнув, сдёргивает с колен старика белую простыню.

– Вот, всё, готово!.. «Стандартная деловая стрижка!» По-моему, нормально вышло, а?

Старик растирает пальцами лицо и, не глянув на себя в зеркало, согласно кивает:

– Нормально. – Говорит он.

– Тогда с Вас семнадцать долларов и двадцать центов.

Старик встаёт, выпрямляется, щёлкнув суставами, проходится по озарённой солнцем парикмахерской. Останавливается у окна, слезящимися глазами выглядывает на улицу. Слушает, как юноша уютно шуршит метлой по полу, подметая состриженные волосы. Потом опускает взгляд.

– Джимми, договори всё-таки. – Говорит он, не оборачиваясь.

– Ага, точно... – Шорох метлы умолкает. Пауза. Голос Джимми. – Я хотел сказать, что, как я понимаю, сегодня на смену старой свободе придёт свобода новая. И сегодня – это вроде как точка отсчёта. Дальше пойдут дни новой свободы, понимаете? Кардинальный перелом... Новая эра... Вроде как после рождества Христова.

Старик вздрагивает при этих словах, но ничего не говорит. Молчит.

– ...В удивительные времена мы живём. Да уж...

Юноша отодвигает от себя метлу, чешет свободной рукой в затылке.

– А... Мистер Стоун, вы слышали, что вместо этого мрачного памятника на Манхэттене построят новый комплекс досуга? Самый большой. Рестораны, аттракционы, бассейны, вроде даже небольшой цирк обещали построить.

– Слышал. – Всё ещё не оборачиваясь, говорит старик.

– По мне, это – тоже замечательно. И не только по мне – наши ребята из колледжа тоже так считают. И отец, и мать тоже, и старший брат. Правильно это! В самом деле, что возьмёшь со статуи? Изжитый символ?.. А человек должен быть счастлив, безо всякой высокопарных бредней!

Юноша вдруг замолкает, словно неожиданно усомнившись в этой простой истине, надиктованной телевизором. Взгляд его становится растерянным.

– Вы ведь с этим согласны? – Очень тихо спрашивает он.

Старик стоит спиной к нему. Он медленно вытаскивает потёртый кошелёк, ничего не говорит, словно не услышав обращённого к нему вопроса.

В кошельке, за пластмассовой полоской, вставлена фотография – вид на мост Голдн Гейт с холмов Сан-Франциско. Старик секунду смотрит на фотографию, потом быстро пробежав пальцами по купюрам, вытаскивает двадцатидолларовую бумажку.

– Джимми, если так говорит твой отец, значит, я согласен. – Тихо говорит он, оборачиваясь и пряча глаза.

– Ну, вот и хорошо. – Произносит юноша окрепшим голосом.

Он продолжает шуршать метлой.

– Вы же поняли меня теперь, да? – Весело спрашивает Джимми. – Это же так просто!

Старик поднимает взгляд.

– Да, просто... Спасибо, что объяснил... – Говорит он.

Потом шагает к юноше, протягивает деньги:

– Держи.

Джимми смотрит на него, прислоняет метлу к стене, вытерев руки о рубашку (всегда у него такая привычка, когда деньги берёт), хватая купюру, кладёт на столик. Потом запускает правую руку в свой карман.

– Да ладно, пусть тебе на чай останется. – Быстро говорит старик.

Джимми расплывается в улыбке, смотрит в сторону и снова берётся за метлу.

– Балуете вы меня, мистер Стоун... – Говорит он каким-то отстранённым голосом.

Старик тоже мельком улыбается в ответ. Но вдруг его улыбка превращается в горький оскал.

– Джимми, а меня, знаешь, из газеты выгнали... – С какой-то совсем детской обидой в голосе говорит он. – Не захотел я писать про сегодняшний праздник, вот и выгнали...

Юноша занят работой, он его не слышит. Старик, приглядевшись, замечает в ушах у Джимми наушники. Прислушивается и слышит тихий голос какого-то модного крикуна.

Джимми подметает, и его губы непроизвольно шевелясь, повторяют слова, льющиеся из «втулок».

Старик с болью смотрит на него, потом горбится, берёт до этого стоявший у кресла невзрачный серый портфель. Идёт к двери, берётся за ручку...

И уходит, не оглянувшись, ничего не сказав. Только встревоженно прыгают по стенам жаркие блики, и коротко звякает подвешенный над дверью колокольчик.

...Джимми подметает в пустой парикмахерской, напевая под музыку из наушников. Через минуту однообразная мелодия кончается. Джимми продолжает подметать. Наушники всё молчат.

Вдруг Джимми вздрагивает, точно вспоминает что-то. Продолжая бессмысленно глядеть в пол, он запускает руку в карман, прижимает пальцем лежащий там плеер. И перед тем, как вслушаться в новый поток звуков и слов, он говорит одними губами:

– До свидания, мистер Стоун.

ЕЛЕНА ФАЛАМЕЕВА

ЧУДЕСА ЭКВИЛИБРИСТИКИ

КАК И ТРЕБУЕТСЯ ДЛЯ СЕРЬЕЗНОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО произведения, звонок в дверь прозвучал неожиданно. Павел Владимирович с сожалением посмотрел на недопитую рюмку коньяка, отложил триллер, где маньяк как раз подкрадывался к ничего не подозревающей жертве, и пошел открывать. Увидев, кто именно стоит за дверью, Павел Владимирович мгновенно забыл и о коньяке, и о надуманных ужасах триллера. Эту брусничную с серебряным кантом форму знали все, от первоклассника элитной гимназии, до престарелой крестьянки на хуторе Малые Лопухи.

– Павел Владимирович Колесников? – бодро поинтересовался посыльный.

– Да.

– Вам пакет.

Павел Владимирович взял пакет, положил его на мокрые ботинки на полу, потом попытался заткнуть за вешалку, но, в конце концов, пристроил на пуфике. Посыльный наблюдал за действиями Колесникова со спокойной доброжелательностью. Дождавшись, когда Павел Владимирович перестал наконец суетиться, он подsunул ему ручку и какую-то бумажку на подпись. После чего профессионально-сочувственно улыбнулся и, пожелав приятного воскресного вечера, ушел. Павел Владимирович тотчас метнулся в комнату, где залпом допил коньяк из рюмки, налил еще одну, выпил и только после этого вернулся в прихожую. Увы, пакет никуда не исчез. И содержание его оказалось стандартным. Если вам повезло, и вы подобных писем не получали, то наверняка видели такие у родственников, друзей или сослуживцев.

«Исх. №00674940.

Уважаемый господин Колесников!

Государственный комитет по контролю над процессами соблюдения баланса, доводит до вашего сведения, что в настоящее время ваш баланс исчерпан на 93.48%. Этого хватит на 5 дней. Предлагаем вам принять необходимые меры. При желании вы также можете стабилизировать состояние баланса, заплатив стандартный штраф в любом отделении Государственного банка».

Ходили слухи, что впервые о необходимости существования баланса между обещанным и выполненным додумался «тот самый» барон Мюнхгаузен.

узен. Когда зимним вечером служанка в ответ на его просьбу принести бокал горячего вина с пряностями, хихикнула: «Ну и шутник же вы, господин барон», а через пару минут вернулась с кружкой ледяного светлого пива, барон понял, что с некоторых пор окружающие воспринимают все его высказывания с точностью до наоборот, будь то ничего не значащая фраза о погоде или дежурный комплимент знакомой барышне. А уж история про путешествие на Луну, рассказанная узкому кругу друзей, вызвала совсем неожиданный резонанс, в том числе в Америке...

На следующее утро Павел Владимирович пришел на работу с четким ощущением того, что в голове у него непрерывно стучит таймер. Столкнувшись в коридоре с начальницей отдела, Колесников молча продемонстрировал полученное вчера письмо.

– Та-ак, – Александра Федоровна, подобно своей царственной тезке прямо-таки излучала безупречную смесь брезгливости и снисходительности. – А может, вам взять несколько дней отпуска? Без содержания.

– Александра Федоровна, я справлюсь. – Таким взглядом, наверное, смотрели римские рабы на патриция, который обещал выдать им вольную – свобода свободой, а кушать хочется каждый день.

– Ну что ж. Посмотрим. И, кстати, к завтрашнему совещанию подготовьте, пожалуйста, отчет по итогам квартала, вы мне давно его ОБЕЩАЛИ.

– Конечно, Александра Федоровна.

И Колесников помчался на свое рабочее место, где его уже ожидал клиент. Нельзя сказать, что Павел Владимирович все время давал клиентам пустые обещания. По крайней мере, в вопросах, выходящих за рамки его служебной компетенции. Он в меру врал родителям, обещая, что в следующие выходные точно их навестит, уже почти год клялся Любочке, что вот-вот женится на ней и отвезет на медовый месяц в Париж, и каждый вечер обещал себе, что с завтрашнего дня бросит курить. Как показала практика, этого было вполне достаточно...

Первой феноменом баланса заинтересовалась, конечно, военная разведка. Теоретики пытались просчитать, в какой момент количество лжи переходит в качество, и уже готовили черновые разработки новых программ подготовки специальной агентуры. Рассматривались и варианты использования этого ноу-хау для формирования общественного мнения и решения наиболее острых социальных кризисов. Ну, а практики ставили эксперименты. Вот они-то и выяснили, что «эффект Мюнхгаузена», когда люди перестают верить каждому твоему слову, проявляется в единичных случаях. Гораздо чаще ложь, а, если уж совсем точно, невыполненные обещания, данные не важно, кому, в том числе и самому себе, приводили совсем к другому результату.

Результатами испытаний в первой группе из пяти человек стали: две тяжелых алкогольных интоксикации (это на секретной военной базе, под жестким контролем), одна депрессия с попыткой суицида и один инсульт. Пятый член группы отделался увольнением, поскольку руководство как-то внезапно и без видимых причин решило, что этот человек не достоин носить

погоны. Проанализировав результаты, военные подключили к делу врачей. Вот тогда и выяснилось, что после определенного количества невыполненных обещаний центральная нервная система начинала выделять некий нейророгормон, которому присвоили название *Aequilibrium*. Он-то и провоцировал всевозможные неприятности. Причем спектр этих неприятностей был практически неограниченным, включая ураганное развитие болезни у еще вчера совершенно здорового человека или банальный кирпич на голову. Люди внезапно теряли любимую работу, оставались в полном одиночестве без друзей и родственников, спивались, попадали в автокатастрофы. Причем предсказать, каков будет итог действия *эквилибриума* в каждом конкретном случае, было невозможно.

По данным статистики, самыми уязвимыми оказались артисты и политики. Трагические истории нескольких культовых рок-музыкантов даже вошли в учебник для студентов третьего курса мединститута, где срочно открыли факультет «Эквилибристика», как хрестоматийные. И если политики расплачивались за личные обещания, то актерам и музыкантам приходилось отвечать за своих героев.

Конечно, встречались и люди, которые скрупулезно выполняли все обещанное. Но вряд ли их жизнь могла служить примером для талантливых и амбициозных. Ровная, но далеко не блестящая карьера, приличная, но всегда одна и та же зарплата, крепкий, но скучный брак по расчету...

За два следующих дня Павел Владимирович сдал Александре Федоровне отчет, выбросил сигареты и вернул соседу двести рублей, взятых месяц назад «до послезавтра». Оставалась самая большая часть долга – Любочка. Колесников даже посетил частного и очень дорогого врача-эквилибриста, но, судя по результатам анализа, ни ежедневная гимнастика, ни курсы испанского, на которые он собирался начать ходить пару лет назад, не могли компенсировать обещаний законного брака.

Осчастливленная Любочка собралась в ЗАГС за полчаса. Однако там сразу начались проблемы. Толстая неопрятная тетка, буквально всем своим видом предупреждавшая потенциальных мужей о перспективах семейной жизни, отказывалась регистрировать брак немедленно, настаивая на испытательном сроке. Павел Владимирович отвел ее в сторону, показал письмо из Комитета и крупную купюру. Тетка, оценив то и другое, злорадно усмехнулась, видимо, Колесников был не первым, кто приходил в ЗАГС с подобными бумагами...

Навестить родителей Павел Владимирович приехал уже с женой. Но семейная жизнь не задалась с первого дня. Немаловажную роль в этом сыграла Александра Федоровна. Прекрасно понимая, что Павел Владимирович на неопределенное время станет гораздо более честным с клиентами, чем это вообще-то предполагалось негласной служебной инструкцией, она серьезно урезала его зарплату. Кроме того, Любочка непрерывно требовала от мужа сказать, что он будет любить ее «всегда-всегда» и что он обязательно купит ей «помнишь, тот миленький бриллиантовый гарнитурчик». Если раньше Павел Владимирович радостно на все соглашался и по доб-

роте душевной добавлял что-нибудь от себя, например, «конечно дорогая, а еще мы купим тебе норковую шубу», то сейчас он деликатно старался перевести разговор на другое. Любочка устраивала истерику. Посуды в доме серьезно поубавилось.

Наиболее интенсивный период развития эквилибристики наступил после появления современных компьютерных технологий. Соединение математических вычислений с медицинскими исследованиями позволило прогнозировать выброс *эквилибриума* с довольно высокой точностью. Именно тогда государство решило, что монополия на исследования в этой области слишком лакомый кусок для военных. Был создан Комитет по контролю над процессами соблюдения баланса, информации об *эквилибриуме* обнаруживали. Конкурс в театральные вузы резко сократился. Впрочем, уменьшить уровень *эквилибриума* в крови можно было, выполнив все данные ранее обещания и на время воздержавшись от новых. Однако каждый следующий выброс *эквилибриума* происходил все быстрее. Существовал и второй вариант: заплатив очень серьезную, а для 95% населения вообще нереальную сумму штрафа, наутро человек просыпался без каких-либо следов *эквилибриума* в крови. Что для этого делалось, кроме десятка специалистов Комитета, не знал никто, но многие серьезные бизнесмены, а в особенности политики все-таки вздохнули свободнее.

В пятницу вечером Павел Владимирович сидел перед телевизором и с отвращением давился кефиром, принесенным любящей женой. Смотреть новости, в которых нудно рассказывали о какой-то энергетической аварии, которая произошла на прошлой неделе, а ликвидировать ее последствия почему-то удалось только вчера, Колесникову не хотелось. Ехать к теще на дачу тем более. Поэтому, когда в дверь позвонили, он пошел открывать с надеждой, что визитер даст ему повод хотя бы на пару часов ускользнуть из дома. За дверью стоял давешний посыльный Комитета, на какой-то миг показавшийся Колесникову существом из прошлой жизни. Однако сейчас во взгляде юноши читалось изумление, в равных долях смешанное с уважением: «Что это за человек, которому второй раз за неделю приходит письмо из Комитета?» Павел Владимирович расписался в поданной квитанции и, забыв закрыть дверь, вернулся к телевизору.

– Дорогой, кто это был? – любимая жена, оторвавшись от приготовления ужина, заглянула в гостиную. Увидев конверт в руках мужа, она ойкнула и попятилась.

Письмо гласило:

«Исх. №00813855.

Уважаемый господин Колесников!

Государственный комитет по контролю над процессами соблюдения баланса, доводит до вашего сведения, что, в связи с аварией на электростанции, произошел сбой компьютерной системы. Информацию, содержащуюся в письме за №00674940, просьба считать недействительной. По уточненным данным ваш баланс находится в норме. Приносим вам свои извинения».

Отложив бумагу, господин Колесников направился к двери, на ходу натягивая куртку.

– Павлик, ты куда?

– Я на минутку, за сигаретами! – Господин Колесников ликовал. – Кстати, любимая, давненько мы с тобой не бывали в Париже! Махнем-ка туда на следующей неделе!

ПАВЕЛ ГРОСС

ВЬЕТКОНГ

е

САНТА-КЛАУСА Я СЪЕЛ ВО ВТОРНИК. ПОСЛЕ ТОГО, как начался проливной дождь...

– Давай-давай, – упрямо процедил сержант, – дуй вместе с ним. И не брюзжи о легкой жизни. Нет ее... И ни о чем меня не спрашивай. Я поступаю так, потому что убежден, что так правильно. Долг – прежде всего, остальное – шелуха!

Я посмотрел на Санту. Интересно, почему он еще не сбежал?

– Стив, – сержант оборвал мои мысли, – у тебя три минуты. «Оклахома» будет в квадрате 9:13 через час.

«Ок-ла-хо-ма»... Вчера вечером Чез, Никсон, Билл и Маг тоже уходили встречать «Оклахому». Чез, Никсон, Билл и Маг тоже исполняли свой долг. Чез, Никсон, Билл и Маг верили до последней минуты в то, что поступают правильно. Прежде всего – долг.

Я посмотрел на уродливые кресты. Бруклин – Чез, Даллас – Никсон, Нью-Йорк – Билл, и Вашингтон – Маг.

– Чез, Никсон, Билл и Маг...

– Ты что-то сказал?

– Нет-нет, – я поднял винтовку, – это я так. О своем...

– Сверим часы.

На моих «капельках» было без четверти двенадцать. До обеда рукой подать, а жрать нечего. Если «Оклахома» действительно прибудет в квадрат 9:13 в положенное время, можно считать, что полдела сделано. Что для солдата на войне самое важное? Правильно, не урчащий с голодухи желудок. Все остальное, вроде пиф-паф, само собой приложится.

– Одиннадцать сорок пять.

Сержант кивнул и, глядя на кресты, сказал:

– Что ж, с богом.

– Проща... До встречи...

Когда мы спустились с пригорка, Санта внезапно остановился. Я присел и, положив винтовку себе на колени, стал пристально смотреть на Санту. Прямо за ним раскинулось неровное поле в бледно-зеленых пятнах. Точно такое поле находится за моим домом. Даже пятна на нем, как мне кажется, имеют такую же, как эти, форму. Но мой дом... Боже, он далеко – в Айдахо. Санта, покрутив головой, вытянул руки и приподнялся на цыпочках. Спусти несколько мгновений он, глядя на меня, вздохнул.

– Ты что-то услышал?

Санта описал указательным пальцем полукруг в воздухе и потом несколько раз помахал руками.

– Что ты хочешь сказать?

Тьфу, будь ты проклят! Как я мог забыть, что Санта немой! Он попал в наш отряд в ноябре. После захвата небольшой деревушки. От нее до Меконга десять минут ходьбы.

Санту мы нашли под обломками хижины. Станным было то, что все вокруг выгорело, а место, где прятался Санта, не пострадало. Наши летчики старались от души, заливая напалмом деревню. Санта лежал на земле целый и невредимый – ни единой царапины. Сержант резко поднял Санту и просунул ему в рот нож... Мы и слова не могли произнести, когда увидели в его руках язык, похожий на маленькую красную тряпочку. И еще... В деревне, кроме Санты, не было ни одного человека. Похоже, люди покинули деревеньку за несколько часов до начала атаки...

Сант можно было доверять, так как после его появления в отряде (сержант взял Санту проводником), с нами стали происходить совершенно необъяснимые вещи. Однажды, пробираясь к лагерю вьетконговцев, мы попали в засаду. Вероятно, кто-то предупредил желтопузых. Ловушка захлопнулась в тот момент, когда сержант отдал приказ о захвате лагеря. Высокий Билл – парень из Техаса, так мы его звали – засаду заметил первым. Он, взяв огонь на себя, выскочил на небольшую полянку и обрушил на узкоглазых маломерков свинцовый ливень. Вьетнамцы, не ожидая такого натиска, через некоторое время отступили. Уже в лагере мы увидели, что куртка Билла превратилась в противомоскитную сетку. Его должны были убить раз пятьдесят или шестьдесят, но... На теле Высокого Билла не было и царапины. Он, не веря в провидение, случайно посмотрел на Санту, который, сидя у обгоревшего дерева... молился. Так нам, по крайней мере, показалось. Другой необъяснимый случай произошел во время минирования моста, переброшенного через речушку Хонгха. Этот мост находится в миле от деревеньки Пхе По, в которой располагался наш временный лагерь. Когда минирование закончилось, рядовой Блоук по халатности поджег бикфордов шнур. Такое иногда случается. Блоук накануне минирования перебрал виски, и к утру даже не успел протрезветь. А так как с людьми у нас было совсем худо, решено было взять и его. Дикая ситуация... Пятьдесят килограммов тротила, корявый скелет моста, и мы, ошарашенно взирающие на горящий шнур. Когда от огня до шашки осталось не больше пяти миллиметров, внезапно у «закладки» появился Санта. Мы даже не смогли понять, как это произошло, ведь Санта остался в лагере. Он улыбнулся, коснулся руками груди, несколько раз топнул ногой и глубокомысленно покивал. Через мгновение на месте «закладки» разверзлась пропасть. Санта, глядя на нас, осторожно подтолкнул ногой к провалу туго связанные между собой тротильные шашки. Гулкое эхо взрыва послышалось откуда-то снизу...

Санта повернулся в сторону поля и махнул рукой на бледно-зеленые пятна. Тут же окружающее нас пространство наполнилось подозрительными звуками. Я встал, и в то же мгновение земля подо мной задрожала и стала уходить из-под ног. Санта присел и, не опуская рук, издал едва различимый гортанный звук.

– Что происходит?

Вместо ответа я услышал переключку: «Альфа», «Браво», «Чарли», «Дельта», «Эхо», «Фокстрот», «Гольф», «Отель», «Индия», «Джультетт», «Кило», «Лима», «Майк», «Ноябрь», «Оскар», «Папа», «Квебек», «Ромео», «Сьерра», «Танго», «Униформ», «Виктор», «Виски», «Эксрей», «Янки», «Зулу»...

– Проклятье! – это были позывные всех ребят, с которыми я служил в одном подразделении.

«Браво», «Чарли», «Гольф», «Джультетт» – позывные Чеза, Никсона, Билла и Мага. Они погибли вчера во время встречи «Окхлаомы». Прах остальных, кроме «Янки» и «Зулу», уже давно развеял ветер. «Янки», «Зулу»... «Янки» – позывной нашего сержанта. «Зулу» – мой позывной...

Над полем появился большой десантный вертолет. Он садился на одно из бледно-зеленых пятен. Когда шасси коснулись земли, из раскрывшейся со щелчком двери наружу высыпала орава солдат. Это было вызванное трое суток назад подкрепление – «Ок-ла-хо-ма!» Я, не видя больше Санты, встал и, сделав два шага вперед, замер... С противоположной стороны поля к вертолету бежали Чез, Никсон, Билл и Маг. Они на бегу выкрикивали приветствия, забыв о том, что в лесу могут находиться вьетконговцы.

– Что происходит? Они же погибли еще вчера!

Я, не веря своим глазам, сделал шаг назад.

– Черт...

Нога уперлась во что-то мягкое. Санта?! Медленно оборачиваясь, я напряг палец на спуске. Са-н-та! На земле лежал десятилетний паренек, с которым мне посчастливилось познакомиться в ноябре, в небольшой деревушке, от которой до Меконга примерно десять минут ходьбы. После того, как паренька взяли в отряд проводником, ребята окрестили его Санта-Клаусом. Это прозвище прикрепило к маленькому мальчику потому, что у него была длинная седая борода и густые брови. Мальчик – не мальчик, старик – не старик. Мутант! Таких во Вьетнаме много, из сорока с лишним миллионов примерно каждый десятый. Мутации в организме вьетнамцев начали происходить после первых химических атак.

– О боже!

Возле нашего проводника и спасителя сидел сержант. Он отрезал Санте руку...

– Держи, – сержант протянул мне окровавленную кисть, – ешь!

Я непонимающим взглядом посмотрел вначале на сержанта, потом на мертвого Санту. И тут что-то во мне надломилось. Я направил винтовку на сержанта в тот момент, когда тот абсолютно спокойно произнес:

– Санта так хотел, мы должны его съесть...

Съесть? Санта хотел перед смертью, чтобы мы его съели? Что за бред? Чуть собачья.

– Ешь!

Сержант кинул окровавленную кисть мне под ноги.

– Санта уверен был, что только так мы сможем избежать смерти. Ешь!

Я яростно выругался. Теперь каждая моя мышца ныла от напряжения. Все вокруг выло и стонало – ветер дергал и тряс верхушки деревьев, позади

слышалось надменное эхо выстрелов. Я больше не мог сохранять хладнокровие и рассудительность.

– Ешь, если не хочешь погибнуть, как «Оклахома», Чез, Никсон, Билл и Маг. Ешь!

Теперь я особенно остро ощутил, как уязвима человеческая плоть. Теперь я с ужасом думал, что нет ничего вечного на земле и, наверное, никогда не будет.

– Ешь!

Я, обернувшись, увидел пикирующий над поляной самолет. Белые буквы, замеченные на борту, мгновенно вернули меня к реальности: «USAF».

– Ешь, пока они нам на головы не вылили адское варево.

Самолет, пролетая над поляной, выплеснул на десантный вертолет густой стужень и тут же резко ушел в небеса. Интересно, много ли уйдет времени на то, пока прогорит обшивка «Оклахомы»?

– Ешь! Самолет уже идет на второй заход. Я верю Санте. Ешь!

Мне сейчас не дано было утешиться словами сержанта. Ведь тех, кто пришел нам на помощь, уже нет. Нет Чеза, Никсона, Билла и Мага. Нет и Санты – маленького человечка, плоть которого мне суждено было с минуты на минуту вкусить. И все из-за просчета какого-то штабного чудака, перепившего с утра виски. Время сковало меня тяжелыми оковами. Любой другой наверняка предался бы отчаянию и напрочь потерял рассудок... Последнее дуновение ветра затихло, прежде чем я поднял с земли окровавленную кисть Санты...

Меня зовут Джейсон Мак Рэй. Я родился в прошлом веке, в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Это уже шестьдесят девятое Рождество, которое случается на моем веку. Санта-Клауса я съел во вторник. После того, как начался проливной дождь. Дожди на Рождество большая редкость. По крайней мере, здесь, в Айдахо. Много ли осталось в моей памяти с той давней, вьетконговской поры? Трудно сказать, но это уже пятидесятый Санта-Клаус, которого я съел. Все они, кроме одного, сахарные. Их можно купить в канун Рождества в любом магазинчике. Все они сладкие, кроме того, которого я съел на пару с сержантом. Мир его праху! Боб Саммерс почил через год после окончания Вьетнамской кампании. Он умер под Рождество... от голода. Трудные тогда были годы. Трудные. Хотя, может быть, мне так только кажется. Позавчера был на приеме у врача. Тот сказал: «Гм-м, весьма и весьма странный вы, дедушка. Вам уже шестьдесят девять, а вашему организму может позавидовать любой юнец...» Вот и я думаю, что есть во мне что-то странное. Ведь нельзя постоянно быть молодым. Я не шучу. Если сравнить фотографии, сделанные во Вьетнаме, и мои нынешние – различий не найти. Я даже внешне не постарел. То же лицо, те же глаза. Даже волосы не поседел. Такое положение вещей на самом деле весьма и весьма тягостное. Говорят, стареющие звери отправляются на поиск смертного овра только в известные одним им места. Поступают так люди или нет, не знаю. Впрочем, я уже все решил. Билет до Ханоя купил в кассе, расположенной как раз напротив магазинчика, в котором продают отменных сахарных Санта-Клаусов. При случае обязательно загляните в магазинчик на тридцать восьмой улице. Его не трудно найти. Сразу за поворотом после бензоколонки. Так о чем я? Ах, да! Рейс до Ханоя номер 1345672. Вылет через сутки...

СЕРГЕЙ ПОГОДИН

КАК ГОЛУБЫЕ ГИГАНТЫ БЕЛОГО КАРЛИКА ОБИЖАЛИ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

ИНТЕГРАЛ ПО КОНТУРУ ЦЭ ИКС В КУБЕ ДЭ ИКС ПЛЮС Четыре Игрек Квадрат Дэ Игрек, ещё раз догадаюсь, что это ты мне хвосты в цейлонскую косичку завязал – прибью к потолку за третье ухо, будешь так всю ночь висеть! Тебе всё равно на День рождения очередную дырку прокалывают, вот и отметишь у меня... раньше времени.

Так, теперь к новеньким. Как вас там... Модуль Числа Пять и Модуль Числа Минус Пять... Бред какой-то – число в модуле отрицательным не бывает! Хотя... это всего лишь имя, а родичи твои, по всей видимости, математические извращения. Спецификацию на покой принесли? Я же должен знать, какую вам койку готовить. Криогенную камеру или, может, термическую печь, а то и вообще, кислотный бассейн. Не забывайте, что я за вас отвечаю! Не понял: ты кто – плюс или минус? И причём здесь Силурийский питон? Что? Вы с ума сошли? Где??? Ну, слава богу, что по своей малолетней дурости, детский шкафчик с холодильником перепутали. Уф-ф, хотел уж было эвакуацию объявлять. Вы знаете, что он не только душит, но и жувильным ядом плюет, да кусается? Одной капли достаточно, чтобы всю планету отравить! Вы бы весь детский сад только на одном противоядии разорили. И что? Без его укуса спать не можете, вот и вся спецификация? Он у вас навряде снотворного? Что-то я о вас, ребятки, слышал. Вы, случайно, родом не из Гелишеры, там, где сплошные близнецы, и имена детям путают? Не путают, а меняют по очереди? Минус тебе завтра достанется? Ну, тогда всё понятно! Я вам укол из синтетического аналога сделаю, а питона в анабиоз отправим. Пока вы другое место пугать не отправитесь... Хорошо, что он активный только при высокой температуре...

Модуль Числа Пять, давай бери брата и на вышеназванную процедуру, а потом устраивайтесь, где придётся. Вам ведь всё равно. А остальные будут слушать сказку про двух голубых гигантов и одного белого карлика. Голубых не в смысле – голубых, а просто голубых! Непонятно? Ну, цвет у них голубой, масть такая, а сами они нормальные... в смысле, обычные... Температурная характеристика, горячие они, прям как голубые... Тьфу, ты! Совсем я

с вами запутался, да и рано вам ещё такие вещи знать! Так, все по койкам и внимание на меня.

А было это давным-давно. Когда только-только третье поколение звёзд народилось, а кое-где ещё второе свой век догорало. Тогда пошла жуткая мода у молодёжи окружать себя твёрдыми планетами, из праха предыдущего поколения, а не как раньше, только газовыми шариками. Всегда ведь так: то, что для стариков кощунство, – молодым забава. Говорят, конфликт отцов и детей с этого некрофильного момента отсчёт и ведёт. Только не о нём речь. Тут история пожестче будет.

Поймали как-то Голубые гиганты, образующие двойную звёздную систему, Белого карлика, видать – на галактической орбите им попался, вот они его своей мощной гравитацией и утянули. И образовалась тройная система, вращающаяся вокруг общего центра тяжести. Такое редко, но бывает. Поймали, и давай его пользоваться!

Вот я иногда думаю: кто у кого научился – звёзды у живых или живые у звёзд? Ведь повадки одни и те же. Тот, кто побогаче, да посильнее, стремится бедного и слабого до нитки обобрать. И у звёзд то же самое: у кого масса больше, тот и чужое звёздное вещество на себя перетягивает. Если мы от такого произвола двери запираем, то там только расстояние функцию замка выполняет. А ну как его нет? Расстояния, то бишь. Это у нас: пошёл, да купил дверь покрепче. А там законы физики. Им под нос деньги не сунешь, у них иные ценности. Как система зародилась, в таком виде и миллиард лет пригложаться будет. Раньше эти голубые архаровцы друг дружку жарили, потому, как массы были примерно одинаковой, а расстояния между ними с поцелуй. Вот и целовались меж собой до посинения спектра. А кто виноват, что их изначально такими мать-природа создала – двадцать пять тысяч на поверхности!

Поймали они, значит, Белого карлика, притянули к себе поближе, и поволокли далее по своей орбите. А между тем давай привычным делом заниматься. Друг дружку поцелуют, и Белого карлика поимеют. Молодые, здоровые, наглые, а тот уж свой век пожил, всю былую энергию на Вселенную растратил. Никакого уважения к старику. Отморозки, они, надо сказать, любой температуры бывают. Пытался он от них убежать, да куда там. Ни скорости, ни массы не хватает. Импульс уже не тот, слабоват. Пытался протуберанцами отплёвываться – так им только того и надо: зажевали и не подавились. А старик, надо сказать, в своё время был ещё тот «ГОТ»! Таких, как эти, мог сразу обоих на ось посадить, и вертеть как душе угодно. И никакого бы общего центра тяжести не понадобилось – как миленькие вокруг него бы болтались, и массой-энергией делились. Он и сейчас был ещё ого-го – карлик, только по сравнению с ними, однако, противопоставить двум наглецам он мог только свои воспоминания. В данном случае, не конвертируемые. Но в душе, сиречь в ядре, всё кипело.

Е не Равно Эм Цэ Квадрат, прекрати паясничать. По оценкам учёных, у вашей расы и души-то никакой нет. У всех есть, а у вас нет! Хватит крутить новеньких Модулей вокруг себя – не видишь, они уже в других сферах?! Им

уже всё равно. Положи на место, и прыгай в своё импровизированное дупло. Увижу, что глаз высунул – заткну нафталиновой пробкой! И дупло и глаз! Быстро-быстро.

А я продолжаю.

И чем больше они Белого карлика так пользовали, тем больше у того внутри всё клокотало. Нуклеосинтез ускорялся. А самое обидное, что даже одноглазые бестии кометы, которым годков-то совсем ничего, от гигантов огромные хвосты держали, а от старичка – маленький-плюгавенький. Полный беспардон на виду у всей Вселенной. И закрыться нечем, ни от насильников, ни от ехидных внешних глаз. Однако недолго, по звёздным меркам, у голубых болванов лафа продолжалась. Не знали они, с кем связались. Что это далеко не первый видок у старикана, ибо тот прошёл большую стадию своей эволюции. А они своим безобразием лишь ускорили закономерный финал. В один прекрасный... э-э... что там у нас?.. День не подходит... Пусть будет – миг... В один прекрасный миг этот белый карлик, который и не карлик был вовсе – даже в нынешнем виде, а бывший звёздный Сверхгигант, взорвался Сверхновой! У бедных Голубых разом крышу сорвало. В смысле, часть звездной атмосферы в просторы космоса отлетело. А на месте Белого карлика образовалась мощная Чёрная дыра. Выгорело у старика всё в душе, одна пустота осталась – вот его и схлопнуло гравитацией. А заодно и Голубых гигантов, вернее – то, что от них осталось – туда утянуло. За мизерное, по звёздным понятиям, время. И поделом им. Где эта Черная Дыра – три в одном – сейчас летает, не знает никто. Даже Гугуцэ. И шут с ней. Злющие они, эти чёрные дыры. Видать, неспроста.

Вот, и вы на будущее, рябятки, учтите – не обижайте незнамо кого. Может самым боком выйти! И знамо кого тоже не обижайте. Ибо некрасиво, и на всякий случай... Жизнь, она по-разному все сослагательные расставить может. Когда вы... А когда и вас... А сейчас спать. Спать спокойно. Здесь вас никто не поглотит. Я не дам! А кого через пять минут услышу, сам лично в чёрную дыру телепортирую! Спать! И ни гу-гу больше!

ЮЛИАНА ЛИНКС

ПЛЯЖНАЯ ЛЮБОВЬ

НА ВЫШЛА ИЗ ВОДЫ, СТЯХНУЛА С ВОЛОС ОСТАТКИ морской пены, лениво оглядела желтый пляж и примостившихся на нем отдыхающих.

«Как же я долго спала! Сколько здесь работы!»

Невидимая для людей, Она шагнула на горячий песок. Так, что тут у нас? Двое парней скучают. Одинокие. Не только сейчас, но и по жизни. Непорядок! А рядом ведь – такие же одинокие девушки. Она присела рядом с молодыми людьми, страстно дыхнула в их сторону. Один из парней вдруг густо покраснел, нервно отхлебнул пиво из бутылки. «Хорошо, – Она одобрительно кивнула, – теперь можно и к девушкам...»

– Ген, я давно тебе хотел сказать, – парень запнулся, стараясь не смотреть на друга. – Я... это... в общем, я гей!

– Э-э-э... Да ты знаешь, я, по-моему, тоже...

«Упс! Кажется, перестаралась!» – Она с недоумением смотрела вслед свежееобразовавшейся нетрадиционной парочке, которая еще слегка стеснительно, но уже достаточно радостно бросилась к морю.

Хорошо, первый блин – туда ему и дорога. Что мы еще можем сделать? Ага, прямо по курсу семейная пара, вместе пятнадцать лет, муж остыл к жене. Впрочем, к эдакому бочонку на ножках кто угодно остыл бы... Ладно, попробуем. Она наклонилась к супружеской чете, обдала ее жарким дыханием. Мужчина со вздохом сожаления проводил взглядом пробегающую мимо красотку.

– Сволочь! – завизжала Бочонок. – Всю жизнь только и делаешь, что на чужие ноги заглядываешься! Давай, беги, догоняй, чего ж ты сидишь, падлюка?

Муж вздохнул и уставился на собственные пятки. Бочонок открыла рот для нового визга.

Она брезгливо поморщилась и отошла. Успев, однако, просчитать любовно-флюидную вероятность: девять с половиной шансов из десяти, что этой ночью муж таки догонит красотку.

В полете Бочонок. А так хотелось спасти семью. М-дя, видать, и правда спала слишком долго... Ладно, начнем с самого простого. Во-о-о-н у той парочки все хорошо. Любят друг друга, к свадьбе готовятся. Но кто сказал, что нельзя их чувства немного освежить?

Вдох-выдох, и...

Девушка, одаренная флюидами любви, вдруг как-то резко погрустнела. Ну, что опять не так? Она вдохнула побольше воздуха, удваивая дозу флюидов.

– Я не могу выйти за тебя замуж, – девушка, казалось, и сама удивилась своим словам. – Я все еще люблю Алексея. Все время любила, просто мои чувства к нему были... спрятаны, что ли? А сегодня... сейчас... Прости.

Уже бывшая невеста начала быстро собираться... Парень ошарашенно пытался выяснить, чем он ее обидел. И когда?

Ну все! Хватит! Как же надоели эти семейные запреты! Первый – и самый нелепый: нельзя влиять на выбор людей. В смысле, внушать чувство любви можно (и нужно!), но указывать, кого именно любить – нет! Второй: нельзя являться людям. То есть, стать видимой для простого смертного она может, но лишь взамен на временную потерю Силы. Ну и ладно! У нас кроме Силы еще и недурная внешность имеется. Хоть кого-нибудь сегодня, но ошастливаю.

Она возникла перед рослым мускулистым красавцем, уверенно вышагивающим по пляжу, соблазнительно улыбнулась, накрутила на пальчик золотистый локон.

– Эй, дэвушка, пахлаву купы, да? – обратился к ней красавец. – Вкусный пахлава, как раз для твоей фигурки, да!

Она сидела на камне у берега и смотрела вдаль. День догорал закатом, а результатов труда – ноль! Люди либо совсем не реагировали на ее старания, либо реагировали, но так извращенно...

В порыве любви девочка-подросток оторвала лапки ни сном, ни духом не ведающему о флюидах крабику. А потом полчаса прорыдала над ним на пляже.

Ее старшая сестра, не дождавшись ответных чувств от красавца с пахлавой, понеслась топиться в лимане. Предварительно расшвыряв ни в чем не повинную пахлаву по песку.

Седовласый муж вырвал страницу из «Плейбоя» и принялся тыкать ее в лицо каждому пляжнику, выясняя, не встречал ли кто его суженую?

И так далее в том же духе...

Она печально вздохнула.

«Выходит, я только мешаю, я вообще здесь никому не нужна?» За спиной, за пляжем, курортный городок, за ним – другие города: большие и маленькие, другие страны, континенты... Там везде есть такие же, как Она. Может, у них дела обстоят получше? Вздохнув, Она побрела в море. Все глубже и глубже. Смысл оставаться здесь?

Утро следующего дня

Она вышла из воды, стряхнула с волос остатки морской пены, лениво оглядела желтый пляж и примостившихся на нем отдыхающих.

«Как же я долго спала...»

29. 05. 09

ОЛЬГА ЧИБИС

ПО ЭТУ СТОРОНУ СКАЗКИ, ИЛИ МОЙ КОТЁНОК ЛЮБИТ ЯБЛОКИ

ТО ПОЧТИ НЕВЕРОЯТНО, НО ОНА ДО СИХ ПОР МЕНЯ НЕ убила. И даже не выгнала. Я был уверен, что, только зайдя в квартиру, она примется трезвонить мне на сотовый, угрожая милицией и инфарктом. Ведь еле-еле упросил не повышать еще два месяца плату, обещал не приводить подруг и даже поливать кактусы. И сразу после этого – на тебе! Одни горшки чего стоят. Разбитые. А пятна на линолеуме? Тут и слона удар хватит, не то что эту старую... Зою Максимовну.

А ведь я мог бы уже два дня быть на даче – кататься на велосипеде, чай на веранде гонять, овечек фотографировать, просто спать... И всё бы вертелось по привычному кругу. Если бы девочка Варя не опрокинула ящик с хмурашками.

Впрочем, пойду по порядку.

Я работаю в сказотеке при кафедре сказки, и в целом мне это нравится. Работа интересная, люди увлеченные, атмосфера творчески-доброжелательная. Но иногда меня преследует мысль, что я здесь не совсем на своем месте. Особенно в такие моменты, как сейчас: на носу ежегодная отчетная конференция «Актуальные проблемы сказкотворчества», и всякий уважающий себя сотрудник горит желанием подготовить новую сказку. Кроме меня. У меня потребности писать сказки – ну ни малейшей, так же, как и выступать на конференциях, обсуждать чьи-то доклады, сравнивать своих и чужих героев, сюжетные ходы и речевые обороты... Ну не сказочник я, что поделаться!

Коллеги этого не понимают. «Юрочка, – убеждают они меня, – вы просто начтите! Главное увлечься, а дальше само пойдет!» В чем-то они, конечно, правы: увлечься можно. В конце концов, как поется в одной песенке, «если укус пить стаканами, то и укус можно полюбить». Правда, если у вас, к примеру, слабый желудок, стоит ли того... пить укус? Да еще стаканами. На мой взгляд, сказки – вещь совершенно безвредная, но настолько же и бесполезная. Наш любимый заведующий может сколько угодно доказывать, что «сказка – та же реальность, только с другой сторо-

ны», но скажите, кому и как может помочь очередная история о Спящей красавице или Звездном мальчике? Да, авторская, да, современная, да, забавная, но – что в ней толку?! Как, впрочем, и в феях-художницах, рисующих узоры на древесной коре, или великанах, которые по ночам сажают в строгом беспорядке леса... Помогут они вам здоровье восстановить? Денег на квартиру заработать? Объяснить разъяренной хозяйке, что испорченный линолеум – дело рук сказочного персонажа?! Так, что-то я увлекся. Возвращаюсь в позавчерашний день.

Это был последний день практики, и он подходил к концу. Студентов я уже отпустил. Радостные первокурсники (вернее, теперь уже второкурсники) разбежались наслаждаться остатками каникул. Рядом со мной крутились только две отличницы-подружки. Переминались с ноги на ногу, переглядывались...

– Кхм-кхм... Юриваныч! – наконец решилась одна.

Пышная фигурка, маечка в обтяжку, а губы пухлые и матово блестят. Плюшевая девочка. Даже имя у нее какое-то плюшевое – Варя.

– Юриваныч, – она робко заглянула мне в глаза. – А правда... правду говорят, что в сказотеке есть ненужные персонажи?

– Ну, есть. И что? – строго спросил я.

Она нервно потерела цепочку брелока.

– А это возможно – получить... какого-нибудь?

– Кто тебе об этом сказал? – я сурово сдвинул брови.

Вообще-то да. Возможно. А иногда и желательно. Но всем и каждому об этом знать совершенно ни к чему.

Иногда сказотеку просто необходимо «почистить» – если накопилось слишком много однотипных персонажей. Вроде ёжиков или, там, домовых. Уникальной ценностью они не обладают, к тому же каждый год поступают в большом количестве. А кое-каких можно отдать и студентам, особенно таким, как Варя – аккуратным и старательным. Она лучше всех работала на практике, ей даже можно было доверить пересадку дракончиков, не опасаясь, что она попытается их пощекотать. В прошлом году недоглядели и подпустили к контейнерам мальчишку с чересчур длинными руками. Так у одного дракончика появились рога (ветвистые!), а у другого развеялся хвост. Обоих зверьков пришлось кропотливо восстанавливать, а студент «заработал» проблемы с зачетом.

– Ну, и кого бы ты выбрала? Ёжика с грибочком? Царевну-лягушку? – Про царевну я сказанул провокации ради: заинтересуется или нет. Таких лягушек, которые могут вдруг обратиться в девицу, мы не держим. И вообще обычно не связываемся с антропоморфными существами, по крайней мере, пока метод овеществления сказочных персонажей до конца не изучен. Кое-кто у нас, конечно, есть – те же домовые или гномики. Но вот всякие Снегурочки, Иван-царевичи, а уж тем более великаны с людоедами – до этого мы не доросли. Они слишком похожи на людей, чтобы разглядывать их через стекло контейнера. Словно бабочек каких-нибудь.

Варя никаких провокаций не заметила и прямо-таки расцвела от радости:

– А котёнка можно? Говорящего...

Ну естественно! Кто бы сомневался. Кого еще может выбрать такая плюшевая девочка?

– Ну, котенка так котенка.

– Мне вот того, черненького, с белой грудкой, – Варя аж подпрыгивала от нетерпения, – ладно?

Понятное дело, раз черненького, то непременно чтоб с белой грудкой. А подружка ее, Настя с длинным носом, наверняка рыжего попросит. С белыми лапками.

И на кой они им нужны, эти говорящие котятка? У нас их чертова туча – три огромных ящика, целый стеллаж. Однажды они разбежались. Котятка. Кто-то из нас забыл прикрыть контейнер, и они тут же заполонили весь этаж, потом здание – и просочились на улицы прежде, чем мы успели их отловить. Скорее всего, они постепенно развелись, но до того момента наверняка не раз попадались на глаза прохожим. Иначе чем объяснить новый шквал сказок про говорящих котят?!

Я взял один из небольших старых контейнеров и подал девушке:

– Держи. – А сам вооружился сачком, открыл ящик с говорящими котятками и принялся вылавливать черного, пушистого, с белыми лапками.

Котятка шарахались от моих рук, прыгали через сачок и безостановочно верещали на разные голоса: «Мяу!», «Хочу молочка!», «Давай дружить!», «Мур-мур-мур!», и даже «с Новым годом!»...

– Ну слава богу. Уфф... – Я плюхнул котенка в Варин контейнер и быстро захлопнул крышку.

Варя прерывисто вздохнула (вот он – вздох абсолютного счастья!), сложила губки поцелуем и принялась совершенно по-детски сюсюкать. Из коробки доносилось приглушенное: «Хочу молока! Погладь животик!»

Настя, застенчиво шмыгая длинным носом, попросила и себе «вон того мало-ю-юсенького рыжика». Я снова взялся за сачок, а эти глупые котятка снова принялись прыгать, пища свое: «Мур-мур-мур», «Привет», «Хочу дружить-ммрмяу!» Ужас ведь! Спятить можно!

Как по мне, лучше уж завести настоящую кошку, этакий генератор мурчания. Чтобы терлась о ноги, теплая и мягкая, вспрыгивала на колени, откликалась на свое имя, вредничала, в конце-то концов. А эти – одно название, что котятка. Безмозглые схемы, модели, которые только и способны, что щурить огромные глаза, выгибать спину и повторять несколько слов из своей сказки. Мне бы надоело в момент! Хотя почти все мои коллеги в свое время забрали себе по парочке. И родственников наделили. И друзей. И родственников друзей, подозреваю, тоже.

– Юриevич, – Варя подняла на меня блестящие глаза, – а он меня понимает?

Я тоже длинно вздохнул – подчеркнуто терпеливо.

– Варенька, ну как он может тебя понимать? Сама подумай. Как он может понимать хоть что-нибудь? Представь себе овеществленную, то есть объемную, фотографию – много она поймет?

– Это как голограмма?

– Ага. Голограмма, которую научили двигаться и произносить слова.

– Но, – Варя с обожанием посмотрела на своего котенка, – он же не голограмма?

– Да? А что он такое? Ну-ка, Варенька, расскажи, что вам читали на лекциях по прикладному сказкотворчеству.

– Ну... То ж теория! А когда их видишь, – она прижала к себе контейнер, – это совсем другое.

В точку. Для того и задумывалась сказотека – чтобы не просто сохранить информацию о персонажах (для этого и книжек достаточно), но чтобы стимулировать воображение. Особенно у молодых и впечатлительных. Вроде первокурсников. Ибо то, что мы читаем, и то, что мы видим воочию, задействует разные структуры восприятия.

– Ну а все-таки? На лекции-то ходила? Что там говорили о сущности наших образцов?

Варя покраснела, зажмурилась от усердия и начала бубнить, точно сдавая экзамен (бедная девочка!):

– Ну, я так поняла, что, если сказочник придумал образ, то он уже существует... в пространстве... Только в другом измерении. А вы научились перебрасывать его в наше таким образом, чтобы его становилось видно...

– И в отрыве от сказки. Умница, все ведь понимаешь, – похвалил я и выразительно посмотрел на дверь. Лаборанты, мол, тоже домой хотят. Особенно которые почти в отпуске.

– Юриваныч, – не унималась Варя. – А можно... можно мне будет с вами поехать? Ну, к сказочнику какому-нибудь? Я даже сама хорошего сказочника в Интернете найти могу.

– С этим к Сидор Пимычу. Но, думаю, можно. – Сидор Пимыч, наш заведующий, очень любит брать с собой в командировки таких вот плюшевых девочек, которые очень любят сказки. Потому что их, плюшевых девочек, очень любят сказочники. Сказочники ведь народ непредсказуемый: кто-то простой и радушный, а к кому-то и на Коньке-Горбунке не подъедешь. – Ну что? До сентября?

– Ага! – Варя радостно кивнула, неловко повернулась и врезалась своим контейнером в ящик хмурашек. Настя с перепугу ткнулась плечом в другой...

Так я стал временным обладателем этого недоразумения с лемурийскими глазами, которое, кажется, только и делало, что опрокидывало посуду, врезалось в шкафы, сбрасывало с полок сувениры – короче, громило мою с таким трудом отвоеванную квартиру. Но не оставлять же его было там, под стулом?! Впереди было два выходных дня – за это время он мог разгромить половину сказотеки. Наши контейнеры – из стекла и пластика – довольно прочные. По крайней мере, те, что мы заказали недавно. Но есть и старые, хлипкие, которые лично я давно бы выбросил. Если бы кафедру, часть государственного учреждения, финансировали раза в четыре щедрее. А некоторые персонажи, из самых безвредных и малоподвижных («живые» буквы и

знаки препинания, рыба-мудрец Всёмга, поющий камень), вообще сидят в аквариумах... Но, кажется, я снова отвлекся. Возвращаюсь к катастрофе.

Девчонки честно помогали мне до самого вечера. Мы вымели осколки, отыскивали в углах всех белочек-стрекотух, выловили сачками хмурашек. Времени это отняло довольно много, потому что в сачок их загнать трудно, а трогать образцы руками категорически запрещено. Допустить их столкновения друг с другом тоже было нельзя.

Наконец бедлам был побежден, а все персонажи из разбившихся ящичков расселены по новым «домам». Хитрая мурмышка, свернувшись калачиком, урчала без усталости, чтобы сбить с толку коварную кошку. Компания захламликов, похожих на комки пыли с блестящими глазками, рыскала в поисках пылинок. Семейство хмурашек – невольных виновников катастрофы – восседало кружком, свирепо хмурия огромные брови. За этими своими бровищами они прячутся, когда рассказывают друг другу страшные истории... Одно из говорящих котят я почему-то недосчитался. Неужели выскользнул? Ну да ладно, невелика потеря.

Выпроводив счастливых котоводец, я перевел дух и заварил себе чай. Было уже около десяти вечера, и по этажу ходили охранники, напоминая безумцам вроде меня, что скоро здание закроется. Очень не хотелось думать о том, что вот сейчас придется встать и уйти – чтобы решать проблемы с Зоей Максимовной, которая каждые два месяца повышает плату за жилье, через каждые пять минут меняет свои решения, за глаза рассказывает о тебе всякие гадости и ни одного своего визита не оставляет без скандала с соседями...

Встать все-таки пришлось. Хотя бы для того, чтоб помыть чашку. И уже сделав шаг к двери, я заметил, что из-под стула, на котором я только что сидел, на меня тарачатся два ненатурально больших круглых глаза...

Мне пришлось взять его домой. Загнать в огромный пакет из супермаркета и – взять. Благо, что живу совсем рядом. Больше ничего путного в мою бедную голову не пришло. Его контейнер разбился, а оставлять образцы без присмотра никак нельзя. Эти сказочные персонажи только кажутся невесомыми, но на деле те из них, кто покрупнее, вполне способны передвигать нетяжелые предметы.

Я убедился в этом еще раз, понаблюдав с минуту, как разлетаются шторы и тапочки, когда в них врывается мой неожиданный гость, и послушав возмущенный звон разбивающихся чашек.

Только-только я перевел дух – заголосил звонок. Зоя Максимовна?! Это очень в ее духе – нагрянуть на ночь глядя «с проверкой». Само по себе, между прочим, это кое-что о ней говорит.

– Кто там?

– Соседка Тамара!

Томочка. Ну, это не страшно. Я распахнул дверь.

Голос у Тамары низкий, почти трубный, и это её «соседка» звучит как «царица» – про себя я её Царицей и зову. А сама она маленькая и юркая, прямо как муравей. В одной руке она с трудом удерживала сковороду, локтем другой прижимала к себе несколько книжек.

– Юрочка, это тебе, – она сунула мне книги. – Ты ведь собираешь сказки? Кто-то у мусорки положил, а я пожалела.

Я подавил вздох. Ну почему, почему все так уверены, что я собираю сказки?! И куда мне их собирать? У меня же всего одна комната, и та съемная, а не сказочный теремок, который внутри в три раза больше, чем снаружи. Но так уж повелось: все знакомые считали своим долгом одарить меня старыми книжками.

– А это... – начала, было, Тома и взвизгнула. Прямо в колени ей врезался несуразного вида фантом. От столкновения его отбросило назад, он постоял, не меняя выражения лица и колыхаясь, как привидение, а потом бездумно свернул в комнату.

– Ой, мамочки! Кто это?!

Я развел руками.

– Озяблик.

– Озяблик? – Царица Тома сунула мне сковородку (при этом меня самого отбросило назад) и ринулась вслед за зверьком... существом... Тьфу! Ну вот как их прикажете называть?! Короче, вслед за озябликом. – Какая прелесть!!!

– Руками не трогай! – заверещал я в ответ и ягуаром скакнул на кухню – поставить на плиту сковородку...

Тамара во все глаза смотрела на зверька.

– И что ты с ним будешь делать?

– Совершенно не представляю! – Все мои старшие коллеги были кто на дачах, кто в домах отдыха – дозвониться я никому не смог.

А он к тому же был, по-моему... хотелось сказать «ранен», но вряд ли это слово применимо к модели. Вялый, апатичный, конечности дрожат... А одна как будто надломлена и почти прозрачна. Впрочем, я точно не знал, каким ему полагается быть. Не знал этого, похоже, и сказочник.

– Моя задача – не дать ему развестись до понедельника. А там сдам в лабораторию. Или на руки старшим. В общем, сдам – и в отпуск!

– А если все же разветется?

– Тоже не беда. Восстановят.

– Как? – удивилась Царица.

Я в двух словах объяснил ей, что он такое. Чтобы получить очередной образец, мы просим автора сосредоточиться на нужной сказке вообще и нужном персонаже в частности, а рядом ставим приборчик. Собственно, он и делает всю работу: считывает информацию, формируя объемный образ. С первого раза может не получиться (если сказочник, например, отвлекается, или волнуется) – мы приходим еще раз, и еще, и еще... Остальное – задача лаборатории. В ней сформированный многомерный объект «выталкивается» в наше пространство, становясь видимым. И слышимым тоже.

– А разве нельзя дать кому-нибудь прочитать все сказки, – нахмурилась Тамара, – и точно так же считать образ?

– Да что ты! Мы же с авторской сказкой работаем. В том весь и смысл, чтобы образ дошел до нас авторский, не искаженный чужим сознанием – ни иллюстрациями, ни интерпретациями...

Тамара, по-моему, уже не слушала. Сидя на корточках, тихо ворковала: – Озяблик маленький, озяблик хороший... А тебе не кажется, – обернулась она ко мне, – что в нем должно быть что-то от птицы?

Я кивнул: птичьи ассоциации упрямо навязывались. Но озяблик, скорее, напоминал обезьянку с большими рысьими ушами и глазами лемура. Руки у него были непропорционально длинными даже для обезьяны, и он постоянно обхватывал себя за плечи. Кажется, он стал еще более эфемерным. И дрожал сильнее, чем в сказотеке. Вряд ли ему пошла на пользу перемена обстановки и путешествие в пакете. Я этим персонажем никогда не занимался: считалось, он находится под личным присмотром Сидор Пимыча.

– Может, ему нужно помочь? Вон какой несчастенький... Глазки всмяточку, все в морщиночках. Слушай, а что про него написано? Может, в сказке чего найдем?

– Да ничего не написано! Вот, полюбуйся! – Я отдал ей распечатку. От сказки фактически было только начало: дальше автор не дописал – то ли отказался от замысла, то ли умер.

Царица уселась по-турецки прямо на ковер и уставилась в бумажку. Озяблик, колыхаясь, медленно ходил вокруг нее. А я эту, с позволения сказать, «сказку» уже знал наизусть.

Сначала шло очень подробное описание улицы, темной, сырой и холодной, вдоль которой высились угловатые коробки домов. Около одного из них «в одиночестве сидел странный зверек. Он дрожал и горбился, обхватив себя за плечи длинными руками...» В сущности, это все. Еще несвязные наброски на полстранички. Неудивительно, что озяблик такой слабенький и почти прозрачный. Чем продуманнее персонаж, тем отчетливее он проявляется при воплощении: лучше виден цвет глаз, выражение мордашки или структура шерсти.

– Так, – решительно заявила Тамара. – Давай рассуждать логически.

Я ехидно покашлял.

– Если это озяблик, значит, он либо мерзнет сам, либо морозит других. Либо и то и другое сразу. Вот и в сказке говорится: «дрожал». Значит, его нужно согреть.

– А вдруг он от этого растает? Как Снегурочка.

– Тогда заморозить.

– Суперлогика! – восхитился я. – Либо пациент жив, либо пациент мертв.

– Да, тупик, – самокритично призналась Тамара. За что люблю Царицу – она никогда не обижается на подколки.

Она снова «ушла в текст», а я снова начал страдать. За что мне такое наказание? Я в отпуск хочу! На дачу! К друзьям и родителям – с утра рыбалка, вечером шашлычок, в промежутке ковыряние на грядках. Может, кому-то такой отдых не покажется сказочным. Но в моей-то жизни сказок предостаточно! А одна – вон, можно сказать, вломилась в мою квартиру, и разбрасывает мои книги, и нахально громит мою посуду... И фактически лишает меня жилья!

– Ну, я еще подумаю, – подняла голову Тамара. – А ты его без меня не ругай!

– Да ладно, – я вяло отмахнулся. Уже когда Царица ушла, я хлопнул себя по лбу: забыл поблагодарить ее за голубцы. Как и спросить, по какому, собственно, поводу...

Ночь выдалась веселой. В том смысле, что скучать мне не пришлось. Спать тоже. Покружив по комнате (шух-чух-рух!), озяблик подплывал к дивану и устраивался у меня в ногах. Мне становилось ужасно холодно, но он смотрел *такими* глазами, что я долго не решался его прогнать. Замерзнув окончательно, все-таки поднимался и осторожно вытеснял его на кухню... Стоило мне заснуть, как за стенкой начинало греметь, звенеть, стучать, что-то падало, рушилось, шуршало, скрипело... Не выдержав, я вскакивал и шел твердой рукой навести порядок – и встречал тот же взгляд лемуровых глаз, полный тоски и скорби...

Утром мне показалось, что озяблик немного расплылся в контурах. Я вновь принялся звонить Сидор Пимычу. Ни один его телефон по-прежнему не отвечал.

Вместо этого позвонили родители, и я долго объяснял, почему до сих пор не у них, между делом подхватывая то ножницы, то цветочный горшок.

– Как же ты мне надоел! – сказал я в сердцах, положив трубку.

Озяблик глянул на меня, повернулся и заковылял прочь. Мне почему-то стало стыдно.

Я пошел за ним на кухню. Подъял голубцы с Тамириной сковородки (и где она только добыла такую вкуснотень?). Немного послушал музыку. Озяблик дрожал на полу напротив. Еще вчера я заметил, что, когда на него обращали внимание, он переставал бродить туда-сюда, как сомнамбула, и сидел тихо. Может, надо было его с самого начала посадить в ящик? Не очень-то ему полезно врезаться во все подряд. Но подходящей коробки у меня нет...

– Ну что, сказку тебе, что ль, почитать? – Я подобрал с пола книжку, спасенную Царицей из мусоропровода. – О, глянь-ка! Про зиму, снег и Деда Мороза. То, что нужно. Наверное.

Пока я читал, он не двигался и даже, кажется, меньше дрожал. Некоторые сказочки оказались вполне симпатичными, и мне даже понравилось такое времяпровождение. Но не могу же я без остановки читать больше суток! Я перебрался в комнату и устроился на диване – зверек перекочевал за мной. Было холодно, но я терпел. Косился на него поверх страницы.

А он вообще-то ничего, этот озяблик. Его бы довести до ума, продумать как следует, добавить колорита – и будет украшением сказотеки. Все-таки то, что я не пишу сказок, не мешает мне любить свою работу. Котятка котятками, но у нас и более редкие персонажи есть. Вот носочные гномики, например, – мои любимцы. Сказка называется «Вся правда о носках», и в ней семья персонажей-людей никак не может постичь загадку: куда все время девается один из парных носков? Как бы их ни складывали, куда бы ни прятали – наутро одного недосчитываются. А в конце выясняется, что виной всему носочные гномики: они по очереди утаскивают то правый, то левый носок, потому как жить без них им категорически невозможно: ни тебе обед

приготовить, ни костер разжечь. Ведь если носок чистый, его можно и нужно съесть, а если грязный, он в момент воспламеняется... Надо эту сказочку Царице Томе прочесть. Может, это облегчит её мучения. У нее муж и сын – знатные растеряльщики носков, хотя, может, к этому Чусик с Кусиком лапу прикладывают.

Кстати сказать, почти все мои любимые персонажи – из сказок нашего заведующего Сидора Пимыча. У него всегда выходит забавно и поучительно, а уж фантазия поистине ничем не стеснена. Не знаю, где он берет все эти идеи и образы. Но глядя на него, я понимаю: вот сказочник от Бога. А я, даже всерьез занявшись сказками, ничего яркого создать не смогу. Буду один за другим плодить говорящих котят... образно говоря.

К вечеру пришла Царица, принесла большую тарелку под крышкой – и с порога заявила:

– Юрочка, какая же интересная у тебя работа!

– Ага, – подтвердил я. – Идем глянем, что она опять натворила. – На кухне снова шуршало.

– О, кстати! Забыла вчера сказать. О тебе твоя Карга Максимовна спрашивала. Не видела ли я тебя пьяным и все такое.

Я разозлился. Опять повод ищет, чтобы денег больше содрать. По совести говоря, давно бы уж надо переехать, но я тут обжился, соседи чудесные, а главное – отсюда ровно семь минут до моего университета. Пешком.

Озяблик сидел у окна и, почти не трепыхаясь, смотрел за холодильник. И что он там углядел?

– Смотри-ка, и правда к холоду тянется, – почему-то шепотом сказала Царица, ставя на стол тарелку. – Какой жалкий! Знаешь, Юрочка, а ведь сказки – это отдельный мир! Другая реальность.

– Нет, Томочка, «сказки – это наша реальность, только с другой стороны». А здесь у нас что?

Под крышкой оказалась горка блинов, да каких – воздушно-кружевных, золотистых!

– Это я сама напекла! – сообщила Царица с гордостью.

– Как – сама? – Я подозрительно посмотрел на румяные солнышки. Понюхал. Пахло вкусно. – Ты же сто раз говорила, что кухня убивает в женщине Женщину!

Тамара хихикнула.

– Что, не ожидал? Давай я тебя покормлю. У меня пока от неопытности на роту солдат получается. У тебя сыр есть? А терка где?

Через секунду она уже вертелась на кухне. Озяблик мотался за ней, как приклеенный, и она успевала его пожалеть, похвалить и пообещать, что все будет хорошо. Потерев сыр, она щедро посыпала им каждый блин, завернула конвертиком и разогрела на сливочном масле. По кухне пошел гулять сказочный запах. Тьфу! «Сказочный»... И я туда же.

– Ты что, правда увлеклась готовкой?

Она поставила передо мной тарелку, на ходу свернула салфетку красивым бантиком и метнулась к кофеварке.

– Тебя это удивляет? Хех! Меня тоже. Оказывается, кулинария – это целый мир, и до чего интересный! Сколько традиций, имен, исторических фактов! – От избытка эмоций она даже замолчала.

– Ты и раньше так говорила. Когда собак развела...

– Вот именно! – с жаром откликнулась Тома. – Не представляю, как бы я сейчас жила без Чусика и Кусика! А ведь когда-то считала, что от собак одни неприятности. Зато теперь...

Да уж. Зато теперь у нее два живчика-эрделя и один-два вечно временных щенка, которых нужно кому-нибудь пристроить. Потому что «оказалось, что собаки – это целый мир, и если вы думаете, что он сводится только к поводку и ошейнику, то сильно заблуждаетесь!» Есть комбинезоны для собак, кроссовки для собак, ошейники простые и со стразами, корм ежедневный и печенье для гурманов; есть лосьоны для шерсти и для глаз, спреи от клещей, есть подгузники и антисептические салфетки... А уж сами эти милые, чуткие звери – да про них можно говорить часами!

– Собаки тебе пошли на пользу, факт, – поддакнул я. – Регулярные прогулки – это совсем неплохо для здоровья.

– Вот-вот! – обрадовалась Царица. – И знаешь, по-моему, мы сами от своей пользы отказываемся: живешь себе среди маленьких мирков, ходишь мимо, а их сотни и тысячи, и ты их даже не замечаешь. Или думаешь, что они тебе не нужны. А ведь чем больше ты освоил миров, тем ты богаче!

– Ну, ты прямо Колумб! – хмыкнул я сыто и благодушно.

– Да! – возбужденно отозвалась Тамара и, наконец, присела напротив меня. – Я часто думаю: представляешь, как изменился Колумб, когда открыл новую землю? Он попал в мир, который веками обходился без него, и прекрасно себя чувствовал! И этот мир изменил всю его жизнь, и жизнь Европы, и даже карту мира! И Колумб свой родной дом увидел совсем другими глазами...

Царица Тома продолжала рассказывать, размахивая вилкой, а я слушал ее и думал: вот ведь тоже коллекционер. Миры собирает. Кулинария, собаки – это только последние «приобретения». Такая яркая, забавная. И выглядит лет на десять моложе своих сорока. Но ведь внушила себе, что мужу и сыну с ней неинтересно. Потому что, дескать, она без высшего образования. Заполняет эту нишу как может. Чусика вон с Кусиком завела. Меня подкармливает. За озяблика переживает...

– Ну как? Вкусно?

Я скосил глаза на тарелку.

– Никогда бы не подумал, но – очень! – Оказывается, я доделал четвертый «конвертик».

– То-то же, – снисходительно изрекла она. – Слушай, меня там пёсики заждались. Я к тебе завтра забегу, ага? Плова принесу. Береги Озика! Мы его обязательно вылечим!

– Кого-кого?!

Царица Тома уже забрала свою тарелку и убежала выгуливать Чусика с Кусиком.

Я вернулся на диван и закутался в два одеяла. Озик... Хмык.

До глубокой ночи я читал вслух. Сказочные истории. А чем еще прикажете развлекать озябликов? Вначале те, что нашлись в доме, затем скачанные из Интернета. Уж лет пять, наверное, я не заглядывал в сказки просто так. Не для работы. И не заглянул бы, если б Царица книжки не притащила.

В квартире по-прежнему царил кавардак, но меня это больше не раздражало. Под утро позвонила Тамара. Извинилась шепотом. Предложила:

– Ты ему все-таки грелку поставь. Ну, в бутылку кипятка налей, что ли! Вдруг погреться захочет. А то я тут заснуть не могу, все думаю, думаю...

– Да он вроде ничего, – зевнул я. – Спасибо, Томочка.

Озяблик и правда как будто немножко окреп. Даже руки сложил расслабленно, и морщин на мордашке поубавилось.

Я задремал, и мне приснился Колумб. Он стоял на носу старинного корабля, протягивал вперед руку и гулким голосом восклицал: «Юриваныч! Что было бы с нами, если б я не открыл Америку?! Ведь это та же Европа, но с другой стороны! Как бы я жил – бедняком в своем старом мире?!» – «Да откуда ж мне знать!» – вскричал я и проснулся.

Я сразу же увидел озяблика и сразу же понял, что это конец. Хорошо видна была только голова и одна из рук. Глаза из желтоватых стали ярко-зелеными и очень странно, замедленно мигали.

– Эй, ты куда?! – вырвалось из меня вместе с остатками сна.

– Спасибо, – прошелестело тихо-тихо, но отчетливо. И сразу после этого он на моих глазах растаял. Погасли глаза, обмякли и разошлись двумя струйками ушки, растворились остатки рук...

Я спустил ноги с дивана и – понял, что такое Пустота.

Через час, невыносимо долгий и холодный, я прозвонился на домашний телефон Сидор Пимычу.

Голос ответил незнакомый. Высокий, но отчего-то с хрипотцой – точно не внук и не внучка. Пока я пытался его «опознать», Сидор Пимыч сказал кому-то: «Спасибо, Сергей Потапыч», а потом (ну наконец-то!): «Алло?» – уже мне.

А я, услышав «Потапыч», онемел. Так звали домового! Года два назад Сидор Пимыч забрал из сказотеки абсолютно безликого домовенка, какого-то дохленького, а теперь он, значит, уже на телефонные звонки отвечает!

– Ну, как там практика? – поинтересовался заведующий.

– Старые образцы пересчитаны, новые рассажены, нумерация проверена. Одна студентка изъявила желание работать со сказочниками, – автоматически отрапортовал я. А затем рассказал про озяблика.

Сидор Пимыч выслушал меня очень спокойно (даже не попенял за варварский способ переноски образца в пакете).

– Юрочка, да вы, пожалуйста, и не смогли бы ничего сделать. Это моя вина: надо было заняться им сразу, а не откладывать на потом. Он и так у вас продержался довольно долго. Хорошо, что вы с ним разговаривали: это его подерживало. Энергетически.

– Мы его восстановим, да? – Мне очень этого хотелось. С одной стороны. С другой – это ведь будет уже *не мой* озяблик. Я читал ему сказки, он разбивал мои кружки – и всё это время, оказывается, учился, развивался, совершенствовался... Мог бы когда-нибудь и на телефонный звонок ответить.

– Юрочка, – Сидор Пимыч как-то странно помолчал, – а может, не надо восстанавливать? В том виде, в котором был. Дописали бы вы эту сказочку сами, а?

– Я?!

– Конечно. Давно пора. До конференции как раз успеете. Вот мы вас и слушаем, а заодно уж и озяблика овеществим.

Я задумался.

– А если я допишу, он меня вспомнит? – Вопрос прозвучал на редкость глупо. Но мне почему-то ужасно хотелось, чтобы он меня вспомнил. И пускай хоть весь линолеум вареньем зальет!

– Юрочка, это же будет *ваша* сказка. Он будет ровно таким, как вы захотите.

– Я подумаю. Но к конференции могу не успеть. Меня же теперь ждут громы и молнии. Хозяйка звонила вот только что: сегодня придет. Может, вместо отпуска подработку найти придется, чтобы ремонтик сделать.

– А если по-другому попробовать? – загадочно предложил Сидор Пимыч.

– Как по-другому? Презент ей, что ли, какой вручить? Я уже думал, но на это ведь тоже деньги нужны.

– А мы вот сейчас Сергея Потапыча спросим... – Он что-то сказал в сторону, и я снова услышал странный голосок: «А пусть подарит ей сказку».

– Юрочка! Слышали, что Сергей Потапыч советует?

– Сказку? – Честно сказать, я растерялся окончательно. Мало того, что рахитичный когда-то домовый теперь не просто Потапыч, но Сергей, так он еще и советы давать умеет?

– Ну да. Про неё. Как бишь её зовут? Зоя Максимовна?

– Сказку.

Сидор Пимыч явно улыбался:

– Юрочка, вы только что открыли для себя целый мир, и теперь он – на вашей стороне. Чем и пользуйтесь.

По-моему, я даже забыл попрощаться, огорошенный всеми этими «сказками» и «мирами» – и виртуальными, и во плоти, и в настоящем, и в перспективе.

А ведь у Сидора Пимыча не только домовый живет. У него, помнится, была еще антилопа, у которой начинали светиться рога, если рядом кто-то обижался, была звездочка-усыпительница, какие-то растения, помогающие думать... И это только те, о которых мне известно! Неудивительно, что он пишет такие необычные сказки: у него и советников куча – сказочных. Для него сказотека всегда была продолжением жизни. Для меня же – просто работой. Защищался я, конечно, на нашей кафедре, но по специальности «народная сказка» – своего мне сочинять не требовалось, лишь изучать архив. Но

чтобы *открыть* мир, нужно впустить его в свою жизнь, а не просто наблюдать со стороны.

Теперь я знал, о чем думал Колумб, глядя на неизвестную богатую землю. О новом будущем. Я решительно подошел к столу. Сел. Включил компьютер. Значит, так. Сперва будет сказка для Карги Максимовны. Потом – для Царицы Томочки. Чтобы простила себе своё невысшее образование. Возможно, кстати, из нее выйдет хороший соавтор. Потом... потом Озяблик. Мне до сих пор казалось, что на кухне что-то шуршит... Теперь я был уверен, что фраза «в одиночестве сидел странный зверек. Он дрожал и горбился, обхватив себя за плечи длинными руками» действительно содержала ключевое слово, но это было не «дрожал», а «в одиночестве». Именно от одиночества мерз озяблик, и мерз так сильно, что это передавалось мне. Возможно, если бы я не гнал его от себя, а сразу начал бы читать сказки... Если бы я хоть раз его погладил... Нельзя? Да мало ли что нельзя! Правила иногда только мешают. Ну, изменился бы он чуток, стал бы менее авторским и более моим... Может, это бы его и спасло? Эх, да что уж теперь говорить!

Но вот же вопрос: о чем может быть сказка для Максимовны? И как начать? Показать ей со стороны её любимую? Тогда так. Жила-была злая волшебница... или нет, баба-яга... Впрочем, стоп. Зачем плодить злых волшебниц? Их и в жизни предостаточно. Я пойду другим путем.

Я представил себе Зою Максимовну... Мысленно омолодил ее лет на тридцать. Украсил широкой улыбкой. Нарядил в модное платье. Вручил письмо от любимого мужчины. И когда передо мной оказалась довольная жизнью, цветущая женщина, начал писать: «Зоя Максимовна была неизменно приветлива и очень красива...» Каждая сказка – сама по себе целый мир.

Готовую историю я распечатал и положил на середину кухонного стола. Оставил ключи у Царицы (про Озика соврал, что ночью за ним приезжал мой коллега: не хотел ее пока расстраивать) и поехал к родителям... Пусть хозяйка без меня решает, давать ли своей сказке шанс.

И вот теперь уже поздний вечер, я еду назад, хрустя зеленым дачным яблоком, вспоминаю Озяблика, думаю о конференции, решаю, каких насочиняю себе питомцев, когда у меня будет квартира побольше, а ни одного гневного звонка на мою голову еще не обрушилось. Правда, здорово?

Возвращая мне ключи, Царица Тамара хихикнула. Сказала: когда Максимовна вышла из квартиры, вид у нее был странный. Задумчивый такой. Вроде как сбитый с толку. Даже не сморщилась, когда Чусик ее туфли обнюхивал.

Распечатка по-прежнему лежала на столе, но бумага была слегка помята... Конечно, я не жду, что Зоя Максимовна возьмет и перевоспитается. Прямо вот так сразу и надолго. От маленькой простенькой сказочки. О любви. Но, кто знает, вдруг она посмотрит на кое-что по-другому, а самое главное – на нее теперь по-другому смотрю я.

За спиной у меня зашуршало. Я уставился на холодильник. Из-за него робко вышел... говорящий котенок. Дымчатый. Толстый и пушистый. На

редкость спокойный. Тот самый, вероятно, которого я недосчитался в сказотеке. Вот хитрец – столько времени прятаться!

Интересно, хозяйка-то его видела?

– Привет! – пискнул он тихо. – Как дела?

– Спасибо, хорошо. Яблоко хочешь? – ляпнул я первое, что пришло в голову.

– Хочу!

Я наклонился, и он протянул к моей руке лапку в белом «носочке».

И я вдруг почувствовал: это еще один подарок. С другой стороны реальности.

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

ЛУННЫЕ НОСКИ

ПАСТИ ОВЕЦ – ВОТ БЫЛА И ВСЯ ЕГО РАБОТА. ЧЕРНЫХ, как ночь, с шерстью толстой и мягкой, как подушки, и глазами глубокими, как вода в реке. Овцы были смиренные, хотя иной раз какая-нибудь и норовила забрести в ущелье, где, как ей казалось, трава была послаще.

Человек, который пас овец, и сам был черным – и волосы, и борода, и глаза. Только лицо бледное, а все из-за лунного света. Бледное и печальное. Если каждый день только и делать, что гонять овец, рано или поздно начинает казаться, что где-то есть места, где жизнь течет по-другому. Человек часто смотрел на Землю – зеленую и голубую. И вскоре он стал думать, что так оно и есть – именно там жизнь течет по-другому.

Однажды черный человек с Луны решил побывать на Земле и посмотреть, так это или нет. Он вычесал самую лучшую из своих овец, спрятал шерсть и связал из нее носки, черные, как ночь, и теплые, как солнце. Он решил, что подарит их первому встречному на Земле, чтобы подружиться. Еще он налил в кувшин лунного молока, желтого и густого, как взбитое масло. А потом собрал вместе всех своих овец, отчего Луна превратилась в большой желтый круг с черным пятном посередине. Овцы стали послушно карабкаться на спины друг дружке, как им велел черный человек. Когда пирамида была готова, он полез наверх, крепко держась за овечью шерсть и перекинув через плечо носки, длинную, крепкую веревку с кувшином.

Когда человек с Луны добрался до самой верхней овечки, его дом – желтый, как лунное молоко, с крышей, черной, как шерсть лунной овцы, превратился в крохотную точку, зато на Земле были хорошо видны лес, поляна и дом с красными цветами под окнами. Тогда человек обвязал длинную веревку вокруг живота верхней овечки, почесал ей за ушком и стал спускаться вниз. Но верхняя овечка волновалась за своего хозяина и никак не хотела стоять смиренно, а все время вертелась, высматривая, куда это он собрался, поэтому вскоре веревка развязалась, овечка покачнулась, и вся пирамида рассыпалась. Черные овечки, словно подушки, одна за другой попадали на Луну – хорошо, что шерсть у них была толстая и мягкая.

А черный человек свалился на Землю. Он упал в траву, и первое, что он увидел, была самая обыкновенная овечка. Она стояла под высоким дубом, жевала траву и глядела на черного человека с Луны. Один бок у нее был обдран, и шерсть на нем висела клочьями. Человек сразу же понял, что она по-

терялась. Наверняка ей показалось, что трава на этом конце луга слаще, чем на том. Человек поднялся на ноги и почесал овечке за ушком. А потом обвязал веревку вокруг ее живота, и они вдвоем пошли по дороге к дому с красными цветами под окнами.

В это самое время хозяин овечки сбился с ног, разыскивая ее. Держа фонарь высоко над головой, он шел по дороге. Луна была полной. Одна половина ее совсем почернела оттого, что все лунные овцы сбились в кучу, оставшись без присмотра. Увидев, что кто-то ведет его овечку на веревке, хозяин подумал:

«Ну и взгрею же я сейчас этого умника!»

У него было скверно на душе, и на это были причины. Поравнявшись с незнакомцем, хозяин едва ли не набросился на него с кулаками.

– Так вот кто украл мою овечку! – воскликнул он.

Лунный человек посмотрел на него с удивлением. До сих пор ему не приходило в голову, что овец можно красть. Он растолковал, как все обстояло на самом деле.

– Вам бы глаз с нее не спускать. Уж слишком любопытная. Я знаю, что говорю.

Когда все разъяснилось, хозяин овечки страшно обрадовался и пригласил человека с Луны на ужин, и они вместе пошли к дому с красными цветами под окнами. Жена хозяина приготовила лепешки, а человек с Луны поставил на стол кувшин с молоком, желтым и густым, как взбитое масло. Он все думал, как бы улучшить момент и подарить хозяину носки, ведь они, кажется, подружились.

Вдруг он услышал, как в соседней комнате кто-то всхлипывает. Оказывается, у дочки хозяина была высокая температура. Потому-то у того и было скверно на душе.

– Нужно дать ей выпить лунного молока, а на ноги одеть носки из шерсти лунной овцы, – сказал человек с Луны. – Я знаю, что говорю.

Так они и сделали, и на утро дочка хозяина овечки была здорова, но ни почем не захотела расставаться с носками, черными, как ночь и теплыми, как солнце.

Хозяин овечки предложил человеку с Луны погостить, и он согласился. Теперь они вместе целыми днями только и делали, что пасли овец и беседовали о том, что лучшего занятия и придумать нельзя. Так продолжалось до тех пор, пока Луна снова не стала круглой, и черный человек не увидел, что один ее бок был весь бледный, а другой весь черный. Овечки так и не сдвинулись с места, а стояли, сбившись в кучу, ожидая, пока их хозяин вернется. Однако когда человек с Луны попробовал соорудить пирамиду из обычных, земных овечек, ничего не вышло, они попадали вниз одна за другой, обиженно блея, потому что их шерсть не была такой мягкой и толстой как у их лунных сестричек.

Тогда дочка хозяина овечки, которая теперь все время ходила в черных лунных носках, распустила носки и связала друг с дружкой две нитки. Потом она привязала к ним длинную веревку, по которой черный человек спу-

стился с Луны. Залезла на высокий дуб и, изо всех сил размахнувшись, забросила один конец высоко в небо. Второй конец она привязала к дубу, и человек с Луны стал карабкаться по нему как по канату. Но сначала он крепко обнял хозяина, его дочку и жену, которая подарила ему мешочек с семенами красных цветов, чтобы он смог посадить их возле своего дома – желтого, как молоко, с крышей, черной, как шерсть лунной овцы.

Человек лез по канату все выше и выше, пока голубая с зеленым Земля не стала похожа на клубок. Все его овечки послушно взобрались друг дружке на спины, и самая верхняя держала в зубах нитку, из которой были связаны носки. Увидев хозяина, верхняя овечка, которая никак не желала стоять спокойно, заволновалась и заблела. И, конечно же, выпустила изо рта черную нитку. И все повторилось сначала – шарф, длинная веревка и то, что осталось от носков, повалились на Землю, так что дочке хозяина пришлось долго их выпутывать из ветвей дуба, а черный человек повалился на спины овечек, которые будто подушки попадали на Луну – хорошо, что шерсть у них была мягкая и толстая.

Попав домой, человек с Луны первым делом пересчитал своих овечек и убедился, что все они живы и здоровы, только одна умудрилась забрести в ущелье, потому что ей показалось, будто трава там послаще. Потом он посеял семена красных цветов возле своего дома. Цветы быстро выросли, и дочка хозяина, которая выпила больше всех лунного молока, в те дни, когда Луна была полной, всегда видела на ней крохотную красную точку.

Лунный человек снова свил длинную крепкую веревку и с помощью своих послушных овечек переправил на Землю кувшин со свежим лунным молоком. А дочка хозяина снова связала из лунных нитей носки, однако на этот раз она вплела в них узор из обычной овечьей шерсти. И теперь, когда она бежала по дороге и глядела на свои ноги, ей казалось, будто желтый лунный свет темной ночью светит на лугу возле высокого дуба, где потерялась овечка.

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ, АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ

МАТЕРИАЛЫ ЛИТЕРАТУРНОГО СЕМИНАРА В ПАРТЕНИТЕ (МАЙ 2009 Г.)

ЗАНЯТИЕ ВТОРОЕ

Вопрос из зала (Председатель): С «завлекалочками» уже разобрались. А дальше идут объяснялки. У меня просьба: заострить внимание на том, что «объяснялки» нельзя давать лекцией! Потому что у каждого второго это есть.

Андрей Валентинов: Вчера обсуждали этот вопрос. Проблема лекции профессора Петрова о полете на Венеру.

Олег Ладыженский: Есть «объяснялки», есть «развлекалки» – драчки, секс, погони. Есть «красотульки» – пейзажи. Есть «философульки» – размышления на тему об устройстве мира, божественном провидении. Есть много чего. Есть действие. В чем беда начинающего автора? У него все происходит отдельно. И не только начинающего. Это – беда инфантильного автора. Ему может быть пятьдесят, а он до сих пор пишет как подросток и для подростков: у него побегали отдельно, пофилософствовали отдельно.

Дмитрий Громов: Пейзажик описали отдельно...

Олег Ладыженский: Всё отдельно. Как раздельное питание. Это – фирменная ошибка. Любое действие должно вызывать размышление и эмоции, разъяснять характер персонажа. Любой пейзаж должен работать на настроение фрагмента, а не просто существовать сам по себе. Через описание леса можно много чего объяснить.

Дмитрий Громов: Более того: в разном состоянии герой по-разному воспримет этот лес.

Олег Ладыженский: Если есть умение каждый план использовать одновременно с другими – все получается нормально. Тогда не нужны лекции. Здесь это всплыло через состояние, тут через настроение, возникла одна реплика «объяснялки», но внутри совершенно другого действенного диалога... И больше не надо давать лекции. Лекция, равно как и длинная рефлексия героя, если она самодостаточна и ни на что не работает... Лично мы, если такое случилось, друг друга хватаем за шкуру, оттаскиваем от написанного куска, весь его убиваем и начинаем все необходимое расписывать по книге. Иначе это – костыль автора. Он не нашел решения, как сделать правильно, и решил сделать максимально простым примитивным способом: в пятой главе всё объясню, и опять побежим дальше.

Андрей Валентинов: Хотя в старых книжках это был такой распространенный прием. Был автор [неразборчиво фамилия], у него была книжка про зомби с Гаити. Первая глава: «Но прежде чем начать, дорогой читатель, я расскажу вам про остров Гаити». И лекция: что там было раньше. То же самое у Жюль Верна. Паганеля он взял в «Дети капитана Гранта», хотя сам признавался, что персонаж был ему нужен для другого произведения. Обычный прием – лекция профессора Паганеля на три страницы. Иногда этот прием был действительно художественно оформлен. В моей группе был разговор: каждая вставная новелла в «Аэлите» читается сама по себе блестяще. Но сейчас это не принято, начнет скучать читатель, и лучше всего такую информацию вводить не лекцией профессора Петрова – это я цитирую из романа Гладкова «О полете на Венеру», глава вторая, – а все-таки давать блоками. Хотя иногда этого не избежать. Но тогда смотрите, как сделать, чтобы ваша лекция в тексте читалась с большим интересом, как нечто самостоятельное. Вставная, интересная новелла.

Дмитрий Громов: Если нужны «объяснялки» – а они периодически нужны, – есть несколько фишек: их надо давать по минимуму, ни в коем случае не разводить сверх меры; иногда подавать двумя-тремя фрагментами, чтобы шло не подряд. Не сводить всю информацию в одну главу, на двадцать страниц, а раскидать кусочками по нескольким главам. Более того, к месту, к тому, что происходит, о чем герой задумался. Чтобы оно было с действием связано, а не просто: пришел профессор и начал рассказывать. Второй вариант: это можно строить не как лекцию, а как диалог, например.

Андрей Валентинов: Этим злоупотребляют сейчас, именно диалогами.

Дмитрий Громов: Не в смысле, что «чайник» спрашивает, а мудрец отвечает. Главное, чтобы в споре рождалась истина. Тогда начинается внутреннее действие. Нет внешнего: они ничего не делают, никуда не бегут, ни в кого не стреляют. Но есть напряжение спора, мысли, идейных концепций, которые сталкиваются. Если это эмоционально окрашено, то на внутреннем действии можно и информацию дать, и напряжение сохранить.

Олег Ладыженский: Вам надо сделать эпизод, в котором что-то объясняется. Прежде чем до конца понять «что» именно вы будете объяснять, вы должны найти решение, «как» это представить. Для каждого эпизода. Без этого приступить к «что» нельзя. Представьте себе, что вам надо поставить небольшой этюдик на сцене. Вам дали пять человек, они должны что-то объяснить или поругаться. На полторы минуты. Первое, с чего вы начнете: ставим мы это здесь, в тесном помещении – или у нас большая сцена. От этого будет зависеть всё остальное. Нет у нас декораций, пустое пространство – или есть сценические мощности.

Дмитрий Громов: Или мы это на природе, на поляне делаем.

Олег Ладыженский: Или нет декораций, но мы сейчас из стола и табуреток что-то соорудим. Можно поставить стол, сверху – стул, и человека посадить. Будет по-другому смотреться. Есть у нас костюмы, нет у нас костюмов, в нашем распоряжении профессиональные актеры, или любители, или вообще не актеры. Есть у нас музыкальное оформление; если да – какое оно. Есть

у нас оператор, который сядет «на музыку», нажимать кнопочки, или надо попросить любителя, а он может ошибиться и не вовремя дать...

Дмитрий Громов: Или просто оно идет фоном всё время.

Олег Ладыженский: Есть у нас освещение или нет... Сначала мы выяснили целую кучу параметров решения. *Как* мы должны это делать. Писатель сам себе может придумать и освещение, и что угодно. После этого начинаем искать художественное решение. Пока было только техническое. Мы можем решать ситуацию – сюрреализмом, реализмом, символизмом. И все будет по-разному. В реализме люди будут ругаться «бытовочкой». Они собрались на семинар, что-то не поделили... В символизме они будут ругаться – этот человек станет аллегорией гнева, эта женщина – аллегорией любви, та – аллегорией ненависти. Конфликт будет совсем по-другому строиться. Вот это и есть решение эпизода. Если вы под вашу «объяснялочку» подведете базу решения – каким языком пишете, каким стилем, крупный план или дальний... Пока вы решения не найдете, ничего не пишете. Да, поиск занимает кучу времени. Да, такого рода семинар страшно нудный, потому что мы не историю своей жизни рассказываем, а пружины и механизмы создания произведения. Но надо сначала поиграть в этюды, и становится все понятно.

Голос из зала: Можно небольшую ремарочку? Дело в том, что в «объяснянках»-диалогах молодой автор чаще всего делает самую главную ошибку: он пытается читателю объяснить то, что персонажи и так знают. Допустим, в мире летают давно уже на фотонной тяге, а персонажи друг другу начинают рассказывать...

Олег Ладыженский: «Вы в курсе, у нас звездолет на фотонной тяге?»

Голос из зала: Это повсеместно!

Андрей Валентинов: Совершенно верно!

Голос из зала: Персонажи это знают, это – их привычный мир, у них автоматические каструли есть, а они должны объяснять это читателю. Совершенно не должны! В диалоге герои должны обсуждать проблемы, которые для них самих на «Вы». Но, правда, здесь есть опасность, что читатель «грузится»...

Голос из зала: А можно маленькое возражение? Много ли людей сейчас знает, как устроен холодильник? Нам привычно, но мы не знаем, как оно работает.

Андрей Валентинов: Значит, должна быть соответствующая сцена: сломался холодильник... Говорят: «Неужели ты не знаешь, как он устроен?» «Ну, кнопку нажать»... «Ах ты, двоечник! Ну, смотри!» И его учат, а одновременно объясняют.

Голос из зала: «Завлекалочка», «развлекалочка» – на самом деле темпоритмовая картина общая. То есть насколько гармоничен темп. Общие планы – большую часть произведения держать крупным планом. Это насколько допустимо?

Андрей Валентинов: Это – приём.

Олег Ладыженский: Если тебе это нужно, сначала давай берег моря панорамой, а потом вдруг резко наехать на ухо отдельно стоящего человека.

Если знаешь зачем – это прием. Резкие изменения темпоритма – один из инструментов. Очень мощный инструмент, поэтому надо знать, когда им пользоваться вовремя.

Дмитрий Громов: И для чего. Здесь мне нужно заострить проблему, здесь мне нужно ярче показать героя, а здесь нужно дать общую картину происходящего.

Андрей Валентинов: Из своего опыта. Конечно, каждый не только умирает в одиночку, но и извращается по-своему. Я не начинаю писать произведение, хотя уже все, или почти все знаю, пока я не услышу первую фразу. Это, знаете ли, как хор. Те самые «достал свои пистолеты»... Первая фраза определяет для меня ритм всего произведения. Когда я слышу первую фразу, я могу писать. Текст идет. Но в основе – музыка первой фразы.

Олег Ладыженский: У нас тоже без первой фразы не получается. Даже эпизод – надо знать первую фразу. В каждом эпизоде.

Андрей Валентинов: Первую фразу я потом никогда не выкидываю. Так получается. Это музыка текста. Это, конечно, не музыка...

Олег Ладыженский: Но, когда заканчиваешь, надо услышать последнюю фразу.

Андрей Валентинов: Да, я понимаю.

Дмитрий Громов: К ней можно подойти по ходу дела. Чем ты, в принципе, закончишь – надо знать заранее. О чем ты хотел сказать. Но последний абзац, последняя фраза может родиться по ходу дела, когда ты подошел и увидел это вблизи. Это было далеко, ты шел – и вдруг увидел. Вот оно! Надо делать именно так. Впрочем, будет у тебя там скала или лужа, ты должен знать изначально.

Андрей Валентинов: Если нормально пишется, последняя фраза и абзац сам скажется.

Дмитрий Громов: Это схождение в точку, которая уже есть.

Андрей Валентинов: Но первая фраза для меня самая важная. Без нее я никогда не пишу. У меня погибло два-три произведения, потому что я не улышал текст.

Голос из зала: А эпитафия? Перед произведением часто дается эпитафия. Стихотворный, прозаический. По-моему, он помогает задавать ритм произведения.

Олег Ладыженский: Нет, он не ритм помогает задавать. Эпитафия нужен не для ритмики текста, он ставит произведение в общекультурный контекст. (*Смеется*) Я не слишком умно говорю? Есть мировой культурный контекст. И если я ставлю эпитафия из Лорки – это одно. Из Шекспира – другое. Из Ольги Громыко – третье. Эпитафией вы задаете аллюзивную систему. Еще не всю, но ее ключ.

Андрей Валентинов: Есть две или три, на мой взгляд, ошибки при применении эпитафий. Только в исключительных случаях ставьте эпитафией собственные слова. Из выдуманной книги в переплете свиной кожи, страница такая-то. Белянин этим увлекается. Оно не действует. Человек ссылается на самого себя, а это очень искусственно.

Олег Ладыженский: Хотя иногда работает. У нас было так пару раз, если герой – выдуманный поэт. Можно ставить свои стихи, потому что он в реальной жизни ничего не написал.

Андрей Валентинов: Но если это – не стихи, а вы просто ссылаетесь на самих себя, читателю это не понравится.

Олег Ладыженский: И аллюзийный ряд не заявляется никак.

Андрей Валентинов: Читатель подумает, что его дураят. Второе: сейчас ребенок пишущий увлекается какой-то панк-группой, которая известна в узкой среде его двора, и эпитафией ставит слова из песен этой группы. Ему кажется, что группу весь мир слушает, а на самом деле ее слушает только он. Поэтому лучше ставить эпитафии из очень известных произведений. Они хорошие, там что-нибудь всегда найдется.

Олег Ладыженский: Не будет известен текст, так будет известен автор.

Андрей Валентинов: Представьте себе, что идет фраза: «Я хотел бы описать времена лучшие, когда люди станут добрыми, но мне приходится с болю в сердце описывать наше тяжелое время», Маркиз де Сад.

Олег Ладыженский: Мы сейчас закончили большую вещь, поэтому к вам приехали чуть уставшие. Абсолютно современный материал. Эпитафии все библейские. Зачем? Надо. По понятным причинам. И повесть называется «Золотарь, или Просите, и дано будет», и названия частей – например, «Один из нас», а это цитата, Господь говорит про Адама... Контраст, потому что ездят машины, летают самолеты, город, бытовка полная. А план эпитафий – аллюзийный, библейский. Перелом времен. Новая эпоха. Хорошо это или плохо – Бог знает.

Вопрос из зала: Эпитафии из Библии очень часто используются...

Андрей Валентинов: И использовались, и будут использоваться! Потому что эта книга существует как нечто естественное для миллиардов людей в мире.

Олег Ладыженский: Сразу задает тон.

Андрей Валентинов: И стихами в тексте не злоупотребляйте, особенно – своими. «И тогда она сложила поэму! Поэма!»

Олег Ладыженский: Здесь я бы порекомендовал, если есть поэма, и вам очень хочется вбить в текст из нее десяток строф... Ну, очень хочется! Вбивайте по две, а между ними давайте кусок прозаического текста. То, что происходит.

Андрей Валентинов: Это – прием номер раз. Второй прием применил Киплинг в новелле «Рикки-Тикки-Тави». Там какая-то зверушка хотела воспеть хвалу этому бойцу, начала петь... А Рикки-Тикки-Тави типа: «Сволочь, заткнись!» В конце, помните? Песня, которая пелась, но была оборвана... И в финале, приложением – полный текст. Прекрасно действует «на закуску»!

Вопрос из зала: Я хотел бы уточнить. Все-таки я думаю, что эпитафия не просто вводит произведение в определенный культурный контекст, но и указывает на тему произведения в рамках этого контекста.

Андрей Валентинов: Очень часто не указывает! В «Айвенго» Вальтера

Скотта каждый эпиграф соответствует: тут будут резать, тут будут молиться, а тут будут любить. Сейчас эпиграфы часто «отфонарные» и показывают лишь то, что автор любит такую рок-группу. Для меня классика эпиграфов (я просто ребенком запомнил) – «Айвенго». Там эпиграф великолепно соответствует содержанию.

Вопрос из зала (Председатель): По поводу эпиграфов: мне, например, понравилось, как Асприн обходится с ними. Хохмочка из одного контекста, подпись – из другого, эффект – из третьего.

Олег Ладыженский: А он этим сразу заявляет ряд аллюзий. Абсолютно безбашенное совмещение несовместимого.

Андрей Валентинов: Конечно, исключения бывают. Я в свое время писал довольно сложную по структуре и замыслу вещь «Небеса ликуют». В качестве эпиграфа идет выдуманное действие, выдуманная пьеса, которую я сам написал. В которой играл герой. И там маленькая сценка из пьесы перед каждой главой. Но там точно или близко сценка соответствует содержанию. Для меня это исключение. Такое я стараюсь не делать.

Олег Ладыженский: У нас тоже была выдуманная опера «Киммериец ликующий», цитатами из которой был ряд эпиграфов.

Андрей Валентинов: Да, но это очень хорошо соответствовало содержанию. Тем более, что это указывало именно на сюжетные линии. Герои были актерами, пьеса упоминается в тексте.

Олег Ладыженский: Эпиграфы – это хорошо. Если ими уметь пользоваться, они расширяют ваш инструментарий.

Дмитрий Громов: Они совершенно не обязательны, но если есть желание и умение – почему бы и нет.

Андрей Валентинов: Может быть, вы скажете, что я – ретроград, и что я не прав... Я даже заострю: не ставьте эпиграфом тексты современных музыкальных групп. Этим слишком многие увлекаются, и это настолько общее место... В ближайшие десять лет не ставьте, а там посмотрим. Серьезно. Можно найти об этом же, но...

Олег Ладыженский: Написать такой лихой боевик и эпиграфом: «Нас не догонят!»

(дружный хохот)

Андрей Валентинов: И сразу пойдут совсем другие ассоциации.

Вопрос из зала (Владимирский): А чем плох, например, эпиграф к повестям из серии X-files из групп «Алиса» или «Агата Кристи»?

Олег Ладыженский (смеясь): Там повести плохи!

Андрей Валентинов: Объясняю, Василий. Если ты меня спрашиваешь всерьез. Совсем другой общий культурный контекст. Поскольку даже совершенно условные X-files, которые пишут классики российской фантастики в Петербурге, все равно – в якобы условной Америке происходят. В условном ФБР. А тут даются слова песен из совсем другой страны, совсем другого культурного слоя.

В. Владимирский: Сознательный диссонанс.

Андрей Валентинов: Это типа: «Я плохо знаю английский язык и англий-

скую культуру, поэтому беру суррогат – нашенскую, отечественную». На мой взгляд, если бы ты взял из законов Хаммурапи эпитафия – это лучше бы смотрелось.

Дмитрий Громов: Или из «Doors».

Вопрос из зала: А вот для цитирования «Doors» – давать текст на английском и ссылку перевод на русский, или самим переводить стихотворно?

Андрей Валентинов (улыбается): Если вы сами переведете, вас читатель зауважает больше.

Дмитрий Громов: Если получается классный перевод, который по духу и смыслу соответствует оригиналу, можно дать эпитафия на русском и «такой-то перевод с английского». Чисто ситуативно решайте – как покажется лучше. А если действительно хочется сделать упор на англоязычную культуру, тогда лучше давать оригинал и далеко не обязательно при этом давать перевод.

Андрей Валентинов: Если общеизвестный текст. Но, допустим, вам нужно дать текст на каком-то «собачьем» языке. Причем текст, не известный читателю. Скажем, оперная ария на итальянском языке, опера, которая тогда шла. Причем надо дать понять, что персонаж поет именно на итальянском. Что делать? Первые строчки даете на итальянском, а перевода нет. Но дальше идут эти же строчки в вашем русском переводе. Это нетрудно. Дальше все кусочки, не подряд, тоже на русском языке. Последние – снова на итальянском.

Дмитрий Громов: Или есть рефрен, который один раз дается на итальянском, один раз на русском, а дальше его можно давать снова на итальянском.

Андрей Валентинов: И у читателя впечатление, что он послушал на итальянском языке.

Дмитрий Громов: Есть оригинал, и смысл понятен.

Андрей Валентинов: И никакого нигде подстрочного перевода. Все в тексте.

Вопрос из зала: А еще вопрос про стихи. Например, пишется повесть, по сюжету которой главный герой – великий поэт...

Андрей Валентинов: Великому поэту нужны великие стихи.

Вопрос из зала: Да! Что делать? Не писать про великих поэтов? Цитировать существующих великих поэтов?

Олег Ладыженский: Если вы пишете слабые стихи, а герой будет заявлен как великий поэт, возникнет такой диссонанс образа, что повесть можно хронить сразу.

Андрей Валентинов: Это опасно.

Олег Ладыженский (улыбаясь): Тут трудно говорить о величии каждого из нас, но проще либо не заявлять героя как великого поэта, либо обходиться вообще без стихов.

Дмитрий Громов: Есть вариант, как сделали в свое время Лазарчук с Успенским. У них действует Гумилев в «Посмотри в глаза чудовищ». Они сами решили, что что-то близкое к Гумилеву не смогут написать. И попросили Диму Быкова. Взяли его стихи. Я не скажу, что это – Гумилев, но стили-

зация достаточно хорошая. Опять же, считается, что это – посмертные стихи. (*Смеясь*) У Гумилева поменялся менталитет.

Андрей Валентинов: Мне, кстати, это решение очень не понравилось. Есть удачный пример из близкого нам кинематографа – был старый фильм «Орфей» по пьесе «Орфей спускается в ад». Жан Марэ в главной роли. Орфей заявлен как великий поэт. А дальше сделано так, что стихов самого Орфея мы не слышим, с ним постоянно происходят всякие неприятности, а главное, он завидует своему молодому коллеге. Стихи этого молодого коллеги, которые Орфей выдает за свои, мы слышим. Кого-то серьезного привлекли. Это – однострочники, но не как у Вишневского, а лирические и трагические. Самого Орфея мы не слышим, но мы слышим стихи его конкурента, которые настолько хороши, что он выдает их за свои, и все становится на свои места. У Орфея – хуже. Посмотрите, как это решено.

Вам нужен поэт. Есть, конечно, хитрый способ... Читатель наш, в основном, имеет высшее образование без среднего. И если вы раскопаете кого-то редкого, но хорошего, можно попробовать. У меня в тех же «Небеса лику-ют»... Мне нужны были хорошие средневековые сонеты. Я пошел средним путем. Я взял знаменитый цикл Юрия Вейнерта и Якова Харона «Злые песни Гийома дю Вентре», написанный двумя зеками в тридцатые-сороковые годы. И у меня шевалье, изгнанник, читает стихи, написанные двумя колымскими зеками.

Олег Ладыженский: А потом приходят ляполовы – и начинают рассказывать, как автор ошибся...

Андрей Валентинов: Эти стихи не трогали! Это был своеобразный прием, который должен на читателя действовать. Изгнанник, потерявший родину, читает сонеты, двух интеллигентов другого времени, написанные в лагерях.

Олег Ладыженский (*улыбаясь*): Я, как простой великий поэт, пишу стихи сам.

Андрей Валентинов: В принципе можно найти малоизвестное, а его много, малоизвестного, но очень и очень неплохо написанного. Обращаю ваше внимание прежде всего на поэтов конца девятнадцатого – начала двадцатого веков. Целый слой из-за революции прошел незамеченным. Они не попали в учебники и хрестоматии, многие умерли, попали в эмиграцию... У них столько хорошего! А внизу страницы: «Использованы стихи поэта такого-то». Тогда вы никого не ограбите. Копирайт соблюден и...

Дмитрий Громов: И польза несомненна!

Вопрос из зала: А как быть с авторским правом на скрытые цитаты?

Олег Ладыженский: А нет авторского права на скрытые цитаты. Какие проблемы? Их применяли... Я прослеживаю до девятого века нашей эры.

Вопрос из зала: А сейчас?

Олег Ладыженский: И сейчас никаких проблем нет.

Андрей Валентинов: Применять и не думать.

Дмитрий Громов: Это делают все, кто угодно. От мейнстрима и детективщиков, до фантастов нашего времени. Этих цитат полным-полно у тех же Стругацких.

Олег Ладыженский: У кого хочешь! Как вы собираетесь работать с ассоциациями, не используя чужих цитат?

Андрей Валентинов: Представьте себе, как у вас в произведении взбесившийся коммунист кричит: «Как сказал великий Ленин»... И внизу: копирайт... Кто же так делает? Достаточно Ленина процитировать.

Вопрос из зала (Директор): Скрытое цитирование – мощный инструмент. Можно пример из себя? Вот в великом романе «Десант на Сатурн» действие происходит триста лет спустя. Имеется скрытая цитата из мультфильма «Трое из Простоквашино». Зачем это сделано? Ситуация очень схожая. Есть персонаж, которого все воспринимают не таким, какой он на самом деле. Кот Матроскин, в данном случае: «А я еще могу крестиком вышивать». Читатель, который в этом контексте находится, сразу поймет, в чем дело. Ага! Это – замаскированный супермен! Все четко!

Андрей Валентинов: Но это уже – постмодернизм! Хоть слово это дико! Злоупотреблять этим не стоит, потому что это уже – подмигивание читателю.

Олег Ладыженский: И ставить цитату в контекст надо так, чтобы, если читатель не знает, откуда цитата, она все равно работала.

Дмитрий Громов: Чтобы общий смысл не терялся.

Андрей Валентинов: Но ассоциировать с современными популярными произведениями кинематографа и мультипликации – это подмигивание читателю. Этим Никитин балуется, да и многие авторы. Про Белянина я уже...

Дмитрий Громов: Это может быть, если герой – наш современник с соответствующим культурным багажом, и он разговаривает фразами из мультфильмов. У человека просто такая речь. Раскрываем образ героя.

Андрей Валентинов: А когда в фильме «Первый рыцарь», который, конечно, полукомедия, но там якобы двенадцатый век, вдруг начинают трибуны петь из Фредди Меркьюри – извините, это что? Подмигивание зрителю. Типа, как они круты! Но – нарушение правил игры.

Употреблять, но не злоупотреблять.

Вопрос из зала (Владимирский): Периодически в детективной литературе у автора возникает необходимость описывать работу неких бюрократических структур, и мы все знаем, что бюрократическая структура – это милиция. От поступления заявления и до возбуждения дела – пока то, пока сё – пройдет не один день, а может, и не одна неделя. Но в детективе это как-то нужно...

Дмитрий Громов: Ужать время, чтобы не тянуть резину.

Вопрос из зала (Владимирский): Да. Какие приемы можно использовать для этого? Мы же все понимаем, что динамика посыплется...

Андрей Валентинов: Василий, а как ты делал?

Владимирский: Никак не делал.

Андрей Валентинов: Но у тебя не одна книга на подобную тему.

Владимирский: У меня, извините, ФБР.

Андрей Валентинов: А там этого нет? А не верю!

Дмитрий Громов: Василий интересную тему затронул. Более того, в части текстов на семинаре эта проблема тоже есть. Реально действие должно

происходить, скажем, неделю или две. Но это затянет действие. Хорошо бы его ужать и ускорить. Такая ситуация не только в детективе бывает. Кино, старые индийские фильмы. Индусы не понимали, как может быть, что человек вышел из машины, и сразу оказался в комнате в конце дома. Они подробно показывали, как он выходит из машины, закрывает дверь, поднимается по всем ступенькам, проходит восемь коридорами, заходит в комнату и только после этого начинает общаться с женой. А то, что видеоряд ничего зрителю не дает, ничего не происходит... Этот коридор можно выкидывать или давать: «на третий день он заметил, что в камере не хватает одной стены».

Владимирский: Тут есть некоторая сложность. Я просто уточнить хочу. Следственная бригада выехала на труп через три-четыре часа, а знаем, что в реальности ...

Андрей Валентинов, Дмитрий Громов, Олег Ладыженский (хором): На труп быстрее!

Олег Ладыженский: По сути, это чисто технические моменты – и приемы, которыми они решаются, тоже чисто технические. Мы можем на убийстве закончить главу, следующую начать с возбуждения дела. Прошла неделя. В тексте это быстро.

Дмитрий Громов: За это время герой измаялся, измучился...

Олег Ладыженский: Я должен ввести фактор, почему следственную бригаду отправили на следующий день...

Андрей Валентинов: Убить племянника начальника!

Олег Ладыженский: Убить племянника, звонок областного прокурора... Мне нужны новые факты, чтобы оправдать ситуацию.

Дмитрий Громов: У героя оказался знакомый – крупный начальник в милиции, и он надавил на свои рычаги. Или знакомый адвокат...

Андрей Валентинов: Или это – Москва перед Олимпиадой.

Олег Ладыженский: Нужна дополнительная мотивировка...

Андрей Валентинов: Из машины!

Дмитрий Громов: Более или менее реалистическая.

Голос из зала: И так в милицейском сериале каждый раз.

Андрей Валентинов: А мы не пишем милицейские сериалы!

Олег Ладыженский: Или это – понятная всем игра с читателем. Мы заранее принимаем правила игры.

А. Бор: Я не помню, я такой фильм смотрел. Там такой сюжет: писатель написал роман. Режиссер снял фильм по нему. Фильм вышел на экраны. Писатель пишет роман – год. Фильм снимается полгода. Выходит на экран; после того, как вышел на экран, проходит какое-то время. А по фильму это произошло в течение месяца!

Олег Ладыженский (доброжелательно): А в чем вопрос?

А. Бор: Ну вот... К тому же!

Андрей Валентинов: Я советую вам написать жалобу по этому поводу!

Вопрос из зала (Н. Немытов): Я из группы Андрея Валентиновича, поэтому мнение Олдей особо ценно! Потому что мне открывается все немножко

по-другому! Понимаете, в чем дело? И у меня создается такое впечатление, что откровения Валентиныча для параллельной группы тоже...

Дмитрий Громов: Оригинальны.

Немытов: И такая идея: может быть, все трое должны были читать наши произведения?

Олег Ладыженский: Еще чего не хватало!

(хохот в зале)

Дмитрий Громов: Тогда бы вас здесь было в два раза меньше!

Немытов: Я задавал такой вопрос, и хотел бы от троих, поскольку здесь полный комплект... Юмористическая фантастика и юмор в фантастике?

(Андрей Валентинов, Дмитрий Громов, Олег Ладыженский смеются)

Дмитрий Громов: Нет плохих направлений в литературе. Смотря как написано. Юмористическая фантастика имеет право на жизнь. Может быть, юмористическая фантастика – это Успенский и Лукин...

Олег Ладыженский: Давайте говорить о юмористической фантастике «ширше». Нет отдельно *юмористической фантастики*.

Андрей Валентинов: Есть серия такая!

Олег Ладыженский: Я не рассматриваю эти формальные признаки, это глупо. Она зависит от чувства юмора у писателя, а оно бывает разным. И разным по уровню, и разным по методам. Оно зависит от чувства юмора предполагаемой аудитории, которое тоже бывает разным.

Дмитрий Громов: Книги Успенского рассчитаны на одних, а книги Белянина – на других.

Олег Ладыженский: Юмористическая фантастика – это Марк Твен. Это – некоторые произведения Карела Чапека. Это – Михаил Успенский. С другой стороны, сами приведете примеры. Проблема, как по мне, заключается в следующем: чувство юмора подразумевает очень широкий спектр инструментов. Есть юмор. Есть сатира. Есть пародия. Есть ирония. Есть сарказм. Есть насмешка, есть памфлет, есть «черный юмор», есть гэги, есть буффонада... Есть фарс. Они абсолютно разные! Трагедия юмористической фантастики – современной – заключается в следующем: авторы из всей палитры владеют только одним – стёбом. В слово «стёб» они вписывают, и иронию, и пародию, и памфлет... Кроме стёба, они не владеют ничем. Стёб – это очень узкая полосочка, глупая пародия.

Дмитрий Громов: Примитивная пародия.

Олег Ладыженский: Больше ни одним средством они не владеют. В отличие от Твена, Чапека, Шефнера и по списку... А если широко брать – Ильфа и Петрова...

Дмитрий Громов: Шекли, Каттнера. Булгакова, в конце концов – «Роковые яйца».

Олег Ладыженский: Трагедия заключается в том, что таким подходом «юмористическая фантастика» вымыла читателя как породу, оставив у себя исключительное «золото». Любителей стёба. Вот они это и кушают. В фантастике юмор необходим. В самой трагической книге. Могильщики у Шекспира хохмят в трагедии, потому что после этого идет трагическая сцена.

Чем-то надо оттенить. До тех пор, пока мы будем владеть только стёбом, ничего хорошего в области юмора не получится. Сатира, ирония, сарказм – они разные. Сарказм – злой. Ирония – тонкая. Буффонада тоже зачастую нужна! Есть же клоуны уровня Никулина и Шуйдина! А есть клоуны уровня: вышел, извините, подсрачник отвесил. Зал хохочет. Старушка торт кому-то на голову уронила – тоже хохочут. Есть же Чаплин!

Голос из зала: Стёб подразумевает глумление... В отличие от сатиры, которая высмеивает то, что нужно.

Олег Ладыженский: Я бы сказал так: стёб – это великий грех. В который падают раз за разом.

Андрей Валентинов: Олег, то, что ты говоришь – правильная теория. Но практика такая: сейчас выявилось некое направление под названием «юмористическая фантастика», совершенно примитивного уровня, построенная, в основном, на стёбе над хорошо известными вещами. Есть авторы, которые берут историю классическую – хоть осаду Трои, хоть Всемирный Потоп – и все это, хихикая, пересказывают. На самом деле были не Боги, не герои, не демоны, а такие гадкие товарищи, все пьют, один еще еврей оказался. Это – шутка юмора.

Голос из зала: Блокаду Ленинграда обстебать!

Андрей Валентинов: Да-да. Так вот: это практика. Сейчас «юмористическая фантастика» – словосочетание, которое у любого более-менее разумного читателя вызывает рвотный рефлекс. Преодолеть это очень трудно. Юмор в произведении – это одно. Использование юмора как метода – другое. А наша «юмористическая фантастика» – третья. Хороший писатель Белянин – когда он пишет без соавторов, особенно когда старается, он действительно хороший писатель – породил кучу чудищ: мелких, гадких, отвратительных.

Голос из зала: То же самое можно сказать и о фантастике вообще.

Голос из зала (Эрик Брегис): Могу рассказать сцену. Ко мне пришел автор – наш, местный. Он когда-то издал давно за свои деньги два киноромана... И начал мне объяснять, какая это хорошая книга на современном материале про любовь. Я ему говорю: «Вы знаете, сейчас такая сложная ситуация... У меня была мысль издавать современную прозу отдельной серией, но сейчас пока мы завязались на фантастике». И только я произнес это слово, он изменился в лице, вскочил, и со словами: «Я опять не туда попал!» – вылетел из кабинета.

Олег Ладыженский: Мы с Димой это еще в Москве, в марте повторяли... Мы сказали: «Современная фантастика делится на два неравно широких рукава. Вот – литературная фантастика. В нее входит все, что угодно, но это – литература. Более того, там может быть как плохая, так и хорошая литература. Но – литература как вид искусства. А вот – развлекательная индустрия, мимикрирующая под литературу». Нам ответили громким хором: «А, все понятно: они имеют в виду, что первая – хорошая, а вторая – плохая».

Нет. И там, и там есть хорошая и плохая. В литературной фантастике может быть хороший роман и плохой роман. Очень плохой! Плохо написанный

бездарным автором. Но это – литература, как способ отражения действительности, преломленной через сознание автора и описанной в художественных образах. Просто автор плохо это делает! Такая фантастика ставит задачи литературные, она строится по законам литературы. Это – человек, просто больной, недоразвитый. Но – человек.

С другой стороны, в очень широком рукаве развлекательной индустрии, для коммерческих целей притворяющейся литературой, может быть очень профессионально сделанное произведение. В этом смысле развлекательная индустрия бывает очень качественная. Но это – не литература, потому что там вступают в действие совершенно другие законы.

Дмитрий Громов: Задачи, цели, методы реализации и так далее.

Олег Ладыженский: Самый простой закон развлекательной индустрии – show must go on.

Вопрос из зала: А пример привести можете?

Олег Ладыженский: Вся серия «Сталкер». От начала до конца. Там много качественных произведений.

Андрей Валентинов: А если бы вы знали, кто там пишет!

Олег Ладыженский: Но литературой серия «Сталкер» не является.

Андрей Валентинов: Новеллизации фильмов. Иногда – хорошо сделанные.

Олег Ладыженский: Целая куча книжек «праведьму». Нет там действительности, преломленной через сознание автора и выраженной в художественных образах. Нет там ни художественных образов, ни действительности, ни сознания автора! А есть сублимация мечтаний и потребностей целевой аудитории.

Дмитрий Громов: А также следование канве, заданной Ольгой Громько. Причем к самой Громько это не относится.

Олег Ладыженский: Целый ряд боевиков, которые являются беллетризациями всевозможных компьютерных игр.

Андрей Валентинов: По сути, аттракционы, только они не существуют.

Олег Ладыженский: Весь сюжет, все под игру заточено. Проекты, когда человек пишет книгу, а на самом деле мечтает, как по ней потом снимут фильм, сделают компьютерную игру... Он заранее пишет, чтобы легко было снимать и делать игру.

Дмитрий Громов: Это – не литературные задачи.

Олег Ладыженский: Это – очень широкий рукав. И в нем целая куча великолепных произведений не-литературы. Отличные шоу, сценарии...

Андрей Валентинов: Представьте себе карусель. Хорошая, раскрашенная, работает прекрасно. Но это – не книга!

Дмитрий Громов: Вы же не скажете, что это – автомобиль, и на нем можно куда-то уехать!

Олег Ладыженский: Поэтому меня разбирает смех, когда целый ряд вменяемых критиков пишет разгромные рецензии на не-литературные произведения. Нет смысла! Их надо исследовать как «проекты». Это – не книги. Поэтому у этих «книг» нет финала. А мы говорим о кульминации, завязке,

развязке! Какая развязка? Как понадобилось ремонт в квартире сделать – так продолжили любимый сериал! У этих произведений другая структура, другая композиция, другие задачи; очень часто – другая аудитория. Знаете, чем отличается аудитория первого «рукава» и второго? У первой – читатель, у второй – потребитель. Читатель согласен приложить ряд усилий для достижения цели. Читатель хочет, чтобы его увлекли. Потребитель не согласен приложить ряд усилий, чтобы достигнуть каких бы то ни было целей. Потребитель хочет, чтобы его развлекли.

Дмитрий Громов: У него одна цель: отдохнуть. Дайте мне развлечение в готовом виде, чтобы я его потребил и получил удовольствие.

Олег Ладыженский: Это принципиально разные таргет-группы. Нельзя требовать от каждой группы, чтобы они занимались несвойственными им занятиями.

Дмитрий Громов: Более того, это не значит, что группы не пересекаются. Представитель первой группы в какой-то момент, устав, может сознательно взять продукт развлекательной индустрии – и с ним отдохнуть.

Андрей Валентинов: Мы в моей группе подробно обсуждали этот вопрос, и я приводил примеры, когда делалось одно, а получалось другое. Скажем, одной известной скандинавской писательнице заказали учебник географии. Совершенно прикладной текст. У Сельмы Лагерлеф получился «Нильс и дикие гуси». «Трое в лодке, не считая собаки» – путеводитель по Темзе. Первоначально. Потом сам издатель сказал: «Выкинь все это, пусть будут у тебя герои». Но это – исключения. Талант не пропьешь.

Дмитрий Громов: А вот обратных исключений, к сожалению, много.

Олег Ладыженский: Нет смысла писать рецензии, требуя от каждой из групп диапазона или задач другой. Нет смысла предъявлять претензии или возмущаться тем, что не свойственно заранее очерченным задачам. Надо понимать, что это – литература или мимикрант. И то, и другое может быть плохим и хорошим.

Дмитрий Громов: Есть еще пять минут. Я хотел развить тему мимикрантов.

Олег Ладыженский: А давайте мы ее разоведем после перерыва!

МАША ЗВЕЗДЕЦКАЯ

РЖП В ЛИЦАХ: АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

Алексей Пехов. Пересмешник. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 476 с.

Драйв первичен, литература вторична.
Вадим Нестеров

*От Пехова не ждут,
что он напишет, как Лев Толстой.
Над ним не довлеет
проклятие завышенных ожиданий.*
Галина Юзефович

Все знают, что за РЖП (Русскоязычная Жанровая Проза) я наблюдаю пристально и ревниво. Очень мне хочется, чтобы русский дух окреп и исполнился авантюрных замыслов – мало ли куда кривая общественного устройства вывезет. А так читается юноша младой со взором горящим авантюрных романов и поймет, что нечего ждать милостей от природы или старшего менеджера, и станет жизнь свою обустраивать к лучшему самостоятельно и собственным умом. Это, конечно, прекраснотушные мечтания, но многое в жизни движется ими.

Однако с авантюрной прозой у нас все плохо, или очень плохо. Она не существует как деятельная часть жанровой словесности. Она, скорее, мертва, нежели жива, подтверждением чему служит последний роман убийцы русской литературной традиции – Бориса Акунина. «Сокол и ласточка» – чтение, безусловно, авантюрное, но построенное из некротических материалов: Акунин разымает трепещущее тельце определенного типа романа и из печени, селезенки, костей и прочих останков лепит новый текст, который очень напоминает живой и настоящий, да только не пахнет ничем и движется, точно зомби.

Нет, и зомби авантюрного романа – даже они! – мне милы и приятны, потому что из их сухих косточек тоже может прорасти что-нибудь живое. Однако хотелось бы, чтобы это происходило не в таинственном благовремени, но здесь и сейчас.

И почему бы не Пехов?

1

Алексей Пехов случился в моем чтении через дружочка Джаббу Бурносова. «А вот почитай-ка роман «Под знаком Манतिकоры», – сказал он мне.

И я почитала.

При всей слабости и невнятности роман этот был исполнен живого авантюрного духа. И я начала думать, что именно Пехов будет тем, кто яростным «плюновением» вдохнет жизнь в подобную прозу. Однако дни шли за днями, Пехов все больше любил в себе фэнтези, и мало-помалу всякая надежда исчезла во мне.

Будто ее не было.

Пришел год 2009-ый, и вышел роман «Пересмешник», который кто-то в шутку назвал лучшей книгой Пехова. Еще говорили: Пехов написал авантюрный паропанк (справочно: паропанк — это викторианская эпоха в любовной связи с паровыми машинами, а также иными разнообразными механизмами с красиво прорисованными зубчиками и шестеренками; расцветает ранний капитализм и повсюду дымчат заводские трубы, но сельская жизнь по-прежнему мила и патриархальна). Еще говорили: Пехов написал фэнтезийно-детективный нуар.

Ну как тут удержаться от чтения?

Я не случайно пришила сверху цитату из Галины Юзефович по поводу того, что над Пеховым не тяготеет проклятие завышенных ожиданий. Да, никто не ждет от него, что он напишет, как Лев Толстой. Но, черт побери, лично я жду, что он напишет, как Сабатини, а то и лучше его!

Однако мои ожидания во многом оказались обманутыми.

2

Роман «Пересмешник» — чтение добротное, сильные и слабые стороны которого обусловлены текущим состоянием РЖП, которое, в свою очередь, определяется нынешним горизонтом читательских ожиданий. Читатель ждет уж рифмы «розы», а именно: зрелищного чтения, ориентированного на виртуальную, анимационную или кинематографическую реальность.

Если говорить о Пехове как о писателе с точки зрения игровой организации, то он пишет квесты. Если рассуждать о нем с точки зрения кинематографической ориентированности, то он экранизирует комиксы. Если же мы будем держать в уме аниме, то роман «Пересмешник» — недурной паропанковский сериал (серий примерно на 26) в духе «Цельнометаллического алхимика»: паровые машины и магия в одном флаконе + любые элементы, которые играют на руку автору (не зря эклектика становится эстетическим принципом нашего времени!).

Однако если мы все так прекрасно понимаем и так ловко раскладываем по полочкам, какие претензии к тексту мы можем предъявить? Неужто остается молчать и слушать, то есть читать и не рыпаться?

Какое там!

И к тексту и к автору возникает множество вопросов — как с точки зрения писательской самобытности Алексея Пехова, так и с точки зрения внутренней организации романа и способов такой организации. Один из моих корреспондентов, с которыми мы перемывали косточки роману «Пересмешник», сказал, что не о чем там говорить, нечего там обсуждать. Однако, с мо-

ей точки зрения, поговорить есть о чем почти всегда: ни один роман не существует изолированно, в отрыве от других книг и вне читательских ожиданий. Даже вполне невзрачные книги отражают общественные настроения и воспроизводят определенные тенденции развития жанровой прозы — и это кажется особенно интересным таким профессиональным читателям, как я. Поэтому всегда можно поговорить о романе среди романов и авторе среди других авторов.

3

Фабула и сюжет романа «Пересмешник» очевидно разнонаправлены. Фабула раскрывается по обыкновению линейно, сюжет романа движется против обыкновения возвратно: автор выбрал такую методику развития действия, по которой каждый новый шаг вперед непременно связан с ретроспективными проекциями. Пленка все время отматывается назад — в эпизодах прошлого или в воспоминаниях.

Главный герой — живой мертвец, некоторое время назад он был казнен по обвинению в тяжком преступлении, но казнь отсрочена до той поры, пока не иссякнут его магические таланты. Детали преступления, что некогда совершил чэр Тиль эр'Картия по прозвищу Пересмешник, проявляются постепенно, а прошлое регулярно всплывает в настоящем.

Самая попытка нелинейного развития действия уже заслуживает похвалы, поскольку предполагает более изощренную работу с сюжетом. Однако неизбежно возникает вопрос, идет ли это на пользу роману, который, по сути, не что иное, как авантюрно ориентированный квест? Больше того, роман выходит в фэнтезийной серии и на фэнтези же равняется: Пехов в полном согласии с фэнтезийным каноном сочиняет мир, в котором зеленое солнце выглядело бы естественным и единственно возможным; мир, в котором добро неизбежно одерживает победу над злом. В связи с этим возникает другой вопрос: улучшают ли качество авантюрного романа многочисленные фэнтезийные элементы? Нужны ли в мире паропанка мыслящие растения, которые являются двигателем научно-технического прогресса? Работает ли на сюжет загадочное племя мяурров — с псевдокошачьим языком? Нужен ли роману дополнительный движок в виде детективной составляющей («Джек Потрошитель в мире духов»)? И зачем флер нуара?..

Все эти вопросы приводят к неизбежному выводу: необходимость постоянного сочинительства в области фэнтезийного антуража губит Пехова-рассказчика. Пехов мог бы стать прекрасным автором авантюрно-приключенческих романов (роман «Под знаком Мантикоры» упречен, но далеко не безнадежен, а главы из незавершенного морского романа в соавторстве с А. Парфеновой и вовсе были хороши). Однако время требует фэнтези — и Пехов всё больше становится фэнтезийщиком, в итоге жанр давит на автора, прогибая под себя.

В результате вся машинерия книги «Пересмешник» работает как стеклянный механизм: внутренности ее прозрачны, и слишком хорошо видно, как эта птичка собирается и разбирается. Здесь эклектически собранный

фэнтезийный антураж, тут немного нуара, там чуточку детективной интриги, а вот еще и паропанковская картинка, и надо всем этим гордо реет пламя свободного сочинительства.

Однако сочинительство вовсе не свободно: все составляющие романа должны быть связаны между собой — не только сюжетно, но и логически, и должны быть правдоподобны, то есть восприниматься как сущие в данной книжной реальности. Если же они представляют собой набор декораций, механически выставляемых на сцену, логически противоречащих друг другу и легко изымаемых из текста без ущерба для него, — зачем они нужны? Это все же книга, а не компьютерная игра со свободой анимации и бездумной сменой задних планов.

Иными словами, попытки играть с сюжетом выглядят механистически, поскольку не исходят изнутри текста, но навязаны ему автором. Попытки связать воедино авантюрный дух, паропанковский бэкграунд, детектив в стиле нуар и фэнтезийный антураж также выглядят необоснованной эклектикой и вызывают массу вопросов. Намешано разного: важного и не очень, обоснованного и высосанного из пальца. Куча мала... Существенные вещи остаются без объяснений, зато несущественные расписываются в деталях.

Один из моих корреспондентов написал по этому поводу: «Я ведь говорю не о том, что эклектика — плохо. Соединить несовместимое и доказать, что оно жизнеспособно — увлекательно и весело. Но! Я говорю об элементарной безграмотности, что не имеет никакого отношения к эклектике как к таковой. Речь не о том, что Пехов вписал колдунов в образ викторианской Англии, Бог ему судья, тем более, что такие попытки уже предпринимались. Суть в том, что Пехов понятия не понимает, что есть викторианская Англия, и никакая эклектика тут ни при чем. В доме не может быть трех дворецких и мажордома (я уже не говорю о метрдотеле). Дамы в доме разгуливают на балу в шляпах — нонсенс... Паровые викинги — пусть будут, раз для сюжета надо, но откуда они взялись? Где технологии такие? Пусть бы хоть абзац, кто их придумал? Откуда взялся именно такой мир? Почему в нем латынь? Кто на латыни говорит и зачем?.. Пехов молодец в том смысле, что у него стопроцентное попадание в целевую аудиторию — полуграмотных потребителей армадури. Всего побольше и покруче, и будет — супер. Никто не задумывается, откуда что берется».

4

И вот получается, что к новому роману чрезмерно много претензий, потому что ничто в нем не работает так, как должно, а главное — естественным порядком. Один вид жанровой литературы натягивается на другой и слабывается перчинками «от смежников». Я вижу в этом всю ту же тенденцию — по увеличению в повествовании зрелищной компоненты, а мои корреспонденты отмечают неубедительность и непродуманность этого зрелища.

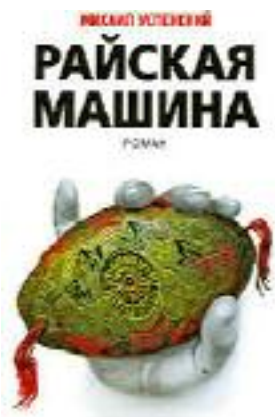
Таким образом, «Пересмешник» — это шаг в сторону от «Хроник Сиалы», но и одновременно шаг в сторону от «Под знаком Манतिकоры», отказ от простых историй в пользу барочного кружева фэнтези.

Хорошо ли, плохо ли, но это одна из тенденций русскоязычной жанровой прозы и настоящее Алексея Пехова, и в качестве таковых заслуживает обсуждения. Однако неплохо бы авторам фэнтезийных романов понимать, для чего они усложняют простые вещи, ведь это не идет на пользу ни сюжету как таковому, ни книге в целом. Усложнение сюжета сбивает драйв, столь важный для жанрового чтения. Набивка романа несущественными деталями и излишняя тщательность в антураже пятого плана делают книгу похожей на пыльный чулан, где в одну кучу свалены вещи, что могут еще пригодиться, и вещи, что никуда не годны, то есть драйв мало того, что спотыкается, так еще и вязнет в мелочах. Автор сосредоточивается не на развитии действия, но на разных «финтифлюшках» вокруг него, хотя во все времена не было ничего лучше, чем хорошо и со вкусом рассказанная история...

ККК72

ГОРЬКОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Михаил Успенский. Райская машина. – М.: Эксмо, 2009. – 320 с.

В разных произведениях классической литературы от «Короля Лира» до «Айвенго» фигурируют похожие персонажи – старые, много повидавшие на своем веку шуты. Именно у них хватает смелости говорить в глаза владыкам правду, даже самую нелицеприятную. Именно у них хватает мудрости видеть других людей со всеми их достоинствами и недостатками насквозь. Именно у них оказывается достаточно верности, чтоб не бросить своего поверженного господина, когда храбрейшие рыцари давно переметнулись на сторону победителя. Вот только шутки их все чаще оказываются горькими,

жесткими и совершенно не смешными. Да, в тяжелые времена только шут может позволить себе сказать правду. Вот только услышат и поймут ли его?

Искренне уважаемый мною Михаил Успенский все больше напоминает мне именно такого старого шута, который отчаянно хочет донести до людей некую важную истину, дать нам почувствовать довлеющее над автором чувство надвигающейся беды. А мы все улыбаемся, читая его книги, и говорим, что шутки мэтра что-то стали совсем невеселыми.

Шутки Успенского действительно стали грустными. Ушло из его книг то искрометное чувство юмора, благодаря которому они читались на одном дыхании и разбирались на цитаты. Не так просто определить и жанр этого романа. Это, скорее, некая сюрреалистичная притча о пронзительной и горькой истории нашей с вами жизни.

Несколько слов о сюжете. Проживший волею обстоятельств несколько лет безвылазно в тайге, главный герой возвращается к цивилизации и не может узнать свой родной Крайск. Город заполнен какими-то африканцами, территория патрулируется международными силами ООН, состоящими из сикхов. Привычный образ жизни сломан. Вокруг пестрят лозунги совершенно непонятного содержания. В общем, наступил не то вселенский Армагеддон, не то истинно русский Звиздец, а скорее, нечто среднее между ними – какой-то Химэй. На протяжении всего романа герой пытается разобраться в происходящем, попадает то в странные, то в смешные, то в страшные истории, встречается с совершенно необычными людьми и попутно вспоминает свое прошлое. Разгадка же событий

оказывается неожиданно тривиальной, поразительно реалистичной и чудовищно жестокой.

На протяжении всей книги автор с поразительным упорством и меткостью тычет нас в наши же слабости, пороки и недостатки, а в итоге выносит безжалостный приговор всему обществу, способному на любое злодейство ради мелких бытовых благ, и каждому из нас, чья слепота, малодушие и суеверие помогают негодьям.

Как же мы все, по мнению автора, измельчали! Даже Дьявол – и тот превратился в мелкого беса.

При этом роман очень автобиографичен. В Крайске легко угадывается родной для автора Красноярск. Черты характера, мысли, чувства, проблемы и сомнения главного героя также очень «авторские».

В итоге – перед нами текст, заставляющий читателя тяжело и напряженно думать едва ли не над каждой строчкой. Хочется упомянуть весьма не-тривиальных персонажей, с легкостью меняющих свои личины. Подивиться странным картинам будущего, созданным автором. Восхититься некоторыми эпизодами, вроде тягача-ракетовоза, названного «графиня де Шеврез». Задуматься над многими морально-этическими проблемами. Но, боюсь, будет слишком много спойлеров.

Читайте сами и думайте над этим романом самостоятельно. Он того стоит.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

СПАСАЙТЕ, КТО МОЖЕТ!

Чтобы стать настоящим героем, нужно не только соответствующее состояние души, но и кое-какие атрибуты: пара крыльев, испепеляющий взгляд, супероружие, особо липкая паутина... в общем, любое ноу-хау, которое может заставить врага сдаться. И беда, если в злополучный момент подарочный (от судьбы) бонус не сработает. Или, хуже того, никакого бонуса вовсе нет. Что тогда?

Мышь ли я дрожащая, или право имею?

Персонаж комикса отличается от нормального живого человека не только тем, что и комиковый герой, и комиковый злодей – практически неуничтожимы, но и четкостью дихотомии: светлый – хороший, темный – омерзительный, а между ними сонм никаких, которых одному положено спасать, а другому – изводить и искушать. Кристофер Нолан, уже второй раз (после фильма «Бэтмен. Начало») взявшийся за киноисторию человека-летучей-мыши, из принципа порвал с комиковыми правилами и нагрузил фильм чуждыми черно-белому жанру мучительными, почти в духе Достоевского конфликтами. В фильме «Темный рыцарь» (The Dark Knight, США, 154 минуты, «Universal Pictures Rus», 2008) миллионер Брюс Уэйн, он же Бэтмен (Кристиан Бэйл), не супергерой, а

практически Ваня Карамазов, а размалеванный преступник Джокер (последняя законченная роль Хита Леджера) – амальгама подхихикивающего убийцы Смердякова, безумного экспериментатора Раскольникова (который убил из принципа, а награбленным не воспользовался) и пребывающей бездны мрачной на краю Настасьи Филипповны (есть в фильме даже сцена с сжигаемыми деньгами – правда, тут их целая гора, жанр требует масштабов). При этом в фильме есть все атрибуты 150-миллионного блокбастера: высокотехничная сцена ограбления банка, принадлежащего боссу мафии

Сальваторе Марони (Эрик Робертс), а также автомобильные погони (в ходе которых из разбитого напрочь «бэтменобилия», словно бабочка из куколки, выдупляется изящный «бэтменоцикл»), полеты между небоскребами с эффектным залетом в один из них через окно (шум, брызги стекла), взрывы билдингов и технически безупречный (и очень страшный) грим Аарона Экхарта, играющего полуобгоревшего прокурора Готэма Харви Дента. В фильме Нолана Бэтмен с самого начала сражается за правду очень нехотя, с большим омерзением и к себе, и к Готэму, и только и ждет момента, чтобы переложить свою ношу на плечи Денту. Однако после того, как усилиями все того же Джокера погибла возлюбленная Дента (и Уэйна, кстати) Рэйчел Доул (Мэгги Гилленхаал), уже упомянутый обгоревший прокурор перешел на сторону зла (с такой-то рожей уже нельзя защищать людей, а можно лишь им мстить). В такой ситуации человеку-летучей-мышь приходится скрепя сердце снова надевать костюм из бронерезины и... В комиксах традиционен хэши-энд, но и его в фильме не будет. Два с половиной часа Кристофер Нолан будет мучить зрителя, а зритель будет надеяться на лучшее, и все равно в итоге выйдет шиш – злодей до конца вроде и не победил, но и усилия героя, по большому счету, тщетны. Ничья. В реальной жизни так чаще всего и бывает, но мы ведь не для того смотрим блокбастеры, чтобы в очередной раз соприкоснуться с реальной жизнью, правда?

Чемодан для экстрасенса

В телесериале Стивена Спилберга «Похищенные» актер Джоэл Гретш играет роль редкого правительственного гада, который всю дорогу охотится за пришельцами и, карьеры ради, готов пожертвовать всеми и всем. Поэтому, когда в самом начале фильма Пола МакГигана «Пятое измерение» (Push, Канада – Великобритания – США, 2009, 111 минут) возникает тот же Гретш с бегающими глазками и начинает объяснять своему экранному сыну

Никку, как тому предстоит себя вести в будущем (мол, придет девочка с цветком, и ты ей поможешь), зритель относится к этим словам с подозрением. И сын Ник (его, выросшего, играет Крис Эванс) относится к папиному словесному завещанию без особого пиетета. Так что когда на его горизонте действительно возникает тринадцатилетняя девочка Кэсси Холмс (Дакота Фэннинг – она тоже, кстати, снималась в «Похищенных»), парень долго отказывается ей помогать. Потому что не верит. Хотя сам, между прочим, экстрасенс во втором поколении – владеет телекинезом. А девочка Кэсси предвидит будущее. А бывшая подруга Ника, Кира (Камилла Белль, похожая тут на сестру-

близняшку молодого Тома Круза), обладает даром внушения. Эти и прочие экстрасенсы появились не просто так: всех их создала тайная правительственная организация «Дивизион», возглавляемая демоническим Генри Карвером (Джимон Хонсу) – он тоже обладает даром внушения. Согласно сюжету, Кира украла у Генри целый чемодан со снадобьями, необходимыми Дивизиону для новой серии экспериментов, а Кэсси этот чемодан необходимо, чтобы обменять его на свою мамочку, томящуюся в застенках Дивизиона. И все эти приключения происходят в Гонконге, где тоже есть своя экстрасенсорная мафия: восточная красотка-ясновидящая и толпа угрюмых мужиков, способных своим криком сокрушать стены... Будь сюжет фильма чуть позанимательней, и потрудись авторы картины более-менее внятно объяснить, что уж такого ценного в этом чемодане (раз ради него можно поставить на уши весь Гонконг), в итоге вышел бы далеко не худший, с долей восточной пряности, клон сериала «Герои» пополам с «Воспламеняющей взглядом». Однако фабульные нестыковки так сильны, что картина распадается на вялые перемещения и редкие (хотя и красивые) сцены action – вроде взрывов аквариумов силой вопля и перестрелки на управляемых силой мысли пистолетах... Добавочную неразбериху внесли, как обычно, российские прокатчики фильма, обозвав его «Пятым измерением». Понятно, что буквальный перевод названия не годится (Push – толчок, отсюда и «пушеры» – толкачи наркоты). Но пятое-то измерение здесь при чем? Героям фильма и с четырьмя классическими измерениями не разобраться...

Хранить – не сеять

Прежде чем рассказать о фильме Зака Снайдера «Хранители» (Watchmen, США, 2009, 163 минуты), вновь ответим на главный вопрос: для чего существуют в классических комиксах супергерои – граждане в трико, латексных доспехах и масках? Чтобы спасти Америку. Потому что в комиксе британских художников Алана Мура и Дэйва Гиббонса (они, кстати, нарисовали и «Лигу выдающихся джентльменов», и «V – значит вендетта», и еще много всего) вся эта пестрая братия активно берется за работу и достигает невиданных успехов: с их помощью побеждены Диллинджер и Капоне, сброшена бомба на Хиросиму, достигнут успех по Вьетнаму, произведена высадка на Луну, предотвращен Уотергейтский скандал... И что в итоге? В альтернативном 1985 году у власти – бодрый утконосый Никсон (Мэтт Фрюер), переизбранный уже в пятый раз. Большинство супергероев отправлены в отставку, а Америка, вторгшаяся в Афганистан назло

Советам, находится в пяти минутах от ядерной войны за нефть и за все хорошее. И если два супергероя – самый умный Озимандиас, он же Эдриан Вайндт (Мэттью Гуд), и доктор Джон Остерман, ставший после рокового физического катаклизма синим сверхчеловеком Доктором Манхэттенем (Билли Крадап), – не найдут новых источников энергии, всему миру будет крышка. На этом безрадостном фоне некто убивает одного из отставных супергероев, Комедианта (Джеффри Дин Морган, известный как беглый папа из сериала «Сверхъестественное»), и покушается на Озимандиса. А потому суровый и бескомпромиссный Роршах (Джеки Эрл Хэйли – «Как малые дети») в маске с соответствующим узором начинает собственное расследование, к которому подключаются его коллеги по цеху спасителей Америки – Дэниэл Дрейберг, он же Ночная Сова (Патрик Уилсон), и Шелковый Призрак-2, она же Лили Джупитер (Малин Акерман – «Предложение»), дочка Шелкового Призрака-1 (Карла Гуджино из «Детей шпионов»). Расследование заводит героев в пучину проклятых вопросов о цели и средствах, законе и беззаконии, человеческом и нечеловеческом, слезинке ребенка и соплях убийцы... Подобно Кристоферу Нолану, превратившему Бэтмана из супергероя в измученного невротика, режиссер Зак Снайдер (постановщик «300 спартанцев») отправил всех спасителей Америки к психоаналитику и обнаружил у бедняг кучу комплексов. Чтобы хотя бы более-менее подробно рассказать о каждом, пришлось довести метраж картины до 163 минут (а в режиссерской версии в фильме еще на 20 минут больше). С точки зрения стилистики лента безупречна (и картинка, и саундтрек – чего стоят хотя бы титры на фоне The Times They Are A'Changin Боба Дилана!). С точки зрения логики сюжета главная тема выглядит провальной: умные и всемогущие существа спасают мир от ядерной катастрофы таким идиотским способом и с таким количеством невинных жертв, что, право же, реальные Рейган и Горбачев, не обладавшие никакими суперспособностями, справились с этой задачей стократ лучше. Ну ладно еще Мур и Гиббонс не знали будущего, когда рисовали свой комикс в 1985 году, но Снайдер-то, снимавший фильм четверть века спустя, уже знал, ЧТО будет дальше!

«Гав!» – и люди у лап моих сели

Мир кино и мир реальный настолько сильно отличаются друг от друга, что всякий, спутавший два мира, рискует испытать невероятное разочарование. Об этом снято немало фильмов – от «Пурпурной розы Каина» Вуди Аллена до «Последнего киногероя» Джона Мактирнана. У Мактирнана, кстати, в роли простодушного целлулоидного мачо, вдруг шагнувшего с экрана в жизнь, снялся Арнольд Шварценеггер, чей герой простодушно удивляется, почему ему теперь никак не удастся вышибить кулаком стекло и не пораниться при этом, – раньше-то удавалось? В полнометражном мультфильме Криса Уилльямса и Байрона Говарда «Вольт» (Вольт, США, 2008, 90 минут), сделанном «Диснеем» вместе с «Пиксаром» таким вот удивленным Арни Шварценеггером оказывается не человек, а пес по имени Вольт (в оригинале его озвучивал Джон Траволта, в России – Владимир Вдови-

ченков; в русской версии песику слегка подкорректировали имя, чтобы избежать ненужных ассоциаций). Всю жизнь песик был уверен, что обладает суперспособностями и может выручить свою хозяйку, девочку Пенни (в оригинале озвучивала Мили Сайрус, у нас – Маша Иващенко), от козней Зеленоглазого суперзлодея (Малкольм Макдауэлл). Дело в том, что режиссер сериала про пса и девочку нарочно держал Вольта в неведении, чтобы тот мог сыграть убедительно. И вот однажды, когда по сюжету сериала девочку Пенни захватили люди Зеленоглазого, песик случайно попадает из павильонов студии в реальный мир, да еще за тысячи километров от своего трейлера. Посчитав, что жизнь хозяйки в опасности, Вольт отважно кидается на ее поиски, но вдруг замечает: он – не супер-пупер-пес, а самый обыкновенный, хотя и очень обаятельный щенок... В фильме есть немало иронических отсылок к голливудской продукции (от экшена до мелодрамы), но нет перебора с пародийностью – как в сиквелах «Шрека». По мнению большинства критиков (с которыми солидарен и ваш обозреватель), мультфильм получился необычайно симпатичным и добрым. Хотя реальный мир переполнен дурными созданиями, в фильме «Вольт» почти все герои в итоге оказываются хорошими – и циничная кошка Варежка, вынужденная сопровождать Вольта в его путешествии домой, и гиперактивный хомяк Рино, фанат сериала про Вольта и Пенни, и голуби, у которых полно идей для Голливуда. Единственный негодяй в фильме – прожженный импресарио девочки Пенни, и это омерзительное создание в финале получит сильнейший пинок под зад. К великой радости давно ожидающих этого юных (и не только юных) зрителей.

ПАВЕЛ БОЙКО

HELLO, DOLLY!

«Суррогаты»

В ролях: Брюс Уиллис, Рада Митчелл и другие

Режиссёр: Джонатан Мостоу

Производство: США

2009 год

С производством фантастических фильмов нынче сложилась пренебрежительная ситуация. Несмотря на то, что 99% самых кассовых картин современности, так или иначе, апеллируют к этому жанру, уделом новейшей кинофантастики является задрипанное возрастное гетто «кина для подростков», а неизменным сопровождением – очередные байки на тему взросления некоторых анатомических деталей прямо внутри пирога, сами-знаете-какой-национальности.

На фоне неизбежного стремления голливудских продюсеров жестоко скрестить футуризм с прелестями пубертатного созревания, любой фильм этого жанра, который умудряется обойтись без сальных шуток и подростковых разборок на мостике космического корабля, хочется встречать чуть

ли не с огромным транспарантом в руках.

Опытные пиар-глашатаи взобрались на колокольню повыше и принялись поливать проходящих внизу людей сладким сиропом торжественных обещаний: и тебе – фантастический триллер со сверхзакрученным сюжетом, и социальная фантастика, представляющая собой чуть ли не сатиру на современное общество. Отдельным пунктом – потрепанный, но все еще собирающий кассу «Крепкий орешек» с почти сусанинской бородой, и торжественное обещание режиссера Джонатана Мостоу реабилитироваться после коммерческого титаника под названием «Терминатор 3: Восстание машин».

Как водится, наполнив рот, а заодно – уши с глазами сладчайшим нектаром, зрители потянулись к билетным кассам. Однако вскоре все самые смелые ожидания со скоростью парижской фанеры пролетают прямым ходом из зрительного зала. Вместо величественного гимна или, на худой ко-

нец, марша из «Звездных войн», зрителей с большого экрана вновь приветствует лишь смущенное блеяние. Господа, я вас поздравляю: под покровом очередной сверхмощной рекламной кампании, скрывалась всего-навсего очередная бедная овечка Долли. А если говорить без обращения к красивым аллегориям – заурадный фильм-клон.

В недалеком будущем ученые изобрели суррогатов – роботов, представляющих собой точные копии людей, главная функция которых, как уже следует из самого названия, сводилась к замене своих хозяев. Приятно всегда иметь под рукой свою собственную цветущую и вечно молодую копию, которая выполнит за тебя любую работу, оставив своему хозяину через мысленный контроль лишь одни ощущения без вредных последствий. Суррогат отплясывает – вы чувствуете его драйв без намеков на усталость. Когда он ест, вы ощущаете вкус пиццы без малейшей опасности ожирения. Как следствие – люди замкнулись в своих личных скорлупках, совершенно перестав выходить из дома и полностью переложив все заботы на плечи своих суррогатов. А тут как раз кто-то начинает убивать незаменимых человеческих помощников, и только полицейский – герой Уиллиса, пытаясь выследить убийцу, сможет предотвратить очередной Всемирный Заговор...

Назвать сюжет «Суррогатов» захватывающим или полным неожиданностей смогут лишь люди, которые за последние тридцать лет не смотрели ни одного фильма схожей тематики, не прочли ни одной книги. Длинная нить сценарных заимствований начинается еще в районе сочинений дедушки Азимова про инспектора Бэйли и робота Даниила Оливо («Стальные пещеры», «Обнаженное солнце»). Зрителю также придется вспомнить «Глину» Дэвида Брина и, наконец, объект несомненного преклонения со стороны нашей маленькой Долли – фильм Алекса Пройаса «Я, робот». С последним творится нечто совсем уж странное. Мостоу прикладывает настолько титанические усилия, чтобы воссоздать на экране атмосферу проясовского фильма, что наводит на нечаянную мысль: там, куда режиссера на целых шесть лет сослали продюсеры после фиаско с Терминатором, по вечерам крутили только этот фильм.

Сравнение двух фильмов доходит до форменного анекдота: однотипные путешествия героя по зданию огромной корпорации, достойные покадрового сопоставления модели роботов / суррогатов. Суровый герой Смита, так же, как и суровый герой Уиллиса, не доверяет суррогатам. Он абсолютно так же мучается угрызениями совести из-за смерти ребенка. А венчает корону нашей маленькой овечки фигура изобретателя роботов / суррогатов, главы той самой корпорации, которого в обеих инкарнациях играет... один и тот же актер, Джеймс Кромвелл. Что это – старательное копирование, доведенная до абсурда дань уважения или нездоровый фетиш? Дай Бог, чтобы Джонатан Мостоу сам точно осознал ответ на этот вопрос.

Однако там, где оригинал Пройаса доходит до самобытных и оправданных христианских аллегорий, копия за авторством Мостоу проваливается в крошечно черную пустоту, ибо, кроме ходульной детективной интриги со штампованными персонажами, «Суррогаты» ничего не способны предло-

жить зрителю. Полтора часовая пробежка по местам жанровой былой славы заканчивается на редкость затертой моралью. Несмотря на то, что сам материал представлял собой неплохого качества цемент для сатирических отступлений в духе Терри Гиллиама на темы иллюзорности и фальшивости окружающего мира, губы Мосту ни разу не посетит ехидная саркастичная улыбка, все происходящее на экране просто убивает своей серьезностью и пафосностью. Очевидно, и в этом случае продюсеры благоразумно сочли, что режиссер уже вдоволь нашутился в своей интерпретации Терминатора.

На некогда крепкого «Последнего из бойскаутов» глядеть просто больно: из первого спасителя человечества к исходу пятого десятка мистер Уиллис превратился в старика с глазами сильно пьющего человека. О былой крутизне сегодня напоминает лишь прежнее актерское амплуа, в которое с каждым следующим фильмом веришь все меньше и меньше. В данном разрезе, суррогат его главного героя смахивает на откровенное издевательство над актером, ибо на уиллисовскую старческую фактуру натянули фототекстуру с челочкой чуть ли не 15-летней давности, и смотрится это зрелище довольно жутковато. Остальным актерам в фильме просто нечего делать. Позвав на роли ключевых персонажей актеров вроде Винга Реймса или того же Джеймса Кромвелла, создатели не озаботились наделить их героев ни вменяемой мотивацией, ни забористыми репликами. Все эти лицедеи до жути напоминают продолжение собственных ключевых ролей, отчего фильм распадается окончательно.

Нет, я ни в коем случае не хочу сказать, что «Суррогаты» – это ужасный, отвратительный фильм, просто довольно невнятное зрелище, самыми интересными моментами в котором являются пришитые к нему части тела других, гораздо более удачных книг / фильмов. Самым лучшим в проекте Мосту мне представляется само его название, которое точно и емко передает не только сюжетную составляющую фильма, но и его характер. Согласно авторитетной Большой Советской Энциклопедии, *«Суррогат (от лат. surrogatus – поставленный взамен) – 1) продукт (или предмет), лишь отчасти заменяющий какой-либо др. продукт (или предмет), с которым он имеет некоторые общие свойства, но не обладает его качествами. Например, С. сахара – сахарин; С. зёрен кофе – ячмень, жёлуди и т. д. 2) Подделка; подделанный, фальсифицированный продукт».*

Точнее и не скажешь.

НАТАЛЬЯ ДЕЕВА

НОВОЕ СОЗВЕЗДИЕ НА НЕБОСКЛОНЕ ФЭНДОМА

Как и любой живой организм, фэндом живёт циклично. События – последствия – пора отдыха. Одним из интереснейших событий в жизни фэндома стал конвент «Созвездие Аю-Даг», который проводился с 15 по 18 октября в п.г.т. Партенит на базе ЗАО ЛОК «Айвазовское».

Директор фестиваля Глеб Гусаков |

Наверное, стоит начать с того, что октябрь на южном берегу Крыма часто удивляет солнечными, по-летнему жаркими деньками. Ещё вчера шёл дождь, вы мёрзли в свитере, и вдруг тучи рассеялись, и вам улыбнулось лето. Тёплое море, солнце

| Дмитрий Казаков проводит мастер-класс

ленивое, ласковое, хочется смаковать каждый день.

Или: уже давно наступила осень, дожди и туманы, куртки-ботинки-зонтики, вы садитесь в поезд, выходите на перроне... и возвращаетесь в июнь. На вокзале вас встречают с улыбкой, вы садитесь в автобус, смотрите, как за окна-

Вечер информантиков проходил в беседке, расположенной в реликтовой маслиновой роще

ми лесистые холмы сменяются горами. Выходите и понимаете, что вы в раю. Над головой шумят листья, шелестит бамбук, под вашими окнами – кактусы и агава, а вдалеке пенные волны глядят морду Медведь-горы.

Вы заходите в корпус пансионата и встречаетесь с теми, кто вам дорог, кого вы не видели очень

очень давно. А у входа в рай стоят хранители фестиваля – Светлана Позднякова и Глеб Гусаков.

Несмотря на то, что фестиваль проводится всего третий раз, он прославился среди любителей фантастики тем, что гармонично сочетает, казалось бы, несовместимое: душевное общение друзей и насыщенную рабочую программу. На «Звёздном мосту» фестиваль получил премию творческой мастерской «Второй Блин» с формулировкой «За фантастический Партенит!».

На этот раз «Созвездие» сияло ещё ярче, потому что было совмещено с московским музыкальным фестивалем «textROCK», и такие рок-звёзды, как Михаил Башаков, Евгений Кострыгин, двойная звезда «СП Бабай», украшали небосклон фэндома.

Фестивалю только три года, но он уверенно стоит на ногах. Зная трудности тех, кто ещё даже не в начале пути, а только пытается сделать первые шаги по дороге творчества, организаторы попытались им помочь. В рамках фестиваля проводились мастер-классы Дмитрия Казакова «Мистика и городское фэнтези», Антона Первушина «НФ и фант-боевик в НФ-антураже», а также мастер-класс рецензий известного российского критика и писателя Дмитрия Володихина.

«Откровенных графоманов среди участников не было, но пока их творчество далеко от того момента, когда можно говорить о достойной публикации, которая сделает автору имя. Некоторые интересные идеи и сюжеты я отметил, но форма их подачи пока выглядит крайне неумелой. Что ж, будем работать, и я надеюсь, что мой разбор представленных рассказов не пропадет втуне».

(Антон Первушин)

«Присланные тексты были много лучше, чем в прошлом году, участники подготовились к обсуждению, и вполне адекватно поносили и хвалили друг друга».

(Дмитрий Казаков)

Вечером под аккомпанемент сверчков в маслиновой роще читали стихи участники Поэтического Сообщества Информантиков в лице Андрея Щербака-Жукова и Игоря Минакова, а затем и все желающие,

Павел Амнуэль получает премию «Бронзовый Икар»

включая Олега Ладыженского. Вечер завершился концерт «Бобровой хатки».

Рабочая программа была насыщенной интересными докладами и выступлениями. Участникам конвента постоянно приходилось бороться с искушением понежиться на пляже, но побеждала жажда знаний: в уютных залах порой не было свободных

мест. После презентации журнала «Наука и Жизнь», куда было отобрано несколько рассказов из тех, что участвовали в мастер-классах, состоялся круглый стол на тему «Наука в фантастике».

«Конечно, к общему мнению не пришли, да это и не нужно, наверно: чем больше мнений, тем интереснее. Самые крайние мнения:

- 1. Ради хорошей НФ-идеи (фантдопущения) можно (а порой нужно) пожертвовать психологией персонажей, психология только отвлекает от понимания научно-фантастической составляющей.**
- 2. Психология в художественном произведении первична, все остальное (тем более - наука) вторично и часто вообще не нужно».**

(Павел Амнуэль)

Следующий день был особо богат на доклады. Сначала Дмитрий Федотов отметил победителей конкурса «НФ + Фэнтези = ?», потом Андрей Щербак-Жуков рассказывал об использовании мифологических структур в дра-

матургии фантастического кино. Грамотно составленная программа избавила от выбора между семинаром Павла Амнуэля и Юрия Лебедева «Многомирие в НФ» и докладом Дмитрия Володихина «Идея и искусство в творчестве АБС».

**«Доклад просто великолепный! И очень поучительный.
Надеюсь увидеть его в виде статьи на страницах какого-нибудь
из солидных литературных журналов».**

(Антон Первушин)

Известный севастопольский художник Николай Редька украсил холл картинами и изготовил изюминку фестиваля – стенгазету, где каждый мог написать, что думает, как с автографом, так и анонимно. Народ потешался от души.

В завершение фестиваля состоялся праздничный банкет, фейерверк и Олдёвая дискотека.

***Дискотека это класс,
DJ Громов – супер-ас!***

(Народное творчество, цитата из стенгазеты)

Разъезжаться было грустно, как обычно грустно покидать те места, где было хорошо. Кто-то соблазнился погодой и остался дольше, кого-то дома ждала работа. Но все, кто хоть раз побывал здесь, возвращаются снова и снова.

СПИСОК ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИЙ ФЕСТИВАЛЯ

1. **Елена Хаецкая** (Санкт-Петербург) – Премия им. А. Грина «Золотая Цепь» за роман «Звездные гусары».

2. **Симона Вилар** (Харьков) – Премия им. Л. Козинец «Фиолетовый Кристалл» за роман «Светорада Медовая».

3. **Дмитрий Лукин** (Ялта) – Первый диплом мастер-класса А. Первушина за рассказ «Луна исчезла».

4. **Николай Немытов** (Симферополь) – Второй диплом мастер-класса А. Первушина – за рассказ «Планета маргышек».

5. **Константин Крапивко** (Москва) – Первый диплом мастер-класса Д. Казакова за рассказ «Нечисть».

6. **Дмитрий Лукин** (Ялта) – Второй диплом мастер-класса Д. Казакова за рассказ «Тюремщик».

7. **Анна Игнатенко** – Первый диплом мастер-класса Д. Володихина за рецензию на роман А. Лазарчука «Мой младший брат Иешу».

8. Второй диплом мастер-класса Д. Володихина не был присуждён никому.

9. Дипломы семинара Д. Федотова (по итогам интернет-конкурса фантастического рассказа «НФ+фэнтези=?») получили:

✓ **Владимир Юрченко** (г. Красноярск), рассказ «Хорт»

✓ **Арина Трой** (г. Ташкент), рассказ «Пифия»

✓ **Александр Юдин** (г. Москва), рассказ «Проект Адам»

✓ **Антон Тудаков** (г. Владимир), рассказ «Возвращение вождя»

✓ **Сергей Чебаненко** (г. Луганск), рассказ «Ларец старца Нинелия»

✓ **Андрей Гальперин** (г. Евпатория), рассказ «Панкратов Sky»

✓ **Владимир Дёминский** (г. Ростов-на-Дону), рассказ «Демоны Сталинграда»

✓ **Игорь Вереснев** (г. Макеевка), рассказ «Рассечённое время».

(Рассказы победителей мастер-классов и конкурса будут опубликованы в итоговом сборнике фестиваля «Настоящая фантастика-2010». Кроме того, рассказы А. Юдина и С. Чебаненко приняты к публикации в журнал «Наука и Жизнь», а авторы – премированы годовой подпиской на журнал.)

10. **Игорь Лесс** (Москва) – Первая премия и приз (мобильный телефон Sony Ericsson) рецензионно-публицистического портала Книгозавр (<http://knigozavr.ru>) за лучшую рецензию на произведения в жанре хоррора и мистики «Страхи близкие и далекие» на рассказы Иванова Петра Даминовича.

11. **Янина Грошева** (г. Евпатория) – Вторая премия и приз (MP3 плеер) рецензионно-публицистического портала Книгозавр (<http://knigozavr.ru>) за лучшую рецензию на произведения в жанре хоррора и мистики «...и ад следовал за ним» на рассказы Андрея Гальперина.

12. **Надежда Агафонова** (Николаев) – Третья премия и приз (флэш-драйв на 16 Gb) рецензионно-публицистического портала Книгозавр (<http://knigozavr.ru>) за лучшую рецензию на произведения в жанре хоррора и мистики «Вестник Времени Откровений» на творчество Александра Шнайдера.

13. **Евгения Блинчик** (г. Симферополь) – Поощрительный приз за самую необычную рецензию «Демарш или..?» на рассказ Андрея Гальперина.

14. **Павел Амнуэль** – Премия имени И.А. Ефремова СП России и Совета по фантастической и приключенческой литературе при СП России – «с целью увековечения памяти великого писателя и ученого России и поощрения литераторов, сохраняющих, развивающих и обогащающих традиции, заложенные им в отечественной фантастической литературе».

15. **Ярослав Веров** и **Игорь Минаков** – Премия «Бронзовый Икар» СП Москвы и журнала «Наука и жизнь» («За настоящую научную фантастику») в номинации «Лучшее художественное НФ-произведение» за дилогию «Десант на Сатурн» – «Десант на Европу».

16. **Павел Амнуэль** – Премия «Бронзовый Икар» СП Москвы и журнала «Наука и жизнь» («За настоящую научную фантастику») в номинации «За общий вклад в возрождение, развитие и пропаганду традиционной научно-фантастической литературы».

(фотографии Олега Силина)

OPUS MIXTUM

89 – не возраст

Да-да, именно 89 лет исполнилось в августе Рэю Брэдбери, а он все еще полон если не сил, то замыслов.

Киноэкранизации его прозы, как правило, были малоудачными, но успех многолетнего телесериала «Театр Рэя Брэдбери» (1985-1992) еще памятен, поэтому неудивительно, что «White Oak Films» подписало с Мастером договор на шестисерийные «Брэдберианские хроники». Работать над ними будет Джон Дейтон, продюсер «Театра...», так что можно надеяться на точные и интересные фильмы.

Тем временем «Subterranean Press» готовит самое полное издание «Марсианских хроник», в которое помимо классического цикла войдет еще два десятка рассказов Брэдбери о четвертой планете – от всем известных («Были они смуглые и золотоглазые») до ранее не публиковавшихся.

Фэнтези всех стран, объединяйся

29 октября – 1 ноября в городе Сан-Хосе (Калифорния) прошел очередной WorldFantasyCon, на котором, как положено, поздравляли лауреатов Всемирной премии фэнтези (World Fantasy Award). Ими стали:

- ✓ Джеффри Форд – за роман «Год тени» и сборник «Утонувшая жизнь»,
- ✓ Марго Лэнegan – за роман «Нежные кусочки»,
- ✓ Ричард Боус – за повесть «Если ангелы сражаются»,
- ✓ Кидж Джонсон – за рассказ «26 обезьян, а также Бездна»,
- ✓ Екатерина Седия – за антологию городской фэнтези «Бумажные города»,
- ✓ художник Шон Тэн,
- ✓ издательства «Small Beer Press» и «Big Mouth House» Келли Линк и Гэвина Гранта,
- ✓ Майкл Уэлш за публикацию сборников Говарда Уолдроппа в «Old Earth Books».

А почетные премии за вклад в жанр получили писательница Джейн Йоллен и бывший редактор «Science Fiction Book Club» Эллен Эшер.

Повторяем: «ВСЕХ стран»

«Всемирный фэнтезийный конвент» твердо вознамерился стать всемирным: было объявлено, что с 2011 года начнут вручать специальную премию «The Science Fiction and Fantasy Translation Awards» – за лучшие романы и произведения короткой формы, переведенные на английский язык. «По всему миру вручают премии за переводную фантастику, только у нас, в англоязычных странах такого нет. Мы это изменим!» – заявили организаторы.

Ну, дай-то Бог.

Новинки издательств

Второй месяц подряд серия «Интеллектуальный бестселлер. Читает весь мир» («Эксмо» – «Домино») радует читателей новыми романами Джона Краули, на этот раз – внесерийным «Романом лорда Байрона». Это действительно «роман лорда Байрона», каким его мог бы написать великий поэт. Книга «снабжена» комментариями дочери Байрона Ады Лавлейс, а также мейлами современных исследователей, которые обнаружили зашифрованную рукопись...

Второй месяц подряд «Эксмо» и «Домино» издают сборники Ричарда Матесона. В октябре это были «Тени и призраки», теперь – «Посылка», приуроченная к выходу одноименного фильма, снятого по знаменитому рассказу «Нажмите кнопку» (в главных ролях – Камерон Диас и Джеймс Марден).

Второй месяц подряд «Эксмо» и «Домино» выпускают в серии «Мастера меча и магии» романы Моргана Хауэлла. В ноябре вышла «Дочь клана», вторая часть трилогии «Королева орков».

Второй месяц подряд «Эксмо» и «Домино» печатают в серии «Книга-загадка, книга-мистика» («Эксмо» – «Домино») романы Лилит Сэйткруз из цикла «Данте Валентайн». Вслед за «Контрактом с дьяволом» пришла очередь «Возвращения мертвеца».

И второй... нет, не месяц: второй роман австралийского писателя Джона Харвуда «Сеанс» вышел в серии «Мистерия» издательства «Книжный клуб 36.6» (ранее на русском языке издавалась дебютная «Смерть автора»). Критики утверждают, что это – «викторианский триллер» и примесью мистики и НФ. Должно быть любопытно.

Наконец-то, наконец-то Правила Волшебника закончились! «Одиннадцатое...» и последнее вышло в серии «Век Дракона» («АСТ»): роман Терри Гудкайнда «Исповедница». Спи спокойно, «Меч истины».

В «азбучной» серии «Лучшее» появилась антология «Нежить», составленная Джоном Джозефом Адамсом. С особенностями трудовой не-жизни и деятельности зомби нас знакомят Дэн Симмонс, Келли Линк, Майкл Суэнвик, Нил Геймиан и другие знатоки темы.

«Азбука» же издала книгу, которую давно ожидали любители аниме: роман Хидеюки Кикуги «Ди, охотник на вампиров», ставший основой одноименного фильма.

И если кому-то кажется, что в последнее время выходит мало книг про наших милых кровососущих друзей, то издатели, вдохновленные талантами Стефани Майер, поспешили разубедить в этом читателей. Меньше чем за месяцы в свет вышли: «Тринадцать пуль» Дэвида Веллингтона («Книга-загадка, книга-мистика»; «Эксмо» – «Домино»), «голубая кровь» Мелиссы де ла Круз («Эксмо» – «Домино»), Охотники и жертвы и «Ледяной укус» Райчел Мид («Эксмо» – «Домино»), «Иная» Сьюзан Хаббард («Эксмо» – «Домино»), «Соблазненная» Ф.К. Каст («Олма Медиа Групп»). «Эксмо» заодно переиздало в серии «Вампиры. Легенды о бессмертных» роман С.П.

Сомтоу «Вампирский узел». А вы говорите – нежить. Вампиры жили, живут и будут жить – только кому от этого радость...

Кстати, о переизданиях. «Эксмо» и «Домино» выпустили известные романы «Замок» Ф. Пола Вилсона и «Жена путешественника во времени» Одри Ниффенеггер (как раз к выходу экранизации; в ролях Рейчел Макадамс и Эрик Бана), «Дело Джен, или Эйра немилосердия» Джаспера Ффорде. А в серии «Отцы-основатели» («Эксмо») вышли «Дети капитана Гранта» (автора напоминать нужно?) и сборник Гарри Гаррисона «Пропавший лайнер», куда вошли одноименный роман, повести и рассказы.

А теперь – о местных новинках

В серии «Стрела времени» («Эксмо») вышел сборник Марины и Сергея Дяченко «Мир наизнанку». Помимо новых повестей и рассказов, в большинстве своем ранее не издававшихся (городская фэнтези, мистика, НФ), в книгу вошел долгожданный сценарий «Обитаемого острова». Можете представить, каким стал бы фильм, если бы... Да что теперь говорить.

«Эксмо» же выпустило в серии «Легенды» сборник Александра Громова «Вычислитель», состоящий из пяти повестей, печатавшихся в журнале «Если» в 2001–2006 годах.

«Фантастический боевик» «Альфа-книги» принял в свои ряды «Последний город» Павла Корнева и «Пощады не будет» Романа Злотникова.

Из заметных переизданий, безусловно, следует назвать роман Святослава Логинова «Свет в окошке». Он вышел во «внежанровой» серии «Проект Fiction» («Эксмо»). Надеемся, это привлечет к замечательному писателю внимание тех, кто якобы «не читает фантастику».

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 11 (75), 2009.

Интернет: www.rf.com.ua

E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» –
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (032) 295-64-10,

e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж – 5 тыс. экземпляров

Цена договорная

Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от
22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.
За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.